

Николай Семенович Лесков

**Статьи, предположительно
написанные Лесковым**

Содержание

<РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРЕЗВОСТИ>	0005
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БЕРДИЧЕВСКОЙ ОНУФРИЕВСКОЙ ЯРМАРКЕ 1860 ГОДА	0008
<О ПОСТРОЙКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАНЬ> Суббота 13/25 авг<уста> 1860	0010
<ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИЩУЩЕМ МЕСТА>	0013
ФАКТ ИЗ ИСТОРИИ ВОДВОРЕНИЯ ОТКУПНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ	0015
<ВЕСТИ ИЗ КИЕВА>	0024
<С НОВЫМ ГОДОМ!> С.-Петербург, 31-го декабря 1861 г.	0067
<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ> С.- Петербург, 1-го января 1862 г.	0086
<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ> С.- Петербург, 2-го января 1862 г.	0099
<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ> С.- Петербург, пятница, 12-го января 1862 г.	0109
<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ> С.- Петербург, суббота, 13-го января 1862 г.	0118
<ПО ВОПРОСУ О БОЛЬШЕЙ ДОСТУПНОСТИ НАШЕМУ ПРОСТОЛЮДЬЮ ВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ > С.-Петербург, понедельник, 15 января 1862 г.	0129
<ПО ВОПРОСУ О ВЫКУПНОЙ ОПЕРАЦИИ> С.- Петербург, среда, 17-го января 1861 года	0148

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ. — О ВЕЛИКОМ ЗЕМСКОМ ДЕЛЕ — РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ> С.-Петербург, суббота, 20-го января 1862 г.	0165
<ОБ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ЛИТЕРАТУРЕ ДУХОВНОЙ> С.- Петербург, четверток, 25-го января 1862 г. . .	0186
<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ> С.- Петербург, пятница, 26-го января 1862 г. . . .	0208
<ПО ПОВОДУ ОПУБЛИКОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА. — НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОТКУПЩИКАХ> С.-Петербург, понедельник, 29-го января 1862 г.	0221
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 2-го МАЯ	0242
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 8-го МАЯ	0257
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 22-го МАЯ	0276
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 13-го МАЯ	0291
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В АМЕРИКЕ	0295
ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ	0316
РУССКИЙ ТЕАТР Театральные новости и театральные силы в столицах и провинциях	0331
ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ	0348
В НОВОМ СВЕТЕ (Из американской жизни) .	0357
ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ	0384
НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАПАДЕ	0407
ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ	0435
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	0446

**СТАТЬИ,
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО
НАПИСАННЫЕ ЛЕСКОВЫМ**

<РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРЕЗВОСТИ>

Примите и дайте место в достопочтенной вашей газете моим строкам: они малограмотны, но достоверны и заслуживают внимания тем более, что относятся к распространению трезвости, доброй нравственности и к благосостоянию жителей нашего отечества России.

30-го числа марта, в проезд мой по Дмитровскому тракту в столичный град Москву, остановился я для ночлега в деревне Хлебниковой, принадлежащей его сиятельству графу Дмитрию Николаевичу Шереметьеву. Деревня эта, можно сказать, довольно порядочная, жители в ней более исправные; на краю ее к Москве на горке есть питейный дом или просто кабак. Слово на горке помещаю потому, что в этот день пришлось мне слышать: один крестьянин, средних лет, зовет другого: «Пойдем, брат Иван Евстигнеич, в последний раз на горку, выпьем по шкалику и простимся с кабачком и целовальником Ефимом, ведь

нынче был сход, и все единогласно дали подписку, чтоб отнюдь не пить вина, под страхом строгого наказания». — «Пойдем», — отвечал Иван, и оба поспешно пошли в кабак, действительно стоящий на горке. Взошедши в квартиру, я обратился к хозяину дома, только что пришедшему со схода из вотчинной конторы, находящейся в селе Троицком, в трех верстах от Хлебникова, и уже передававшему кому-то все то, что происходило на сходе, и спросил его: «Какая причина тому, что вы составили такой строгий приговор воздерживаться от вина? Помещик ваш человек хороший, в платеже податей, кажется, притеснений не бывает». — «Да, барин, — отвечал он, — и помещиком, и начальством мы довольны; но у нас до второй недели поста продавали вино по 5 р. за ведро, а теперь набавили еще 1 р. и продают по 6 р.; да и вино-то стало гораздо хуже; это ведь откупщикам нажива, а нам крайнее разорение; авось этим дадим им урок». Потом он порассказал, что было на сходе, как все дружно приняли предложение об этом вотчинной конторы; и в заключение сказал, что составленный приговор

пошлют в главную СПб. контору на утверждение, а потом публикуют, если будет можно, в «Московских ведомостях».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БЕРДИЧЕВСКОЙ ОНУФРИЕВСКОЙ ЯРМАРКЕ 1860 ГОДА

Из 4-х Бердичевских ярмарок Онуфриевская, начинающаяся 5 июня и кончающаяся 12, считается важнейшею. В прежние времена сюда съезжались и купцы из Галиции, Варшавы, не говоря уже о купцах каменецких, одесских и житомирских, татар с табунами лошадей из Крыму; но в настоящем году, вследствие шаткости кредита, безденежья, а в особенности вследствие открытия в Киеве дворянских выборов 1 июня, куда главные покупатели — помещики отправились, Бердичевская ярмарка была очень ничтожна.

Несколько купцов житомирских и каменецких, немного помещиков, множество факторов из разных местечек и городов, несколько австрийских или галицийских немцев[1] — вот и весь торговый люд, или, как в Западной Руси говорят, ярмарковичи (iarmarkowiczj). Хотя, судя по теперешнему

началу лета, урожай будет прекрасен, но цены на хлеб довольно высоки. Так, на ярмарке четверть ржи была от 3 руб. 50 коп. до 4 руб., пшеницы от 4 р. 50 к. до 5 р., овса от 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к., гречихи от 3 р. 50 к. до 4 р. Цена сена очень упала: пуд у евреев стоил 25 к. сер<ебром>, а у крестьян можно было достать и за 20 к. Разница очень большая, еще в мае в Бердичеве пуд сена стоил 45 коп. с<еребром>.

<О ПОСТРОЙКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАНЬ> Суббота 13/25 авг<уста> 1860

Нам пишут из Киева:

Киев очень беден банями, а зато содержатели их очень богаты деньгами. В Киеве, где с приходящим богомольным людом и хри-столюбивым воинством, занимающим нашу крепость, можно смело считать с лишком за 100 т<ысяч> жителей, только три общественные бани, из которых одну, стоящую на «Новом строении» (часть города), почти нечего считать, потому что неудовлетворительное состояние, в котором содержится эта баня, давно отлучило от нее посетителей. Кроме солдат, стоящих на Новом строении, там решительно никто не бывает, и многим вовсе неизвестно о ее существовании. При частных домах здесь нет вовсе бань, и потому все большое население Киева со всех близких и отдаленных мест, каковы: Печерск, Липки, Зверинец, Новостроение и отдаленные кварталы Старого города, не могут обходиться без

двух общественных городских бань: Бугаевой и Бубнова, построенных в одной улице, на берегу Днепра, на Подоле, одна против другой. Кто знаком с географиею г. Киева, тот знает, какова прогулка с Печерска, Зверинца или Нового строения на Подол, по горам. Эта банная централизация на Подоле очень тяжела и невыгодна для жителей всего города, и к тому же двух бань для Киева положительно мало. Нынешний год купец Рапопорт приступил к постройке новой бани на Новом строении, но очень жаль, что репутации возводимой бани предшествуют толки о недоброкачественности льбедской воды для мытья. Вероятно, такие толки окажутся несостоятельными для того, чтобы повредить этому хорошо рассчитанному делу, и, вероятно, пример г. Рапопорта убедит наших сограждан, что бани можно строить не на одном берегу Днепра, а везде, где густое население ощущает в них надобность. С помощью паровых машин и насосов речная вода, годная для мытья, может быть доставлена во все части города; а учреждение общественных бань с паровыми водоподъемными машинами на Печерске и Крещатике,

наверное, обеспечит больший доход, нежели дома. Такое предприятие могло бы состояться и на акциях, потому что в нашем некоммерческом городе очень много мелких капиталистов, которые по роду своих профессий не могут заниматься разработкою своих капиталов и всего чаще скрывают ото всех свое состояние, вверяя его кредитным учреждениям или употребляя на постройку домов, записываемых за женами. А как кредитные учреждения не дают уже прежних процентов и доходы от домов, видимо, обещают уменьшиться, то можно быть уверенным, что неторговые капиталисты охотно приняли бы участие в таком деле, как постройка общественных бань в самой многолюдной части города.

<ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИЩУЩЕМ МЕСТА>

Русский человек, не лишенный некоторого образования научного и практически приспособленный к торговому делу, знающий близко жизнь и потребности разных мест России от Саратова до Житомира и от С.-Петербурга до Одессы и не замеченный в склонностях не полагать границы между хозяйским и своим добром, предлагает кому угодно из торговых обществ или частных лиц избавить его от голодной смерти, купив его труд за такое вознаграждение, какого он окажется достойным по оценке. Предлагающий свои услуги, зная слабый кредит писанных аттестаций, желает принять обязанности с условием: всякое его движение, клонящееся ко вреду хозяйских интересов, предать общественному суду, путем печатной гласности, и находит такое условие достаточною гарантию за добросовестность своих действий. Те, кому нужен такой рабочий человек, благоволят открыть свои требования редакции «Эко-

номического указателя». Соискателю работы 30 лет от роду и он — и телом, и умом здоров.

Он может представить за себя и обеспечение в женином недвижимом состоянии до 9 тыс<яч> руб<лей> сер<ебром>.

ФАКТ ИЗ ИСТОРИИ ВОДВОРЕНИЯ ОТКУПНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Орловская губерния, вероятно, уже известна читателю из «Записок охотника» И. С. Тургенева, поэтому не стану утомлять его внимания излишними описаниями; скажу только, что теперь она представляет почти везде холмистую степь; кое-где только остались свидетелями минувшего времени небольшие рощи, пощажённые всеокрушающим топором в угоду эстетическому вкусу или охотничьей страсти своих владельцев. В начале нашего столетия Орловская губерния представляла совершенно другой вид: везде почти были дремучие леса, они тянулись из-за Калуги на Тулу; говорят, что тогда из Орла в Калугу нужно было ехать густым лесом, только изредка прерываемым какою-нибудь деревушкою с очищенным вокруг полем да убогой станцией почтовой дороги. В этих дремучих лесах имели верный приют: всякий недовольный дворовый, всякий бежавший

каторжник и служивый. Люди эти частью занимались работой на винокурнях, где было широкое поле всякому воровству, частью лесным воровством в казенных дачах, очень плохо оберегаемых тогда; частью же просто конокрадством по соседним ярмаркам и торгам, где съезжались степняки и полехи для размена своих произведений. Последних представителей этих бродяг я застал еще в живых; это были два бесстрашных охотника на медведей, которые с одноствольным ружьем, заряженным кусками старых гвоздей и свинца, по целым ночам караулили лесного зверя, стоя за каким-нибудь деревом. Меня поражало всегда в них совершенное отсутствие чувства самосохранения; последний из них умер недавно, свалившись с конька собственной избы, которую хотел поправлять; старику было 85 лет. Подобного народа было много тогда, все они были падки до денег и совершенно не стеснялись средствами к добыванию их. Кроме бродяг-охотников, и всякая челядь тогдашних бар была не очень чиста на руку, так что дороги далеко были не безопасны; доходило до того, что, например,

между Мценском и Болховом, между Болховом и Карачевым никто и не думал ездить по ночам; на дороге даже явилась чудотворная икона, спасавшая от лихого человека; считалось непростительной оплошностью не захватить поклониться ей и не отслужить напутственного молебна. Остатки этого разбойничанья мы видели еще не так давно: например, кто из орловцев не знает села, лежащего между Мценском и Болховом, принадлежавшего одному сановнику, кто не помнит тех аракчеевских мер, которыми он укрощал своих подданных, и как раскассировал дворню, сильно пошаливавшую на большой дороге. На эти меры косились даже наши невзыскательные помещики. Одним словом, недаром гласит прибаутка, характеризующая Орловскую губернию:

*«Орел да Кромы
Первые воры,
А Карачев
На поддачев» и т. д.*

Можно себе представить, что должно было произойти при установлении откупной системы на этой беспокойной почве. И действи-

тельно, откуп здесь, как и нужно было ожидать, вытерпел сильный отпор, развивавшийся часто в мрачную драму борьбы монополий с вольнолюбивым населением, не хотевшим признавать никаких стеснений в своих привычках. Эта борьба прошла незаметно в ряду исторических событий царствования Александра I, но не менее того она существовала, тому свидетелями не одна сотня жертв, павших среди безобразных свалок, имевших зачастую место при поимке корчемников.

Заводчики, не причастные откупу, пользовались этой народной ненавистью к новому узаконению, стеснительному для разгульного характера тогдашней молодежи, и, под прикрытием этих молодцов, посылали целые транспорты вина в соседнюю губернию, где продавали его по дешевой цене, делая подрыв откупам. Откупщики с своей стороны защищали свои законом дарованные права, не стесняясь в выборе средств. Они заманивали всякого, находящегося под карой закона или общества, обещали ему безопасность, а в случае верной службы и большие барыши и награды. Охотников набиралось много, и из

них-то составляли откупщики свои вооруженные кордоны. Не любила церемониться эта откупная стража с корчемниками — на случай сопротивления последних она не задумывалась «биться даже смертным боем». Да, откупная монополия стоила простолыдину не одной только трудовой деньги, которую он нес в кабак к откупщику, но нередко просто самой жизни. В доказательство мною сказанного я хочу привести событие, которое могут засвидетельствовать старожилы того времени.

По одной из дорог в пограничное торговое село стоял винокуренный завод богатого помещика, человека, любившего пользоваться обстоятельствами, чтобы нажить себе копеечку. Во время установления откупной системы он завел корчемство в довольно обширных размерах и вскоре навлек на себя подозрение откупа; но так как владелец был силен — земская полиция боялась его и, несмотря на просьбы откупщика, не могла остановить корчемства. Откупщик прибегнул к силе, он стал собирать бродяг и составил из них вооруженный кордон. Заводчик проведал про эту

меру, кликнул клич всем удалым головам, желавшим участвовать в экспедиции, снарядил 30 троек лихих коней, поместил на каждую по бочке вина да по два молодца и отправил транспорт. В глухом лесу, где дорога была сжата двумя оврагами, встретили корчемники откупной кордон, который загородил им дорогу... начались ругательства; кто-то из кордонных ударил корчемника, тот не утерпел да и пырнул ножом в бок обидчика, — кордонные кликнули, — из оврага повалила вооруженная ватага, — раздалось несколько выстрелов, но обозные не дали опомниться противникам и, пользуясь большинством, дружно ударили в рогатины и обратили в бегство оплошавших кордонных, потом наскоро зарыли убитых в овраге, сели на свои тройки и стрелой полетели к месту назначения. Ободренный успехом помещик стал частенько посылать транспорты. Откупщик усиливал стражу, помещик сильнее защищал обозы, так что дело принимало значительные размеры — иногда убивали и ранивали в подобных схватках человек до двадцати. Откупщик как ни был занят своими делами, как ни дешево

обходилась ему потеря людей, видел необходимость самому вмешаться в такое дело и потому, тайно приехав в свое соседнее имение, он дал знать земской полиции, собрал понятых, вооружил человек 200 крестьян и окольными дорогами пробрался на место, где обыкновенно стоял кордон. Ждали обоза — он не замедлил явиться, — по данному знаку вдруг выскочили все крестьяне из засады и окружили корчемский обоз; сопротивляться нечего было и думать, — обозных перевязали и отправили вместе с конфискованным вином в уездный город. Проведал заводчик, что дело добром не кончится, что придется ему недешево поплатиться за спекуляцию, — нужно было принять энергические меры. Чтобы выпутаться из подобного положения, он прибегнул к средству, к которому обыкновенно прибегают в таком случае, то есть поскакал в губернский город и донес, кому следовало, что откупщик слишком разбавляет вино, что на собственном его заводе есть недогар в вине. Средство оказалось действительным: чиновничество, всегда жадное до всяких казусов, в особенности таких прибыльных, как откуп-

ные, — сейчас нарядило следствие, по которому оказалось, что действительно на заводе был недогар в вине. Завод опечатали и поставили караул. Теперь уже откупщик был в критическом положении — он рисковал лишиться прав на откуп; большая часть его состояния пропала, дешево от такого дела не отвяжешься. Но изобретательный ум русского человека шел на помощь: подкупили караульных, подняли крышу опечатанного погреба и налили спирту во все бочки, потом заделали и послали просьбу самому губернатору о переследовании. Следователь явился, осмотрел печати, которые, разумеется, оказались нетронутыми, — вино надлежащей крепости, — с завода сняли опечатку, и тогда уже доносчик не мог вывернуться: он был приговорен к немедленной уплате 120 000 р<ублей> асс<игнациями> оскорбленному откупщику. В то время это была сумма значительная и превышала состояние приговоренного.

Рассказ этот привел я, чтобы доказать, что далеко не так мирно обошлось дело водворения откупной системы, как это многие полагают. Подобных выше приведенному случаю

бывало чрезвычайно много, и это только капля в море в сравнении с теми закулисными драмами и интригами, которые разыгрывались в то время. Кстати скажу, что из бродяг, привлеченных смутами и неурядицей первых годов установления откупной системы, образовалась впоследствии довольно значительная шайка разбойников, опустошавших Орловскую губернию; впрочем, она скоро была переловлена военным отрядом, нарочно присланным для этого.

<ВЕСТИ ИЗ КИЕВА>

— Немало содействует успехам образования распространение публичных библиотек. В последнее время открыт кабинет для чтения книг, газет и журналов в Киеве, на Крещатике. Учредитель — г. Барщевский, комиссионер книгопродавца А. А. Смирдина.

* * *

— В нынешнем году разлитие Днепра причинило большие убытки прибрежным жителям. Со времени вскрытия ото льда, с 24 марта по 18 апреля, вода в Днепре поднялась до высоты двух сажен; первая убыль замечена (в Киеве) лишь 18 числа, и по 14 мая убыло воды только на 4 ф<ута> 6 д<юймов>. Оболонье и часть Куреневки совершенно были покрыты водою; работы на Черторое значительно повреждены; пострадавших от наводнения домов насчитывают до 196, исключая незначительных изб и мазанок, которые совершенно унесены водою вместе со всем достоянием бедных жителей.

— В Киеве 26 апреля приступили к мощению улиц камнем. Назначенный с этой це-

лью комитет успел закупить камень и нанять мостовщиков. Мощение началось с набережной, а перемощение с Житомирской улицы. Наблюдение за работами возложено на г. Бокманского.

— Слух об отпуске суммы на окончание работ на Черторое подтверждается. Всего ассигновано 120 000.

* * *

— В Киеве на днях начнутся губернские выборы. По этому случаю ожидают решения многих значительных вопросов, каковы, напр<имер>, о банках, о сельских школах, в которых дворянство, вероятно, примет участие.

— Мысль об учреждении общества для развития сельского хозяйства в западном крае близка к осуществлению: проект основных положений этого учреждения уже представлен на рассмотрение правительства. Центром действий общества будет Киев, где предназначается быть и общим заседаниям; кроме того, предполагаются и частные собрания в Житомире, Каменец-Подольске, Умани и Дубне. При центральном комитете хотят устро-

ить библиотеку и редакцию двух периодических изданий: «Земледельческой, промышленной и фабричной газеты» и «Земледельческого сборника».

* * *

— В видах устройства в киевском садовом питомнике рассадника лучших сортов фруктовых деревьев от министерства государственных имуществ командируется за границу (в Германию, Бельгию, Голландию и Францию) старший помощник инспектора сельского хозяйства южных губерний г. Базинер для обозрения известных видов садовых заведений и покупки плодовых растений, наиболее пригодных для России.

* * *

— В обществе нередко слышится желание иметь русское Евангелие в маленьком формате, вроде французских и немецких карманных Евангелий, продаваемых у Вагнера в Одессе по 23 к<опейки> сер<ебром> в изящном переплете. Вероятно, возможность удовлетворить такое желание публики не замедлит представиться.

— В книжном магазине С. И. Литова в Ки-

еве 20-копеечные Евангелия на русском языке не продаются дешевле как по 40 к<опеек>, что чрезвычайно оскорбляет покупателей этой книги. Это удвоение цены особенно отражается на посещающих Киев богомольцах, которые всегда покупают в Киеве книги духовного содержания, но которые так бедны, что нередко 20 к<опеек> с<еребром> составляет весь наличный капитал пешехода-богомольца. Переплатить лишний двугривенный для него есть уже разорение, и он принужден отказать себе в приобретении Евангелия, недоступного для него по цене.

— Вице-президент Киевской комиссии для разбора древних актов проф<ессор> Иванишев на днях отправился в Варшаву для археологических работ в тамошних древних архивах.

— На обсерватории университета св. Владимира устраивается новая башня для рефрактора. По учебной части в самом университете готовятся перемены. Слышно, что образуется особая кафедра философии, которую займет проф<ессор> Гогоцкий, читающий ныне педагогику.

— «Киевск<ий> телегр<аф>» (41), сообщая о вырождении саранчи в Подольской губернии, приводит известие, что в некоторых местах этого края замечены были на снегу в большом количестве особого рода насекомые, черного цвета, величиною с обыкновенного муравья, которые возбудили немалое удивление местных жителей; один из образованных помещиков даже обратился с просьбою в университет об определении вида этих насекомых, прислав их образчики.

* * *

— В Киеве 6 июня открыты дворянские выборы.

* * *

— В Киевской губернии, в болотах Черкасского казенного имения, открыто большое количество торфа, на пространстве 710 дес<ятин>, объемом до 1 420 900 куб<ических> саж<ен> и ценностью более 85 000 р<ублей>.

Разработка этого торфяника будет отдаваться в оброчное содержание, с торгов, на 48 лет.

* * *

— В Киеве начала появляться мелкая се-

ребряная монета нового низкопробного чекана. В уездном казначействе, как слышно, получено ее на 10 000 руб. Золото тоже не редкость; его можно достать в казначействе по нарицательной цене, если только в обмен будет представлена серебряная монета.

* * *

— Киевские выборы окончились. Местная газета отдает этим выборам преимущество перед прежними. Обращено было серьезное внимание на полезные меры по разным вопросам, и вновь избраны в должности дельные лица; партии просвечивались, но только для того, чтобы и многосторонними воззрениями разъяснить общие задачи и сопряженными усилиями достигнуть предполагаемой цели. Особенного внимания заслуживают вопросы об агрономическом обществе и частном кредите.

— После получения в Киеве 135 № «С.-Петербургских ведомостей», в котором было помещено письмо о продаже 20-копеечных Евангелий в магазине С. И. Литова по двойной цене, продажа Евангелий в этом магазине вовсе прекращена. Зато в магазине К. Бар-

щевского ожидают получения этой книги, и продажа ее будет там производиться, как слышно, не дороже 25 копеек за экземпляр; а если представится возможность продавать без убытка по 20 коп., то цена эта не будет нимало возвышена.

— В пользу возобновления памятника св. Владимира в Киеве, стоящего при спуске Александровской горы, 7-го июля был назначен в контрактной зале музыкальный вечер гг. Н. Демиденко и Абрамовичем. Небольшая скромная колонна, составляющая этот памятник, когда-то окруженная купами деревьев, чрезвычайно изящно выглядывала из-за роскошной украинской растительности. Теперь деревья около этой колонны вырублены, бежавший из-под нее ключ (в котором подозревают присутствие железистых частиц) засорен и почти иссякает, надписи и украшения разрушились, и самая колонна, оставшаяся без поправок, пришла в плачевное состояние. Кирпич и прочий строительный материал, кроме железа, в Киеве значительно дешевле, и в городе не слышно прежних жалоб на недостаток квартир. Впрочем, цены на квар-

тиры еще чрезвычайно высоки. (Например, 3 комнаты на Старом городе 250 р<ублей>, без отопления; 2 комнаты на Крещатике 300 р<ублей>.)

— В 181 № «Указателя» сказано, что на обсерватории Киевской устраивается новая башня для рефрактора. Нам пишут, что эта не совсем верно. Рефрактор думают поставить на простой невозвышенной платформе, а старая башня уже сломана.

* * *

— Дело о мощении Киева идет вяло. Общество почему-то к нему равнодушно: из 5000 с лишком лиц, которым присланы были приглашения на выборы оценщиков, изъявили согласие прибыть 750, а явились только 65. Теперь не знают, на чем остановиться при оценке домов: принять ли в руководство действительную их стоимость или доходы, ими приносимые. Открытый по этому случаю пригородской думе временный комитет, вероятно, для общей пользы постарается приобрести независимость и начнет действовать без лицепрятия, чтобы тем оправдать возлагаемое на него начальством доверие.

— Киевский книгопродавец купец В. Г. Барщевский со дня открытия своего книжного магазина с кабинетом для чтения (см. № 177), из которого читатели могут брать книги и на дом, заметил, что весьма много людей, преимущественно из университетских и академических студентов, и особенно чиновники разных ведомств, стесняются взносом денежных залогов в обеспечение получаемых ими на дом книг для чтения и нередко, при отказе им в отпуске книг без залога, предлагают в виде обеспечения разные вещи, принятие которых неудобно. От этого много людей, желающих читать, остаются без удовлетворения, потому что магазин не может отпускать книг без обеспечения неизвестным лицам.

Желая расширить круг своих читателей и сделать чтение доступным всем военным и гражданским чиновникам и студентам, книгопродавец Барщевский изъявил готовность отпускать им книги и газеты без залогов, с тем условием, чтобы каждый читатель этого рода дал в магазин записку своего непосред-

ственного начальства, удостоверяющую, что предъявителю ее может быть отпускаемо для чтения книг и газет на семь руб<лей> сер<ебром> (обыкновенный залог) и что в случае утраты читателем взятых сочинений начальство его немедленно вознаградит магазин за счет потерявшего.

Хотя такое движение г. Барщевского имеет характер собственной его выгоды, но тем не менее нельзя не находить его очень практичным, выгодным для небогатых читателей и достойным подражания со стороны других провинциальных книгопродавцев, отпускающих книги для чтения. Дай только Бог, чтобы начальствующие лица не отказались сделать для своих подчиненных доступным получение книг и газет из магазина г. Барщевского и не поставили себе в труд как выдачу обеспечительных записок, так и обратное требование этих записок от получившего в случае его перемещения, отпуска, отставки или увольнения из заведения. Иначе г. Барщевский не будет достаточно гарантирован.

* * *

— Ординарный профессор университета

св. Владимира А. П. Вальтер читает в большой аудитории Киевского анатомического театра бесплатно приватный курс физиологии — «О явлениях животной жизни». Лекции читаются три раза в неделю, два раза по вечерам в будничные дни и одна — в воскресенье, от часа до двух поп<олу>д<ни>. Такой выбор часов для чтения дает возможность лицам всех состояний пользоваться ими без ущерба своим занятиям, и число слушателей, заинтересованных прекрасными лекциями пр<офессора> Вальтера, умножается, кроме специалистов, людьми разных сословий, желающими просветить свой разум знакомством с законами естествознания. Дай Бог всякого успеха благому делу пр<офессора> Вальтера; имя его не забудут люди, которым он поможет сбросить с себя тяжкие путы предрассудков.

— Говорят, что дело о постройке в Киеве общественной бани над Александровским спуском (с левой стороны), проектированное г. Б...м, совершенно расстроилось. Неужели в Киеве не найдется ни в ком сочувствия к этому делу, пока за него не возьмется кто-нибудь, пришедший от стран далеких? Непонят-

на такая непредприимчивость в городе, где постоянно слышатся жалобы на недостаток дел, приносящих верные выгоды производителям.

— Нелестное для киевлян известие о закрытии кабинета чтения Тешнера в Киеве, по неимению читателей, разъяснилось другими причинами, не зависящими от недостатка в городе потребности в чтении. Нам пишут, что г. Тешнер получал книги и газеты в компании с другим лицом, которое имело право пользоваться новостями литературы до сдачи их в кабинет и пользовалось этим правом весьма неснисходительно, так что посетители кабинета Тешнера читали новости тогда, когда для прочей публики они составляли уже забытый интерес. Понятно, что таким образом нельзя иметь читателей. За двумя зайцами гоняться всегда невыгодно.

— Агенты купца К—на Ту—го, занимающегося значительною закупкою пшеницы в губерниях западно-южного края к Одесскому порту, распускают в этом крае слух, что из-за границы нет и не будет в нынешнем году никакого запроса на пшеницу. Этот слух очень

огорчает здешних землевладельцев, угрожая им залежью товара или необходимостью сбыть его по низкой цене, которую заблагорассудит установить тот же К. Т—й, составляющий авторитет для всех евреев, промышленяющих в этом крае пшеницею. Все это очень убедительно говорит в пользу давно бродящей мысли об учреждении в Киевской губернии правильной компании на акциях для торговли пшеницею. Тогда частные спекулянты, конкурируя с торговой компанией, охранили бы производителей от заблуждений, в которые вовлекают их теперь разные коммерческие утки, пускаемые в народ отвратительною жадностью «перекупов», привыкших к барышу сто на сто. К несчастью, утки эти часто еще удаются, особенно в тех местах, где экономические понятия живут в идее будущего.

* * *

— Во всех почти городах заведены меняльные столики для размена бумажек на серебро. Странно, что таких столиков нет в Киеве, а между тем киевляне жалуются на монополию размена бумажных денег, присвоенную

себе будто бы некоторыми купцами, как, например, Поляковым и Николаенком на Крещатикской площади, которые берут за промен на мелкое серебро по 7 %.

* * *

В 29 № «Современной медицины», газеты, издаваемой в Киеве профессором Вальтером, обращено внимание на отвратительное состояние отхожих мест при новом здании присутственных мест г. Киева, стоящих, по словам той же газеты, правительству больших денег и отстроенных в очень недавнее время. Нам пишут, что места, обратившие на себя внимание «Современной медицины», и теперь находятся в том же отвратительном состоянии, в каком описала их эта газета в №, вышедшем 28-го июля, указывая на их вредное влияние на здоровье нуждающихся в них 600 человек. Мы готовы не верить этому слуху — о таком невнимании к голосу местного специального медицинского органа, но, к сожалению, не имеем на это основания.

* * *

— В Киеве будут читаться зимою лекции практической механики.

— Там же начались уже лекции г. Вальтера о явлениях животной жизни. Г. Судовщиков, читавший в прошлом году курс русской словесности, будет продолжать этот курс и в нынешнем году.

* * *

— В состав нашего избирательного дворянства нынешний год вступило несколько здешних дворян-домовладельцев.

— В Киеве теперь 6 воскресных школ; из них 5 мужских и 1 женская, кроме того, студенты духовной академии задумали открыть у себя праздничную школу, которую ученики будут посещать не по воскресеньям, а в другие назначенные дни, а некоторые дамы изыскивают средства для открытия еще двух женских школ, одной на Подоле, другой в помещении Фундуклеевского училища.

— Весенняя вода в Днепре нынешний год спадала очень быстро, и на реке обнаружилось много мелей и песчаных наносов, неблагоприятных для судоходства. Левый берег Днепра против г. Киева совершенно обмелел, а на середине реки появился довольно большой песчаный остров из наносного песка. На-

деются, что вход в Черторой будет совершенно завален и воды днепровские возвратятся в старое русло. Таким образом, окончатся вечные работы по возведению водоотводной плотины, и умрет курица, так исправно несшая некоторым господам золотые яйца.

— Мы уже писали, что в Киеве куп<ец> Шедель, по случаю крайнего недостатка в разменной монете, давал взамен ее печатные контрамарки в 10, 15, 25 и 50 к<опеек> сер<ебром> и что начальство вскоре запретило выпуск Шеделем этих контрамарок. Теперь Шедель с тестем своим купцом Глезером, имеющим в Киеве большую паровую крупчатку, выпустили ответные контрамарки от одного на другого. В народном обращении они показали только второй день, и публика принимает их весьма охотно. Доморощенные наши экономисты не умеют ничем опорочить этой меры, кроме того, что билеты размножатся на такую сумму, что Глезер с Шеделем не в силах будут оплатить их.

— Мы недавно сообщили нашим читателям умную меру киевского книгопродавца В. Г. Барщевского, изъявившего желание отпус-

кать книги для чтения всем людям, стесняющимся взносом денежных залогов, под поручительство их начальства. Теперь нам пишут, что для большего содействия успеху этой меры В. Г. Барщевский напечатал особые бланки, которые раздаются каждому желающему бесплатно и в которых остается только проставить имя читателя и подпись поручителя, и затем по возвращении в магазин подписанного бланка предъявителю его отпускаются домой книги и газеты. Однако, несмотря на простоту и немногосложность такой процедуры, дело движется весьма слабо. Бланки разобраны в большом количестве, а в магазин с надписями возвращено их до сих пор только до 20 экземпляров, и все возвращенные бланки, без исключения, подписаны на имя учеников Киевской духовной семинарии с ручательством заверившего их инспектора семинарии иеромонаха Гермогена. Воспитанники других учебных заведений, духовных и светских (не исключая и высших), не находят за себя поручителей и после долгого странствования с взятыми у Барщевского бланками возвращают их неподписанными, сетуя на

утрату возможности пользоваться чтением без залогов, которых у них нет. Мы не можем понять, какое затруднение встречаются некоторые начальства в незначительном денежном ручательстве за лиц, документы которых находятся под сохранением самих начальств и составляют надежное обеспечение? Во всяком случае, честь и слава отцу Гермогену, содействующему распространению чтения между подведомыми ему воспитанниками. Они, вероятно, сумеют быть ему признательными, а мы с своей стороны считаем уместным выразить ему нашу благодарность за сочувствие к стремлению духовного юношества знакомиться с отечественною литературою и ей посвящать время, свободное от учебных занятий. Говорят, что воспитанники Киевской духовной семинарии, получающие книги в магазине Барщевского под поручительство инспектора Гермогена, складываются партиями на взнос денег за чтение и что таким образом чтение обходится им в месяц не дороже 25 копеек на человека. Не мешало бы поучиться у киевских семинаристов многим людям, жалующимся на невозможность

чтения за дороговизною книг.

— В Киеве составилось общество бесплатного приготовления в университет.

* * *

— В Киеве некто куп<ец> Шедель выпустил печатные расписки для размена при сдаче. Поводом к выпуску этих значков был крайний недостаток мелкой, разменной монеты. Они пошли очень ходко. Лавочники покупали их на 25, 10 и 5 р<ублей> разом, и публика брала их дней 6 с большим доверием; но начальство запретило Шеделю выпуск этих расписок в видах охранения общества от увлечения кредитом. Однако значки, выпущенные уже в оборот, не возвращаются еще к Шеделю, а находятся в народном обращении и в большинстве случаев служат единственною возможностью разменяться. Трудно поверить, до чего последние 2 недели дошло у нас с разменом. В самом казначействе нет не только серебра, но и меди. Рублевых билетов дают сколько угодно, но с рублевым билетом часто нет возможности купить вещь, стоящую 75 коп<еек> сереб<ром>. В нашем пивном зале — любимом месте студентов, неко-

торых профессоров и проч<его> небогатого люда, не подадут пива, не спросив, «какие у вас деньги?» С рублем вы можете не получить требуемой бутылки пива, стоящей 16–25 коп.

— Вследствие страшных стеснений табачной торговли и упадка достоинства табака при возвышении ценности, в Киеве во многих кружках бродит мысль об «Обществе табачной трезвости». Кружок этот, видимо, растет в университетской семье. На днях мы видели лист, усеянный подписями. Многим такая мысль может показаться странною, но у нас она может наделать серьезных вещей.

* * *

— Киев. Здесь открыта 6 ноября женская воскресная школа при Фундуклеевской женской гимназии.

— Мы слышали, что проектированное общество сельского хозяйства для Киевской, Волынской и Подольской губерний не состоится, а взамен того дворянство каждой из этих губерний составит местные, по губерниям, общества. Киевские помещики приступили уже к образованию такого общества для своей гу-

бернии.

— Идея об ученых съездах распространяется более и более. По вызову д<окто>ра Смирнова, «Современная медицина», газета, издаваемая в Киеве, поднимает в № 42 этот вопрос в отношении к врачам и естествоиспытателям и формулирует в таком порядке условия, нужные для осуществления этой мысли: 1) дозволение правительства, 2) комитет для устройства съездов, 3) делопроизводители первого съезда, избираемые комитетом, 4) программа общих вопросов, которые следует предложить первому съезду, 5) приглашения замечательнейших деятелей по части медицинских и естественных наук в России.

— «Киевский телеграф» сообщает слух, что в селении Глевах, близ Киева, крестьяне в храмовой праздник, 1 октября, дали обет не пить вина, но что за это были телесно наказаны.

* * *

— Киев. Бывший редактор «Киевского телеграфа» г. Чернышев и владелец частной типографии в г. Киеве г. Давиденко намерены с начала 1861 года издавать здесь «Экономиче-

скую газету», которая будет выходить три раза в неделю.

— Большое паровое лесопильное заведение, устроенное г. Вальнером на левом берегу реки Днепра, против Киево-Подола, оставалось в течение всего нынешнего лета без действия и теперь стоит в таком же грустном положении. Говорят, что причину бездействия этой лесопильни должно видеть в недостатке оборотного капитала. Если это справедливо, то мы не можем понять, отчего для спасения капитала, убитого в постройке этого заведения, не прибегнуть к товариществу? Среди всеобщего безденежья тяжело смотреть на затраченные и погибающие таким образом суммы предприимчивых людей, обескураженных неудачей, за которой у нас так неотступно следует упадок кредита и многие заслуженные и незаслуженные упреки, напоминающие упрек соседей обворованному мужику в том, что он «не взял щенят от Жучки».

— Одна русская дама, мать четырех взрослых сыновей, из которых два уже университетские студенты, а двое младших оканчивают гимназический курс, просила попечителя

К... учебного округа дозволить ей слушание в университете лекций русской словесности, истории и педагогики.

— Один молодой ученый Киевского университета д-р Бец в начале января 1861 года отправляется, по определению совета, в Западную Европу с ученою целью. Бец известен как хороший химик, и в области этой науки им сделано несколько замечательных анализов и самостоятельных наблюдений. Главная цель его поездки — усовершенствование себя в химии и технологии, которые он делает своею специальностью.

* * *

— Преемники Бикеса, вводящие в России способ химического удобрения, намереваются распространить свой способ и в западных губерниях и с этой целью назначили представителем своего дела в Киевской, Волынской и Подольской губерниях Н. С. Лескова.

* * *

— Киев. Билетики, выпущенные Шеделем и Глезером в Киеве и известные под названием «шеделевских денег», в полном ходу. Торговцы, в случае отказа казначейства на

просьбу о размене, меняют кредитные билеты у Шеделя <на> его значки. Говорят, что при

этом промене Шедель вычитает 1 %. Мы желали бы знать, правда ли это? Если справедливо, то потребность в разменных деньгах в этом городе велика, хотя и не показывает упадка кредитных билетов, как полагают некоторые потому, что уплата по этим частным билетикам, вероятно, производится непременно металлическою монетою.

— Нам пишут из Киева, не принимая на себя ответственности за математическую точность, что из периодических изданий, выходящих в Киеве в 1860 году, через тамошнюю губернскую почтовую контору к концу года рассылается нижеследующее количество экземпляров:

1) «Руководство для сельских пастырей», издаваемое при Киевской духовной семинарии.....
.. 2550 экз.

2) «Воскресное чтение», издаваемое при Киевской духовной академии.....

мии..... 1092 —

3) «Труды духовной академии»..... 542 —

4) «Современная медицина», еженедельная медицинская газета, редактируемая и издаваемая

профессором Вальтером и доктором Денковским..... 507 —

5) О числе рассылаемых через почтовую контору

экземпляров «Киевского телеграфа», газеты

политической и литературной, издаваемой под

редакцию А. фон Юнк, не удалось собрать никаких

сведений, а в типографии, абонированной этою

газетою, печатается..... 350 —

Редакция «Киевского телеграфа» уже исправила один раз сведения, сообщенные нами насчет получаемых в Киеве периодических изданий. Мы желали тогда знать, верны ли они? Теперь мы будем очень благодарны

всякому, кто пояснит сообщенные нами слухи о объеме киевской периодической литературы.

— Учредители Киевского общества сельского хозяйства, кроме других параграфов, соответствующих целям подобных учреждений, внесли в устав предположение об основании в разных местах учебных ферм, музея моделей и земледельческих орудий и библиотеки. Действительными членами общества могут быть лица всякого звания и сословия. Жаль только, что при таких широких основаниях настоящее значение членов утрачивается от преобладания в уставе бюрократических правил о порядке в заседаниях, как, напр<имер>, то правило, что «каждый член в общем собрании имеет право представлять свое мнение или предложение, которое будет подлежать обсуждению собрания в таком только случае, когда оно снабжено будет подписью пяти членов и согласием совета».

— Студенты университета св. Владимира учредили здесь недавно общество пения и музыки, состоящее из лучших музыкантов и певцов, как из студентов, так и лиц, не при-

надлежащих к университету.

* * *

— Киев. 5 декабря. Генерал-губернатор западных губерний командировал состоящих при нем чиновников особых поручений произвести ревизию запасных сельских магазинов.

— Носятся слухи, что здесь будет учреждена комиссия для преобразования квартирной повинности.

— У некоторых членов комиссии для описания губерний Киевского учебного округа, утратившей в последнее время свое значение, родилась счастливая мысль — дать этому учреждению вид экономического общества. Конечно, большинство членов разделит эту мысль, и состав комиссии обратится к деятельности более практичной и полезной.

— Здешние воскресные школы, несмотря на успех их, к сожалению, возбудили никому не нужную полемику. Распорядители школ требуют какого-то уполномочения на право говорить о школах, а между тем сами умалчивают о своих действиях, оставляя публику в неведении.

На Подоле открыта еще одна женская воскресная школа. Учредительницы этой школы — молодые дамы, преимущественно из купеческого звания.

— Недавно в зале университета любителями музыки и искусства был дан концерт с живыми картинами в пользу воскресных школ и студенческой библиотеки. Посетителей было так же много, как и в концерте 24 ноября в пользу бедных.

* * *

— Киев. Общество здешних врачей при возобновлении своего бюро избрало президентом г. Гюббенета, а вице-президентом г. Мацона.

— Остававшиеся недостроенными участки киевского шоссе от Довска до Броваров и орловско-брянского от Орла до Рославля окончены, и проезд по ним открыт. Таким образом, Киев теперь соединен с Петербургом непрерывным шоссе и частью железною дорогою.

Телеграфную же станцию в Довске предполагают закрыть с будущего года.

* * *

— Киев. Студенты зд<ешнего> университе-

та, заботясь о материальных средствах воскресных школ, которым они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботам (в самое свободное время для всякого). Не касаясь музыкального достоинства этих вечеров, которые, однако, по отзывам людей компетентных, удовлетворяют самым взыскательным требованиям, — они имеют два весьма важных значения: 1) крайне умеренною ценою за вход, 25–50 коп. с персоны, они доставляют возможность эстетического наслаждения самым небогатым людям, лишенным возможности слушать дорогие концерты, и 2) приобретают воскресным школам существенное пособие, без всяких вымогательных мер, вроде раздачи билетов через полицию, как это водится в некоторых филантропических обществах, неразборчивых в деле способов благотворения.

— Несколько медицинских студентов того же университета, вместо святочного праздничанья, наняли складчиною профессора Вальтера прочесть им приватно курс анатомии.

— Адъюнкт-профессор химии при университете св. Владимира Абашев 1-го декабря

прочел свою последнюю публичную лекцию перед рождественскими праздниками. Предметом этой лекции были биографии химиков Шеле и Пристлея, а послерождественское чтение г. Абашев, вероятно, откроет биографией Лавуазье. Делая уклонение от предмета химии к историям химиков Шеле, Пристлея и Лавуазье, г. Абашев выразил огромному числу своих слушателей ту прекрасную мысль, что если мы употребляем время на изучение биографий Александра Македонского и Наполеона, с именами которых соединено воспоминание о несчастиях, принесенных ими человеческому роду, то непростительно нам оставаться незнакомыми с жизнью и страданиями людей, ознаменовавших свое земное шествие рядом ученых трудов, составляющих достояние человечества.

— При бригадной школе 2<-й> саперной бригады открыта школа для безмездного обучения детей и взрослых мужского пола.

— 10 декабря было последнее заседание комитета о мощении Киева камнем. Из представленного депутатами отчета видно, что в 1860 г. вымощено улиц 8,603 кв. саж<ени> на

сумму 36 448 р. 56 к. и перемощено 9,045 кв. сажени> на сумму 6144 руб. 21 коп.

— Дворянские выборы здесь начались с 10 числа этого месяца. Здешнее дворянство, по убеждению одного из своих почтенных сочленов, кажется, рассудило положить для расходов губернского и уездных предводителей своих значительный ежегодный оклад жалованья.

* * *

— Киев. Редакция ежедневной медицинской газеты «Современная медицина», издаваемой проф. Вальтером, назначает своим подписчикам будущего 1861 года в виде премии «Историю прогресса в английском гигиеническом законодательстве». Брошюра эта составлена Вл. Бецом и Н. Лесковым по Oesterlen'y («Die neuere Sanitates Gesetzgebung und Sanitatesreform in England»). В этой полной живого интереса статье автор с замечательною наглядностью показал зависимость смертности и заболеваний от степени благоустройства общественной жизни в данных местностях Англии. Значение постановлений об устройстве жилищ, о мощении и очище-

нии городов, реформированное после радикального обсуждения вопроса свободною прессою, не может быть неинтересно для народа, который далеко не испытал еще наслаждения и теми удобствами, от которых 20 лет тому назад страдала Англия. Брошюра эта, вероятно, будет и в продаже.

— «Киевский курьер», газета литературная и политико-экономическая, как слышно, будет выходить не с начала года, а с марта месяца.

— Содержательница одного из женских пансионов в Киеве Агата Осип<овна> Нельговская, известная своим содействием учреждению воскресных женских школ, встретив некоторые неудобства в посещении ее воспитанницами публичных лекций пр<офессора> Абашева, намерена доставить детям, вверенным ее попечению, возможность выслушать эти лекции у г. Абашева в самом пансионе. Сочувствуя просвещенной заботливости г-жи Нельговской, мы не можем не пожалеть, что у нас еще иногда встречаются некоторые неудобства при посещении публичных лекций девицами.

— В Киеве стоит такая снежная и морозная зима, какой давно здесь не запомнят. Если не случится оттепелей, то ожидают большого съезда к контрактной ярмарке, на которую состояние дорог всегда имеет весьма чувствительное влияние. Почты несколько опаздывают приходить в Киев по причине глубокого снега по трактам.

— Для недостаточных жителей нашего города истинное благодеяние оказывает с некоторого времени купец Коломейцев, распродавая дрова по мелочам, причем количеством дров не обуславливается цена их, так, купивший у него аршин и даже связку дров получает их относительно по одной и той же цене, как и купивший несколько десятков сажень. Дровяные запасы Коломейцева находятся на Печерске, и потому не все еще обыватели могут пользоваться его услугами.

* * *

— Киев. 26 декабря 1860. Дальнейший выпуск разменных денежных марок купца Шеделя и Глезера прекращен по обстоятельствам, столько же не зависящим от Шеделя и Глезера, сколько и от общества, не выражав-

шего никакого недоверия к кредиту этих лиц. Говорят, что шеделевских марок находится в руках киевлян тысяч на пять руб<елей> с<еребром>. Не без некоторой основательности полагают, что значительная часть марок не возвратится к Шеделю для оплаты их, а уничтожится в руках обращателей, ибо город не только не чуждается употребления их, но, напротив, они составляют весьма обыкновенные разменные знаки. Это весьма понятно, если примем в расчет, что Шедель пользуется значительным доверием городских обывателей, а размен с помощью его марок обходится на 7 % дешевле размена на мелкую государственную монету. Таким образом, марки принесут Шеделю выгоды, на которые он, может быть, и не рассчитывал, а в потере будут киевляне, доведенные до необходимости принимать эти монетные «суррогаты».

— В медицинском факультете Киевского университета рассматривается проект и план устройства в Киеве центральной больницы для умалишенных. Больница эта назначается для пяти прилежащих губерний. Надеются, что при устройстве этой больницы не будет

забыто, что здание ее предназначается для людей, страждущих болезнями головного мозга. Вполне веруя в рациональность соображений членов киевского медицинского факультета по медицинской части, нельзя не пожелать, чтобы проект и план устройства этого заведения прошел еще через руки хороших специалистов по другим частям, чтобы избежать, например, бельевых сушилен, в которых белье не сушится, или микроскопических вентиляторов, не принимающих никакого участия в очищении больничной атмосферы.

— Киево-Печерскою лаврою открыто училище для детей штатных служителей ее.

— По случаю ранних снегов свекловичные плантаторы здешнего края, где в особенности свекла выкапывается очень поздно, понесли значительные потери.

— В Каневе открывается уездное для мещан училище.

* * *

— Киев. Здесь, за бывшей Житомирской заставой, строится новый тюремный замок. Интересно бы знать, взяты ли при устройстве

этого «замка» какие-нибудь меры к устранению тех неблагоприятных гигиенических условий, которые иногда составляют у нас принадлежность подобных замков. Около вновь устраиваемой киевской тюрьмы много свободного места, которое, говорят, можно бы занять под огороды и возделывать овощи, нужные для арестантской пищи, арестантскими же руками. Пора бы, право, обратить серьезное внимание на времяпрепровождение заключенных и предоставить им возможность не совсем расставаться с матерью-природой, освежающей силы и очищающей помыслы. Замена «трынки» — специального занятия большинства арестантов — работою в садах и огородах важно не менее заботы «об улучшенной арестантской пище», чем ограничиваются иные наши тюремные комитеты. Странно, что прекрасная киевская медицинская газета пр<офессора> Вольтера, подымавшая не один раз вопрос о жизни заключенных в тюрьмах, не выразит своего мнения по поводу вновь устраиваемой в Киеве тюрьмы. Голос ее был бы очень уместен в этом случае и, может быть, указал бы не одну из вредных

сторон нашего тюремного устройства, которых новые тюрьмы не чужды не менее старых.

* * *

— Киев. «Киевский телеграф», изъявляя желание скорейшего уничтожения такс, по примеру Петербурга, приводит следующее обстоятельство, не говорящее в пользу такс. В прошлом году крупитчатая мука 1 сорта продавалась за пуд по 2 р. 40 к., фунт белого хлеба значился по таксе 5 к., в этом году мука несравненно дешевле, именно по 1 р. 80 к., а хлеб печеный за фунт по таксе значитя так же, как и в прошлом, по 5 к. Лучший печеный хлеб продается у немецких мастеров, у которых покупает почти весь город; немецкие булочки, как Юнг, Зириг, и др., пользуются своею популярностью, но, не довольствуясь хорошей по таксе ценой, пекут хлеб весом вместо $\frac{3}{4}$ даже по $\frac{1}{2}$ фунта.

Шелководное заведение г. Чицова при Днестре, пользующееся некоторою известностью, приобрело в последнее время и доверие со стороны окрестных крестьян. Многие из них с охотою стали разводить шелковицу, со-

зная в ней прочное подспорье к хлебопашеству, далеко не вполне их обеспечивающему. Число их, как слышно, доходит до 100 человек.

* * *

— Киев. 1 января. В Киеве ощущается самая настоящая надобность в учреждении ссудной казны, под мелкие ручные залоги. Число ростовщиков, занимающихся ссудами подобного рода, здесь весьма значительно, но заем у них до крайности обременителен для кредитующегося и сопряжен с большим риском для последнего. Между многими заимодавцами особенно известен один кавалер, Д...в, у которого такой порядок, что занимающий, оставляя у него вещь за сумму, не превышающую одну четверть ее стоимости, дает кавалеру, или человеку, которого он называет «mon valet», [2] расписку в том, что он продал эту вещь за взятую сумму. После дня, определенного кавалером для выкупа, вещь составляет его собственность; да и вообще кавалер с минуты получения продажной расписки делается владельцем залога на законном основании, и возврат вещи зависит толь-

ко от его великодушия. Процент при этом самый умеренный, 10 % на 100 в месяц, а в год 120 % на сто. У других «банкиров» те же уставы и учет формулирован так же, но обороты гораздо ничтожнее. Есть здесь и подвижной банк в лице некоего г. П...аго, который, как хвост за кометой, следует за героями зеленого поля и снабжает их «грошами» под ручные же залого, на самое короткое время, иногда на несколько минут, до первого выигрыша, тоже по 10 % «за момент залога», но так как такой банкир незаменим, а потребители его кредита не сохраняют право на общественное сочувствие, то всякая забота об ином устройстве такого ходячего банка неуместна.

— Мысль об учреждении общественной лектории время от времени все ярче высказывается в киевском обществе, но решительного шага к осуществлению этой мысли еще не сделано. Дай Бог этому благовому делу хоть часть успеха, который венчает всякое предприятие по устройству, напр<имер>, блинов или катанья, на которые каждый тратит гораздо больше того, что нужно на годовое чтение.

— Во время рождественских праздников, когда некоторые киевские университетские студенты слушали приобретенные наймом лекции, воспитанники духовных училищ, состоящие «в хоре», посещали дома граждан для поздравления с праздником. Где принимали этих певчих, там они, стоя у дверей, пели сначала канон, приличный случаю, потом «Ударил час, медь зазвучала... судьбе повиноваться должно, нельзя ль не плакать, не тужить» — и, наконец, многолетие хозяевам.

Пение не отличалось особенною стройностью по причинам, очевидно, зависевшим от обстоятельств, соответствующих праздничным обычаям.

— Студенты здешнего университета учредили музыкальные вечера в пользу воскресных школ.

* * *

— Киев. 27 января. В настоящее время Киев оживленнее обыкновенного, контракты вывели его немного из постоянного сна, но несмотря на то, что дорога хороша, ярмарка далеко не так многолюдна, какую ожидали. В самом контрактном деле — не все места за-

няты. Большая часть торговцев — все здешние же купцы, переселяющиеся обыкновенно в ярмарочное время с Крещатика на Подол. Приезжих, как продавцов, так и покупателей, очень немного, везде и все жалуются на общий застой и безденежье. Город мало заботится об удобствах помещения торговцев; так, например, 21 числа в 10 часов утра обрушился один из ярмарочных балаганов, оттого, что был едва-едва слеplен, к счастью, в это время там никого не случилось, и крушение обошлось без несчастья.

— Недоразумения, возникшие было в киевской конторе коммерческого банка по поводу учета векселей здешних же купцов Р—та и К—на и др., окончилось мирно.

— Киев по-прежнему терпит недостаток в размене кредитных билетов на звонкую монету. За мелочь платят 4, 5 и даже 6 коп<еек> за рубль. Еще недавно влиятельные лица, от которых зависит размен, отсылали просителей к купцу Полякову, говоря, что у него серебра сколько угодно, — источник, откуда получает Поляков серебро, очень интересует здешних жителей, но положительно неизве-

стен. Впрочем, в настоящее время и Поляков прекратил вдруг размен, говорят, потому, что «себе дороже стоит». Из всех киевских торговцев только один табачный фабрикант Иг—ов не чувствует общего недостатка: он как-то нашел средство получать мелочь при дамском пособии.

— Говорят, что вскоре в Киеве откроется пятая типография. Носятся также слухи, что предположенная у нас новая газета «Киевский курьер» не будет издаваться вовсе по неимению сотрудников; многие даже радуются тому, что ее хоронят прежде, нежели она успела явиться на свет. Вообще у нас редакторы терпят недостаток в сотрудниках. Редакторы обвиняют публику в недостатке сочувствия, а публика редакторов в кое-чем другом.

— На днях первой гильдии купец Рапопорт (теперь православный) назначен попечителем Киево-Софийских духовных училищ. Эта новость до того занимает киевскую публику, что везде только и слышишь толки о прогрессе в выборе на такую должность г. Р. Рапопорта.

— Трезвость, почти погибшая в трудной борьбе с личной страстью и принуждением, опять начинает оживать в губерниях: Ковенской, Виленской и Минской. Помещики и священники служат примером воздержания. «Угощать гостя искренним приемом, а не упивать вином» — девиз импровизированного братства трезвости. Интересно знать, какой теперь фокус придумают для распаивания народа наши откупные штукари.

В 11 № «Могилев<ских> губ<ернских> ведом<остей>» н<ынешнего> г<ода> напечатаны наблюдения г. Дубицкого «О главнейших причинах болезней и смертности чиновников». Мы думаем, что статья эта заслуживает полного внимания наших строителей и распорядителей и что оглашение ее в одном из более распространенных органов нашей журналистики принесло бы немалую пользу.

<С НОВЫМ ГОДОМ!>
С.-Петербург, 31-го декабря
1861 г

С новым годом, с новым счастьем! Вот слова, которыми приветствуют друг друга в день нового года родные, друзья и знакомые. В этих словах нет, конечно, ничего дурного и предосудительного; напротив, ими выражается желание счастья ближнему, стало быть, смысл их хорош, и звучат они приятно, а потому-то и вошли в общее употребление. Но если поглубже вникнуть в смысл этих слов, то он окажется не столь отрадным, как представляется с первого взгляда. С новым счастьем! Прекрасное пожелание, но тем не менее счастье — дело случая и произвола. Счастливец тот, кому везет, а везет не всегда достойнейшему. Когда честный труженик получает за труды свои должное воздаяние, за небольшие труды — немного, как и следует, а за большие — много и вполне по заслугам, тогда нет для него счастья: тогда только оценены его заслуги и труды; тогда он получает,

так или иначе, только надлежащую плату за них. Этого-то единственно, а ничего другого, то есть не лишнего вознаграждения, не счастья желает себе и другим человек, вполне развитый, сознающий свои права и обязанности, сознающий свое человеческое достоинство. При таком сознании невозможно желание большего, чего-либо иного, кроме правильного вознаграждения за свои труды. При таком сознании человек не просит для себя счастья ни у Бога, ни у людей. Он знает, что потому-то, между прочим, и велико число несчастливцев, что есть счастливцы, которые получают многое, пользуются разными благами случайно, по воле судьбы, счастья, а не всегда за труды, не по заслугам и достоинствам. Он не завидует таким счастливцам: завидуют не вполне развитые, а не развитые люди, и завидуют обыкновенно тем более, чем менее заслуживают и достойны того, что составляет предмет их зависти. Вполне развитый человек, сознающий, по возможности, мировые законы и условия общественного благосостояния, никогда не бросит камня ни в кого, ни в счастливца, ни в несчастливца;

он не делает этого уже потому, что не завидует и счастливейшим, и не счастье того или другого человека возмущает его душу, а то, что причина счастья для одних служит причиной несчастья или неудач для других. Совпадение счастья для одних и несчастья или неудач для других необходимо и неизбежно именно тогда, когда одним, обыкновенно многим, судьба не воздает и должного, а другим, немногим, воздает не по заслугам. Другими словами, для того, чтоб одни, немногие, получали слишком много, необходимо, чтобы другие, многие, получали слишком мало. Счастье для одних, в большей части случаев, иначе и невозможно, как насчет несчастья для других, и невозможно именно потому, что, по законам природы, каждому дается столько, сколько ему нужно, и тем более, чем заслужено им для себя и другими для него. Мир устроен не как попало, а дивно-гармонически. Нет лишних сил и даров природы в нем, а потому каждый из нас вправе получать только то, чего он заслуживает и что законным образом принадлежит ему. На основании этого-то закона никто не может полу-

чать лишнего без прямого или косвенного произвола случая или счастья.

Вникните поглубже в смысл русского слова счастье, и вы убедитесь, что этот смысл объясняется как нельзя лучше тем, что и в нашем русском обществе, как во всех других, далеко не всегда воздается человеку по заслугам, а именно, одним воздается слишком много, другим слишком мало; одним везет, другим не везет; у одних есть сильные покровители, у других нет их, и т. п.; тот, кому так или иначе везет, везет во что бы то ни стало, не всегда по заслугам и трудам, а потому насчет заслуг и трудов других людей, его ближних, тот счастливец, тому улыбается счастье — и вот этого-то мы желаем друг другу! А это значит, если поглубже вникнуть в смысл нашего желания, что мы желаем и дурного, и невозможного. Мы желаем дурного, потому что, конечно, нехорошо и непрочно то явление, то условие нашего личного благосостояния, которое основано на несчастьи или хотя бы только на неудачах для многих; мы желаем невозможного, потому что невозможно счастье для всех, и невозможно оно именно по-

тому, что счастье, которого мы желаем себе, а иногда и другим, зависит только от случая и случайностей, и притом такого рода случайностей, которыми обуславливается не благосостояние общества, а нечто совершенно ему противоположное.

Конечно, побуждение, заставляющее нас желать такого рода счастья, подчас всем и каждому, не только не дурно, но даже положительно прекрасно; но нехорошо то, что мы далеко не вполне сознаем подобное желание, а потому и желаем дурного.

Что же желать нам, если не счастья? спросят нас.

А прочно ли ваше счастье, счастье, которого вы желаете себе и другим? Испокон века почти все желают его, некоторые и пользуются им; но прочно ли оно, и что путного от него для общества, для всех и каждого? Куда ни взгляните, на одного счастливица — много несчастливцев, да и положение самих счастливицев далеко не прочно. Не все то золото, что блестит. Счастье иногда скоро, иногда нескоро приходит; но уходит почти всегда скоро и всегда непрочно. Счастье, по одной

бурятской легенде, высокая колоссальная баба, которая потеряла своего сына и по всему свету ищет его. У этой бабы только один глаз, и притом на темени, а потому, отыскивая своего сына и никого и ничего не видя, она схватывает первого встречного, кто только попадет ей под руку, подымает его и подносит к своему темени. Тут видит она, что опять схватила и нашла она не сына своего, а чужого, и потому тотчас же с сердцем отбрасывает его от себя.

Чего же желать нам вместо такого счастья? Желать можно многого. Например, можно и должно желать, чтоб люди сознавали свои желания и потому, вместо того, чтоб желать счастья, как они обыкновенно понимают его, хорошо было бы, если б они желали действительного счастья, не блестящего и мишурного, а прочного и возможного только при общем благосостоянии. Чем более общего благосостояния, тем возможнее для всех и каждого действительное счастье, тем прочнее оно, тем, правда, менее блестящих, исключительных счастливых, но зато тем менее и несчастливцев. Общее же благосостоя-

ние возможно только там, где более трудятся и зарабатывают, чем проживают и проматывают, где наиболее правды в судах и жизни, где наименее произвола и прихотей.

Но возможно ли общее благосостояние, и разумно ли желать его? Не значит ли это желать невозможного? Общее благосостояние возможно и необходимо, потому что оно одно только нормально, законно и естественно, оно одно удовлетворяет требованиям вечных и непреложных законов, начертанных Провидением. Нельзя же допустить, чтобы Провидение требовало от нас исполнения его правдивых законов, начертанных для нашего блага (ибо исполнение их ведет только к благу и не допускает зла), и в то же время чтобы то же самое Провидение противодействовало нашему благу, то есть общественному благосостоянию. Мы знаем, конечно, что в мире большой недостаток, недочет в общем благосостоянии; но ведь это не без причин, как не без причин и то, что есть счастливцы. Не будь таких причин — не было бы и таких счастливцев, не было бы недочета и в общем благосостоянии. Устраните эти причины, и вы

устраните пролетариат, пауперизм и вообще всякого рода общественное зло; вы не только сделаете общее благосостояние возможным, но и водворите его в мире или той части или частичке мира, на которую вы можете влиять настолько, чтоб устранить в ней подобные причины. Конечно, одно устранение причин всевозможных зол не создает мгновенно общего благосостояния, но оно, по крайней мере, приблизит час его и сделает его возможным, даже неизбежным.

Да и смешно было бы требовать не только создания, в самое короткое время, общественного благосостояния, но и мгновенного, быстрого устранения условий и обстоятельств, противодействующих жизни правильной и счастливой. Хорошо уже то, что возможно и даже необходимо устранение таких условий и обстоятельств. Остальное — дело времени, а также и трудов, заслуг. Кроме даровых сил природы, Провидение ничего не дает даром и случайно: оно бесконечно правдиво, и потому все то, что есть у нас действительно хорошего, полезного, благотворного и прочного, то приобретено или нами самими, или нашими

отцами, и приобретено законным образом, честными и полезными трудами, действительными заслугами.

Но люди возразят нам на это: даже великие умы, гениальные государственные люди, испокон века, целые тысячелетия, хлопочут об общем благосостоянии, ежедневно создают для этой цели новые теории, придумывают разные меры, иногда даже жертвуют собой для достижения общего благосостояния, а оно не только не осуществилось, но даже и не составляет еще предмета общего, единодушного желания.

Правда, оно не осуществилось, но зато осуществляется. Взгляните на мир — мир идет вперед; взгляните на нашу Русь — и наша Русь идет вперед.

Разве современный мир походит не только на древние, но и на феодальные времена? Разве современные государства и администрации, несмотря на все недостатки в них, не лучше по своему устройству и своим началам государств и администраций древних и средних веков, даже прошлого века и начала нынешнего? Разве личность человека не раз-

вивается ежедневно и не приобретает новых прав для себя? Прежде, в былые времена, большинство людей состояло повсюду из рабов, если и не всегда по имени, то всегда по существу дела, а теперь не то. И теперь над большинством тяготеет еще множество враждебных его развитию и благосостоянию обстоятельств, но с каждым днем, хотя это и незаметно подчас, эти обстоятельства слабеют, устраняются. Не приходите в отчаяние от тех сил и бедствий, которые еще преследуют человечество даже в самых передовых странах мира; не пугайтесь, что еще далеко не одни нравственные законы правят миром и что произвол и насилие нередко и во многом преобладают в нем: нередко и во многом, а не всегда и не во всем. Всмотритесь в то, что совершается перед вами, и вы увидите, что между злом и добром, между ложью и правдой, между произволом и правом идет не только ежедневная, но и ежемгновенная борьба, и теперь не то, что было прежде: теперь дело правды, истины, добра и правда чаще прежнего берет верх и одерживает блестящие победы над произволом, над ложью и

неправдой. Вникните в эту борьбу, и вы убедитесь, что она и необходима, и благотворна, и рано или поздно кончится решительным торжеством нравственных, благих начал. В этой-то борьбе и вырабатываются, и крепнут лучшие начала; в этой-то борьбе и слабеют ежедневно, и уничтожаются ежеминутно начала, враждебные добру и правде. Эта-то борьба и есть лучшее доказательство, что мир человечества не неподвижен, что он не гибнет и не дряхлеет, а напротив, крепнет и растет как духом, так и телом, что он идет вперед и пойдет вперед!

А с ним и наша Русь идет вперед! Шесть лет всего прошло с окончания последней войны, а сколько уже пережито, передумано, переделано с тех пор в России! Сколько осуществилось в это время и такого, о чем и говорить не смели мы едва шесть лет тому назад. То, о чем только мечтали и гадали всегда лучшие граждане России, то совершено в наше время: крепостное право уничтожено, и наша Русь спасена, освобождена от него! Сколько и других более или менее важных и отрадных событий совершилось у нас в этот краткий

период времени! Если не каждый день, то каждая неделя или, по меньшей мере, каждый месяц представлял нам какой-нибудь несомненный факт о поступательном движении вперед как нашей администрации, так и других элементов нашей жизни. Служба наших солдат значительно облегчена, быт их несомненно улучшен; твердо задумано и положительно начато дело облегчения участи и мещанского сословия; часовая стрелка приближается к цифре, показывающей последний час откупной системы, тоже своего рода крепостного права; в нашем судопроизводстве готовятся значительные реформы; создано учреждение мировых посредников и волостных судов, быстро устраивается на прочных началах наш сельский мир, перестраивается, хотя медленнее, и мир городской; Россия обогащается народными школами; литература наша не отстает от общей жизни и общего движения в России... Куда ни взглянешь, почти всюду или избавление от лишних уз или преград, или облегчение. Уже теперь сбываются пророческие слова поэта: «Россия вся в будущем». Действительно, она не прозябает,

как прежде, она живет и мыслит; живет, потому что мыслит, а мыслит, потому что живет, и настолько живет, насколько мыслит.

Правда, как в мире вообще, так и в нашем русском мире не все лучшее есть уже наилучшее, не все еще хорошее приобретено, не все необходимое уже добыто нами; но хорошего понемногу, по поговорке. Явись все хорошее зараз, вдруг, так и не разберешь его, пожалуй, не отличишь надлежащим образом от дурного, не оценишь как следует, проглядишь, пропустишь его и не воспользуешься им умно и разумно, а без такого пользования и хорошее немногим разве лучше дурного. Да притом же и хорошее тогда только вполне хорошо, когда вполне сознано, когда вполне заслужено, а все ли мы сделали и делаем для приобретения всего хорошего? Не каждый ли почти из нас рассчитывает более на свое счастье, нежели на свой труд, и на более или менее благоприятные обстоятельства, нежели на сознание своих обязанностей, на полное и честное исполнение их? Каждый ли из нас так внимательно и усердно метет ступень, на которой стоит в общественной жизни, как это

необходимо для того, чтоб вся общественная лестница была чиста и проходима? Ведь общественная лестница — общая лестница; общими силами надо и мести ее, то есть каждый должен мести ту ступень, на которой стоит, а мести ее каждый из нас может честным исполнением своих обязанностей, как бы велики или незначительны и невидны ни были они. Исполнение обязанностей важнее пользования правом: второе без первого невозможно или же есть только род счастья, род богатства, которое так же скоро проживается, как и наживается! Право без соответственной ему обязанности — мыльный пузырь. Обязанность — фундамент права, и для истинно развитого и честного человека потому только и дороги его личные права, что с ними сопряжены обязанности: таким образом и самое право есть для него обязанность; иначе он не дорожил бы им, иначе он приобретал бы право, как милость, как счастье, даром, а такой человек ничего не требует и не желает для себя даром, не приобретает путем насилия или подаяния ни насущного хлеба, ни чего-либо другого... Он знает, что на даровой хлеб име-

ют право только дети, калеки да инвалиды всех родов и видов.

Да, еще не все враждебные общественному благосостоянию начала и обстоятельства устранены; не устранено еще вполне ни одно из этих начал; но это главным образом потому, что не признаны еще многими условия общественного благосостояния. Потому именно и продолжается и долго еще будет продолжаться борьба в мире между добром и злом, истиной и ложью, что такое сознание есть покуда еще удел только весьма немногих. Но как бы продолжительна ни была такая борьба, исход ее известен и несомненен: зло, ложь и произвол уступят, будут побеждены, ибо уже и теперь, мало-помалу, уступают они истине и благу, закону и праву и отступают от поля битвы. Тьмы и произвола теперь несравненно менее, а света и права несравненно более в мире, чем было прежде. Многие не видят и не чувствуют этого; но это, между прочим, потому, что теперь все, а в том числе самомалейшее зло, заметнее прежнего, и в особенности потому, что люди современных нам поколений развитее, а потому и чувствитель-

нее людей прежних поколений ко всем ударам судьбы, насилия и произвола. Мир идет вперед и пойдет вперед!

Но прочное общественное благосостояние, как и прочное благосостояние отдельных лиц, приобретается и достигается не счастьем, не даром, а трудами, усилиями и заслугами. Не тот богаче других, у кого более дарового золота, а тот, кто лучше других умеет довольствоваться и пользоваться тем, что имеет. Без такого умения и золото не впрок, и счастье так и подавно не впрок; с таким же умением и самый мусор, как известно, часто превращается в золото, а счастье — вещь совершенно лишняя, и достаточно, когда нет особенных несчастий, которые, скажем к слову, посещают чаще людей, рассчитывающих на счастье, нежели людей, рассчитывающих на свои труды и заслуги. Оно и должно быть так: счастье, как его обыкновенно понимают люди, не может быть прочным уже потому, что фундаментом ему служит или случай, или произвол, а не закон, не нравственное начало. Между тем, таково счастье, о котором мечтают, которого желают себе люди.

Но есть, конечно, истинное счастье: оно заключается в полноте и правильности жизни, а такая жизнь вполне возможна только при общем благосостоянии, при отсутствии всего того, что противодействует такому благосостоянию, ибо все то, что противодействует общему благосостоянию, противодействует и благосостоянию частному, и наоборот. С развитием общего благосостояния облегчается приобретение средств в жизни, насущного хлеба, уменьшается настоятельность иметь большие, недоступные для большинства средства к жизни, жизненный путь и промысел каждого облегчаются с каждым днем, произвол уменьшается, счастье, случайное счастье становится реже, но зато несравненно реже и несчастья; исподволь все более и более разрушаются разного рода китайские стены между народами, сословиями и людьми вообще, человек все более и более становится вполне человеком, все более и более перестает быть животным, кусающимся и отгрызывающимся, жизнь его делается и разумнее, и теплее, и полнее, и человечнее, а потому и счастливее.

Когда же и насколько мы достигнем та-

кого благосостояния и такой жизни, то есть жизни полной и счастливой, богатой разумом и любовью, единственно достойной человека? Или никогда, или нескоро, или скоро. Это в нашей воле. Чем более будем мы учиться и размышлять, как вслух, так и про себя, тем скорее и лучше уразумеем мы условия нашего благосостояния и пути к жизни полной и разумной; чем более будем мы трудиться, тем скорее приобретем средства к такой жизни; чем более будем веровать в общее благо, как непрременное условие нашего личного благосостояния, чем усерднее и честнее будем мы служить общему делу, общему благу, тем более и приблизимся к нему. Конечно, жизнь по таким правилам подчас не так легка и удобна, как жизнь, рассчитывающая на случайное, произвольное счастье; но зато она полнее, разумнее и единственно достойная жизнь человека, сознающего свое человеческое достоинство. Живя такою жизнью, мы не только не промотаем отцовского наследства, но оставим еще многое для своих наследников и лучше обеспечим участь их, нежели отцы и деды наши обеспечивали нас своим сча-

стием. Во всяком случае, чем труднее будет нам, тем легче будет другим, а в том числе и детям нашим.

Итак, с новым годом... но не с новым счастьем, а с новыми трудами и усилиями, с новою, лучшею, более прежней разумною, деятельною, исполненною истинной любви жизнью! — И мир пойдет вперед, и наша Русь пойдет вперед!

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ>

С.-Петербург, 1-го января
1862 г

Читателям уже известно, что в последнее время казна наша приступила к отчуждению в частные руки некоторых принадлежащих ей фабрик и разного рода недвижимых имуществ. Давно уже признана мысль, что казна никогда не будет в состоянии сделать того, что могут сделать усилия частных лиц в предприятиях, имеющих хозяйственный или торгово-промышленный оттенок; всегда знали и видели, что иные казенные имущества приносили выгоды не столько казне, сколько лично ее агентам; откровенные натуры никогда не скрывали, что, поручи им казенного воробья кормить, они и тут набьют себе карманы. Само общество наше было так настроено, что в известных кружках дорожили знакомством, даже окружали почетом людей, занимавших «прекрасное», «теплое» место, сопряженное с охраною казенного имущества.

Все это было всем известно и ведомо; но отказаться от рутины, сделать уступку общественному мнению не доставало духу даже у тех, кто на всякое казнокрадство не мог смотреть иначе как с отвращением; словом, настали лучшие дни, и этим-то лучшим дням нашей гражданской жизни принадлежит сделанный казною шаг, на который давно вызывали ее разные обстоятельства. Упразднение Александровской мануфактуры, сбыт с рук казенной лосинной фабрики, продажа суконной фабрики в Московской губернии, отчуждение мелкими участками земель Западной Сибири, назначение долгосрочных аренд, принадлежащих ведомству государственных имуществ, продажа домов бывшего Румянцевского музея и др. — все это факты, уже совершившиеся. В последнее время официальные отделы губернских газет извещали о назначении торгов на продажу в частные руки казенного сада в городе Гомеле, потом прекрасного, знакомого целому Петербургу участка, лежащего за Царским Селом, на шоссе, ведущем к Павловску, и известного в публике под названием Малиновской дачи, и, наконец, известных

целой Москве бывших Титовских фабричных зданий, занятых ныне под казарменные помещения.

В газетах было много разговоров о продаже старого арсенала в Петербурге и некоторых гвардейских казарм. Продажа их, впрочем, еще не состоялась; равно не решен, кажется, еще доселе вопрос, который, если читатели помнят, состоял в том: чью собственность казармы эти составляют, военного ли ведомства, или городскую, так как они были выстроены и содержались на счет городских сумм? Что греха таить: продажа этих имуществ глубоко опечалит многих, существование которых и степень общественного положения находились в тесной связи с управлением вверенных им казенных имуществ; но что же делать! казенный воробышек улетает от них из-под носу, напоминая этим отлетом старинную нашу пословицу: «Не все коту масленица, придет и великий пост».

Перебирая время от времени листки губернских газет, мы весьма часто вычитываем там, в отделе о «происшествиях», между прочим смертные случаи от запариванья людей

в печаях и от чрезмерного употребления спиртных напитков. С жалкой стороны рекомендуют эти случаи степень образования нашего простолюдья; в последнее время число этих жертв увеличивается еще новым вредом зла, испытываемого нашими простодушными тружениками от лихих людей. Это опаиванье: человек доверчиво выпьет чарку водки, бутылку пива, даже стакан квасу и теряет сознание, лишается чувств, иногда впадает в долговременную болезнь, а иногда и скоропостижно умирает. Случаи эти были повсеместны, но особенно были часты в Москве. Выпил мужик в кабаке чарку водки, но вышел вон — и в двух шагах упал замертво. А другой выпил стакан пива, а стал выходить из портерной и упал без чувств: его тут же ограбили. В вагоне, на железной дороге, перед остановкой сосед соседа попотчевал квасом; тот выпил, потерял сознание и по выходе тоже был дочиста ограблен. Подобные этому случаю вынудили московского обер-полицеймейстера особым приказом (№ 248) предписать частным приставам оповестить содержателей постоянных дворов, чтоб они постоянно внушали

крестьянам, которые будут у них останавливаться: от неизвестных людей никаких угощений вином или пивом не принимать, а представлять их в полицию, о чем также объявлять чрез городских унтер-офицеров крестьянам и на рынках. Причем предписано принять самые деятельные меры к розыску лиц, занимающихся подобного рода мошенничеством. А как замечено, что обманщики, покупая вино или пиво, примешивают туда, даже в самых питейных заведениях, одуряющий порошок, то велено и содержателям этих заведений и пивных лавок с своей стороны оказывать полиции содействие к преследованию и изобличению злонамеренных лиц. Достаточно ли на это одних строжайших запрещений, мы разбирать не станем.

К числу курьезных публикаций, которыми иногда изобилуют губернские ведомости, нельзя не отнести следующих:

Одно губернское правление вызывает желающих на очень интересные публичные торги: продаются четыре ветхие арестантские рубахи и тридцать шесть таковых же (то есть ветхих) портов.

Другое губернское правление публикует о продаже шестидесяти пудов не годных к употреблению кандалов.

Третье губернское правление разыскивает хозяев найденной кем-то на дороге старой набитой ветошью шапки.

Четвертое губернское правление разыскивает родственников какого-то оставившего сей бранный мир чиновника, после которого остались четыре патента на чины.

Пермская палата уголовного и гражданского суда в конце 1861 года публикует о поступке крестьян-корчемников, о которых дело самую ею окончено еще в начале 1853 года.

Из областного города Николаевска, что на устьях Амура, тоже сообщают курьезные вещи. Скромный корреспондент пишет, что в каком-то областном городе, где проживает много иностранных купцов, один из них пришел в почтовую контору и подал письмо, адресованное к кому-то в Австрию. «Нельзя принять: запрещено!» — отвечал почтмейстер. — «Что за чудо? Какая же причина?» — «Вот в Пруссию, извольте: другое дело!» — «Да отчего же так?» — «Да так; ну не велят! Выда-

ли только прусскую книгу». Податель смекнул, с кем имеет дело, и написал на конверте через Пруссию в Австрию. — «Вот это дело другое-с: теперь отправить можно!» Читатели, вероятно, помнят рассказ о другом почтмейстере, который не хотел принять письма оттого, что адрес был написан не по форме: после «его высокоблагородию» не стояло «милостивому государю».

С берегов Амура, из Николаевска же, пишут, что там в течение целого лета было всего только тринадцать теплых дней и что 28-го августа там шел снег. В Одессе, говорят, тоже с начала сентября был мороз, а где-то под Ярославлем в начале октября подмерзло целое озеро. Ну, положим, Ярославль — это хладный север, но как же морозы могли случиться на Амуре, о котором так недавно еще раздавались крики, что это рай земной, что это русская Испания, что это... ну уж Бог с ними! Прежнее обаяние от Амура ежедневно исчезает, к нему охлаждаются.

Торгующий в Николаевске г. Отто Эше в прошлом году купил в Кяхте тридцать пять верблюдов с тем, чтобы сбыть их в Калифор-

нию. Впрочем, в Сан-Франциско прибыли только девятнадцать верблюдов; они вынесли переход океаном как нельзя лучше; а остальные шестнадцать частью разбежались в лесах амурских берегов, частью пропали дорогой и во время остановки в заливе де-Кастри.

Кажется, подобное же переселение наших кораблей пустынь совершилось и в нынешнем году. Охотники скупают верблюдов для зверинцев, но для этой цели проданы только два животные, назначение остальных пока еще неизвестно. Торговая полиция, что-то давно позамокшая у нас в Петербурге, изредка начинает выказывать свою деятельность в провинции. Недавно воронежское губернское правление опубликовало трех крестьян: двух за торговлю в разнос без установленных ярлыков, а одного за то, что он печет булки вместо фунта в три четверти и меньше. Первых двух оштрафовали по рублю двадцати копеек каждого, а последнего тридцатью рублями серебром. Надо сказать, что и у нас, в Петербурге, и сухари, и булки слишком что-то воздушны, а ржаной хлеб и дорог, и невкусен, и

недопечен и поэтому тяжеловесен. «Костромские губернские ведомости» публикуют об интересном случае, пригодном для разъяснения развития промышленности в России. В мае месяце прошлого года крестьянин Иван Жарков приехал в село Баки (Варнавинский уезд) с ситцами и шелковыми материями и стал ими торговать. Баковский винный пристав, усердствуя казенному интересу, донес казенной палате, что у Жаркова нет свидетельства на право торговли. Казенная палата, зная, что по закону наблюдение за правильностию торговли в уезде лежит на обязанности земского суда, для большего обличения Жаркова в неправильной торговле предписала винному приставу представить об этом общий рапорт вместе со становым приставом. Но становой пристав отозвался, что он крестьянина Жаркова в неправильной торговле никогда не замечал. В нынешнем году Жарков опять приехал в Баки с ситцами и с шелковыми материями. Винный пристав хотел было его накрыть и пригласил для этого станового, но тот отказался от этого удовольствия, объявив, что в базарные дни не

следует преследовать торговцев. Казенная палата построила силлогизм такого рода. Закон действительно воспрещает производить поверку торговли на ярмарках и установленных торгах. В селе Баках действительно базары бывают. Но базарные дни то ли же самое, что установленные торги? А как в селе Баках установленных правительством торгов не существует, да если бы они и были назначены, то эту статью воспрещается лишь приступить на торгах и ярмарках вообще к поверке и разысканию свидетельств, оставлять же без преследования и прекращения явно незаконную (?) торговлю, производимую подобно крестьянину Жаркову, невозможно, то в ограждение интересов казны предписать соблюдать правила, в законах изложенные, и пр. и пр.

В «Нижегородских ведомостях» начальник губернии напечатал циркулярное свое предписание к судебным следователям. Указывая им, что по закону для содержания лиц, арестуемых при полиции, назначается лишь трехдневный срок, при нижегородской же городской полиции содержится девять человек

арестантов, из которых один сидит более трех суток, один целый месяц, один более месяца, один более двух месяцев, трое по три месяца, один более трех месяцев и наконец один более четырех месяцев, начальник губернии делает должное разъяснение о цели заключения под арестом и заключает свое просвещенное назидание напоминанием, что бессрочное, по произволу судебных следователей, задержание при полиции людей, о которых идет дело, не только во всех отношениях незаконно, но противно человеколюбию и стремлениям современного общества.

Это сознание необходимости гуманных чувств, желание идти в уровень с стремлениями современного общества и постоянная угроза огласки и предания дела на суд общественного мнения в последнее время довольно часто прорываются в разных концах нашего обширного отечества. И это уж очень важный шаг, шаг, свидетельствующий, как широко развивается понимание гражданских обязанностей в нынешних правительственных лицах. Газетной огласки начинают страшно бояться даже закоренелые наши столичные и

провинциальные подьячие и всеми силами стараются, чтобы как-нибудь не попасть в газетную строку.

К слову о судебных следователях приведем следующие статистические выводы, сообщаемые «Одесским вестником». В Херсонской губернии считается пятнадцать судебных следователей; из них только двое кончили курс в университете, двое кончили курс в лицах, один был в университете, но не кончил курса, двое учились в гимназии, один в земледельческом училище, один в штурманской роте, а остальные все домашнего воспитания.

В Херсонской губернии, за исключением городов бывших военных поселений, ныне, благодаря Бога, вошедших в общий счет остального населения, всех штатных чиновников считается четыреста пятьдесят семь человек; из них кончивших курс в университетах счетом всего-навсе тридцать два человека, из других перворазрядных учебных заведений тридцать шесть человек (в общем итоге шестидесяти восьми чиновников первого по воспитанию разряда одних врачей считается двадцать шесть человек); в гимна-

зиях и других средних учебных заведениях воспитывались 55 чиновников; остальные 334 человека или нигде не учились, или учились в низших школах. Мудрено похвалиться особенным избытком лиц, получивших высшее образование.

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ>

С.-Петербург, 2-го января
1862 г

У нас есть еще местности, где на сто верст кругом нет ни одного училища, где люди, кроме своей деревни, ничего во всю жизнь не видали и где они только по нужде, для исповеди, ездят к священнику на село; все их знакомства ограничиваются сближением с так называемыми «кошкодавами» и «стекольщиками», то есть наезжими торговцами, снабжающими крестьян необходимыми для них потребностями. В лесистой Вятской губернии доселе для многих пила — инструмент неизвестный; есть местности, где доски вытесываются топором из цельного дерева, а домашняя посуда, ложки да чашки вымениваются у бродячих торгашей. В таком положении живут еще пермяки, между которыми старинная самая патриархальная грязь и невежество не поддаются никаким усилиям времени и окружающих обстоятельств. По высочайшему ука-

зу 26-го июля 1861 г. все наше духовенство с семействами приглашены заниматься обучением грамоте крестьянских детей. По старой манере в школы делался род рекрутского набора волостными писарями, и отцы выкупали у них деньгами сыновей, записанных в училище по жеребью. Как бегают они от грамоты, так бегают и от оспопрививания и всеми мерами стараются отделаться от «оспенников». Про одну волость, состоящую из 2243 душ обоего пола, пишут, что в течение первых семи месяцев нынешнего года там было 67 новорожденных, а умерло детей 120 человек, в том числе сгубила оспа 87 детей.

Вятская губерния, положим, глушь; но вот на выдержку статья о. Гл. Соколова о крестьянах Тульской губернии. Здесь чествуют св. Власия как покровителя коров, св. Флора и Лавра как патрона лошадей, св. Зосима и Саватия как сберегателей пчел. Здесь наряду с Николой-молящим и Ильей-наделящим верят в злого духа и отчуровываются от него, чертя в сочельник на Крещение мелом кресты на всех дверях и косяках. Здесь мстящие ворогу крестьяне, которые сами лично не могут от-

платить обиды, ставят Миколеугоднику забирающую свечку, полагая, что он за них разделается, только бы свеча была поставлена не так, как обыкновенно ее ставят, а верхним концом книзу. Здесь при молебнах, в начале весны, бабы хватают священника и, повалив, катают его по земле, чтобы земля тучнее уродила. Конечно, предрассудков этих долго еще нельзя будет искоренить, и тут паллиативные меры не приведут ни к чему: нужно образовывать молодое поколение, и особенно необходимо действовать на будущих матерей семейств и распространить просвещение между женщинами. Мало развивать одну грамотность: нужно больше всего стараться, чтобы люди умели понимать то, что читают, и, понимая хорошее, умели ему следовать.

Читателям нашим известно, что положение, высочайше утвержденное 19-го февраля, ставит все волостные и сельские училища в исключительную зависимость только от самого селения или волости. В последнее время во всех губернских газетах перепечатано министерское распоряжение о деревенских училищах для «первоначального» обучения де-

тей, состоящее в том, что ходатайства о их утверждении должны быть утверждаемы не сельским сходом или волостным управлением, а губернскими присутствиями, с тем чтобы преподавание закона Божия принимал на себя кто-нибудь из священников. В какой степени это распоряжение относится к раскольничьим селениям и к преподаванию закона Божия по началам религии мусульманской, буддистской и еврейской, не говорится ничего, а про обучение чтению, письму и арифметике сказано, что оно может быть поручаемо и священникам, и другим лицам. Замечено в предписании, что такое обучение с особенным удобством могло бы быть возложено на волостных писарей, как одно из условий их найма в должность. Но вместе с тем вменено в обязанность о каждом вновь открываемом училище в селении сообщать местному директору училищ для сведения и для надзора за преподаванием.

А училища уже начали открываться в селениях крестьян, так еще недавно находившихся в крепостной зависимости. Вести об этом доходят до нас отовсюду, и, что замеча-

тельно, крестьяне начинают уже раздумывать: что прежде чего должно следовать? Нужно ли прежде дом для училища выстроить, или надо прежде всего выстроить дом для заседаний волостного правления? В Боровском уезде Калужской губернии крестьяне некоторых волостей составили приговоры о сборе тысячи рублей серебром для постройки дома волостного правления. В Псковской губернии предполагается одною волостью купить землю-особняк под волостное правление. В Подольской губернии возникает вопрос, считать ли волостное правление присутственным местом и, следовательно, надлежит ли ставить в нем зеркало и портрет Государя Императора? Подольское губернское присутствие объявило, что желание крестьян иметь в волостном правлении портрет Государя весьма похвально, как выражение преданности, но что в устройстве дома надо сообразоваться с местными удобствами и средствами крестьян — достаточно, чтобы в доме, где помещается волостное правление, была особая, по возможности приличная, комната и в ней стол и несколько стульев для заседа-

ний членов волостного правления и волостного суда. Но пензенское губернское присутствие смотрит на дело гораздо современнее. На возникшие вопросы по тому же предмету оно публиковало, что не только постройка домов по однообразным планам, но даже просто наем помещений для волостных управлений совершенно излишни, по крайней мере, в редких лишь случаях необходимы: мирские сходы и до сего времени существовали между крестьянами; в некоторых оброчных имениях мирское управление было даже много-сложно и довольно обширно, а крестьяне обходились же без особых общественных зданий; поэтому — говорит губернское присутствие — расход на наем их, отопление, наем сторожей, по ближайшему усмотрению, могут оказаться излишними. Стремление к подобным расходам полезно отклонять, а крестьянам нужно разъяснять, что излишние траты на предметы не крайней необходимости послужат лишь для самих крестьян тяжким бременем. Стремление к бюрократизму доходило в иных местах до того, что, например, в Александровском уезде возник вопрос:

имеют ли право крестьяне, до введения уставных грамот, увеличивать свое скотоводство? Конечно, этот вопрос имеет свое значение для Екатеринославской губернии, а потому и мировой съезд, и губернское присутствие решили его тем, что крестьяне не могут увеличивать своего скотоводства, по крайней мере на столько, чтобы оттого потребовалось для них большее количество земли против того, каким они в настоящее время пользуются.

На одном из мировых съездов Херсонской губернии, по словам «Одесского вестника», вотирован был вопрос о мундирах для сельских старост и волостных старшин, а один из мировых посредников Радомысльского уезда хлопотал о мундирах рассыльным при посредниках в целях водворения порядка и спокойствия, если бы они были нарушены подгулявшими крестьянами. Киевское губернское присутствие, оглашая это ходатайство, присовокупило, что оно уведомило уже посредника о бесполезности этих мундиров.

Если вопрос о том, нужно ли сечь розгами мужиков за неисправное отбывание барщины, возбуждал сильные прения в большей ча-

сти наших губерний и окончательно везде отвергнут как мера противозаконная, за указанными в положениях более современными и более действительными средствами взысканий, то, разумеется, такой вопрос, который оглашен в Тульской губернии, отвергнут был всеми единодушно. Вопрос этот, возбужденный одним из каширских посредников, состоял в следующем: может ли мировой посредник своею властью ссылать крестьян в арестантские роты? В Орловской губернии один господин тоже поднял подоброго рода вопрос: можно ли прямо от себя ссылать мужиков в Сибирь не на поселение, а на житье? Нечего и говорить, что подобные вопросы единодушно отвергаются гуманными и просвещенными членами губернских присутствий.

Зато во многих губерниях был дан ход ходатайствам о даровании письмоводителям при посредниках прав государственной службы с тем, чтоб вместе с мундиром и чином обязать их легальною ответственностию за упущения. На это высшее начальство циркулярно уведомило губернаторов, что опыт не указывает еще на необходимость этой меры,

что же касается подлогов и других незаконных поступков, то посреднических письмоводителей следует, как и волостных писарей, без церемонии отдавать под суд на основании общих уголовных законов.

Говоря о чиновничестве и бюрократизме, не можем отказать себе в удовольствии передать факт, за достоверность которого ручается «Одесский вестник» и подтверждение которого, если захотеть, можно двадцать раз найти и здесь, в Петербурге.

Одна предерживающая власть обратилась к другой, высшей ее, предерживающей власти за разрешением отпуска подрядчику известного количества смолы. Высший начальник возвратил подчиненному лицу его представление с надписью: «Стыдно вам! Вы входите с вопросом о таком деле, решение которого зависит прямо от вас». Ну, конечно, подчиненный решил дело, как сумел и как следовало по закону; но он как подьячий и человек без просвещенного на вещи взгляда побоялся, как бы с своим решением вопроса впросак не попасть: вместо того, чтобы похерить и уничтожить и свое прежнее представление и на-

чальническое замечание, он велел подшить бумагу «к делу». «Завели» дело. Но «дело» нужно было озаглавить, и вот столоначальник озаглавливает его так: «Дело о смоле и о происходящем оттого стыде». Начальник столоначальника видел эту надпись, одобрил ее, и под этим титулом дело сдано в архив.

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ>

С.-Петербург, пятница, 12-го
января 1862 г

Праздник, святки! Молодежи радость; зрелый возраст тоже не отстает и веселится; пожилой народ хорохорится по-своему, справляя праздники. Лысая и беззубая старость и та собирается тряхнуть стариной и вспомнить бывалые годы. Всем весело; все счастливы. Театры битком набиты, залы маскарадов и разных шпиц-балов кишат народом всех возрастов и полов. В окнах досужих обитателей столицы свет тысячи огней разливается вплоть до заутрень; вечеринки, рауты, ряженые, разный пляс, катанья, песни, веселье, смех и звонкий хохот везде и повсюду. Да как и не веселиться, благо есть от чего! Кому вышла награда, кому награждение дали, кому сама фортуна точно с неба свалилась!

Вот у нас один приятель вчера задавал пир горой от неожиданной награды: у него был просто Станислав на шее. Вдруг вечером, накануне

не нового года, ему приносят пакет за казенной печатью. Сам господин директор пишет к нему: «Милостивый государь, Григорий Антонович!» Разве одно уж это не награда? Но стойте: далее начальник весьма вежливо уведомляет подчиненного о всемилостивейшем пожаловании ему ордена святого Станислава второй степени, Императорскою короною украшенного! Сколько зависти возбудила эта награда счастливого эскутера в других сослуживцах, из которых многие украшали себя лишь бронзовою на андреевской ленте медалью за Крымскую кампанию, о которой так много читали, бывало, они в разных газетах. Ну, уж и задал же наш эскутер пир! Если сосчитать хорошенько, сколько тут выпито мужчинами, сколько съедено дамами, сколько истреблено и теми и другими вместе, да перевести это на обыкновенный многогрешный счет, то, право, всех расходов наберется, по крайней мере, сажень на тридцать лучшего качества чистых березовых дров!

Вот другой наш знакомый, так тот, наоборот, за орденами не гонится, хочет прежде чинов нахвататься, а уж потом разом и заслу-

жить Анну в петлицу. И кажется, что теперь до нее недалеко. Впрочем, есть пословица: «и близко локоток, да не укусишь!» К новому году о нашем горячем служаке пошло представление в ассесоры, со старшинством с девятого декабря. Заветное число! Из трехсот тысяч чиновников всероссийских, наверно, тысяч двести пятьдесят считаются в настоящих чинах со старшинством с девятого декабря. Что ж? Коллежский ассесор — чин немаловажный! Теперь уж простись с кругом просто «благородных»; теперь поднимай выше! Не унижай нас! Мы высокоблагородие! Штаб-офицер! В некотором роде майор по армии! Жаль только, что усов носить нам нельзя, а то бы совсем майор майором! Просто бы подполковником глядел! Будущий ассесор тоже задал балик: повеселились, поужинали, недурно и попили!

Справил награждение и еще один приятель. К новому году обыкновенно у нас раздают остатки нештатным: вот и ему нынче отсыпали, благо в прошлом году ничего не давали. Жалованье семнадцать с полтиною в месяц, без нескольких копеек. Оно хоть немно-

го, но люди считают, что квартиры на Выборгской дешевы. Ну, там, конечно, дрова... ну, кофеишко, сахар, в лавочку в мелочную должен... ведь четверо ребятешек: поверите ли, ей-ей едва справишься! А нынче пришлось так, что ни дров ни полена, ни кредиту в лавке ни на грош! Сынишка в гимназию ходит: надо за полгода деньги внести, а взять-то их неоткуда — просто хоть об стену головой стукайся! Сам отец семейства берет со стороны частные бумаги переписывать по 12 копеек с листа — и то уж по две копейки лишку натянул! Да жена кое-как еще изворачивается; жена берет чужое белье стирать да в свободное время носки вяжет: только вот этим и сводят концы с концами. Вдруг нынче к празднику четырнадцать целковых награждения! И без вычета! Просто счастье такое, что и сказать нельзя! Ну, как широкой русской натуре не спрыснуть такого праздника и не кутнуть во все лопатки: авось жена управится! Посидит подольше ночку, свяжет лишнюю пару носков, настирает побольше чужого белья, благо, своих тряпок немного: все на перечеете. Гостям и хозяину весело, но хозяйка

горюет и ворчит, что целого гуся гости ухlopали. А гусь-то какой! На двое суток на целую бы семью хватило! Из потрохов да из папоротков супу было бы вdосталь, а то все на жаркое, кому ножку, кому крылышко, кому сладкое мясо, кому душку, а кому и всю барыню! А вот теперь ни супу с жарким на двое суток, ни на гимназию сыну за полгода нет ничего!

Иного рода расчеты у молоденькой швейки. Она тоже делает спрыски и угощает подруг кофеем с густыми сливками да с кондитерскими пирожками. Шутка ли? Три месяца провела в одиночестве: ни единой поддержки в свете не находила, ни друга, ни руководителя. Ан вот судьба и улыбнулась: в маскараде ей выискался покровитель. Оно ни много ни мало пятнадцать целковых лишнего содержания да шесть рублей из магазина жалованья: при готовой квартире и хозяйских харчах хватит и на шляпку, и на ботинки; к лету зонтичек заведем, а вот теперь сошьем зуавку с жилеткой, «просто как благородные будем выглядеть!» Помочь бы матери старухе надо, совсем вся обносилась, и тепленького сало-

пишка нету, бегают в лавочку в старой кацавейке, ну, да к чему старухе разные затеи? Авось и так век скоротает! Притом же, быть может, ей на старость пошлет сам Господь.

Вот еще девушка из магазина праздник справляет, уписывая почтенной наружности слоеные пирожки из русской кондитерской. Это подарок жениха, молоденького писаря, от удальства которого не раз уж девушки чуть-чуть с ума не сходили. Партия славная? У жениха шестьдесят целковых жалованья, да частные кондиции у подрядчика, которому передаются канцелярские сплетни, да в перспективе чин коллежского регистратора по выслуге лет. Почем знать, может, и тысячи получать станет? Бывали же на белом свете писаря, что чуть не целым миром ворочали?

Девицы, «дритки» и «шестнадки», голубые и кофейные, тоже веселятся, справляя свой праздник. Они рады-радешеньки, что на эти дни избавлены от противных занятий наукою, любовь к которой не всякий умеет вселить в юные сердца молоденьких девушек. Они веселы, потому что неразлучны со своим objer,[3] девицами старшего класса, к кото-

рым питают восторженные чувства искусственной привязанности; они пичкают их и себя разными сладостями, которые целыми корзинами навезены к ним услужливыми кузенами и чадолюбивыми маменьками; они до колики в желудке наедаются запрещенных яств, тайком закупаемых посредством служанок в соседней мелочной лавке; они довольны, что вдоволь искусно налгали и наделали разных шалостей, успев избежать за это преследований и выговоров; они в невинности сердец и не понимают, сколько зла в жизни принесет им эта ложь, вечные обманы и беспрестанная леность, которыми они так часто себя потешают.

Вот и еще люди по-своему справляют праздник. В бедной, сырой и нетопленной конурке, в избенке за Обводным каналом дрожал под тулупом старик, отставной чиновник, сорок лет прослуживший в каком-то архиве и теперь покоящийся на скромной пенсии. В комнате темно: ни зги не видать; слышно лишь осторожное, несмелое заигрывание друг с дружкой двух крошек-девчонок, приютившихся в другом углу и плотно уку-

таннных дедушкиною шинелью. Но вот конурка почти неожиданно облилась целым потоком огня так осветила ее четвериковая сальная свечка, внесенная сюда хорошеньким полуробенком, почти красавицей, девочкой лет пятнадцати от роду. «Дедушка, дедушка, посмотри-ка, что тут!» — в восторге кричала она, развязывая узелок с разными припасами и вытаскивая из кармана кучу мелких кредитных билетов и целые пригоршни блестящих монет серебра. Дедко вскочил, вскочили крошки-девчонки. «Вот-то счастье Господь Бог послал! И печку истопим, и хлеба накупим, всего теперь нам достанет...» И сколько благословений посыпалось было... Но старик внезапно как будто очнулся. Помутившимися от сухих слез глазами он впился в разгоревшееся от морозу лицо девушки, крепко ухватился ей за плечи и сделал грустно-вопросительную гримасу. В ответ на нее девушка побледнела как полотно и почти без чувств упала на грудь деда. У старика подкосились ноги; он с отчаянием сплеснул руками, крепко прижал их к лицу и судорожно закашлялся.

До какого глубокого корня должны быть

потрясены самые святыя верования той «породы» человечества, в среде которой сложилась и живмя живет до сей поры стародавняя наша пословица: «Что уж тут и честь, коли нечего есть!»

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ>

С.-Петербург, суббота, 13-го
января 1862 г

Из терпимости и нежелания стеснять свободу частных мнений мы нередко бываем вынуждаемы обстоятельствами помещать статьи, цель и направление которых находятся в диаметральной противоположности к целям и направлению нашей газеты.

При всеобщем стремлении нашего общества к гласности, при требованиях общественного мнения, чтобы дела, касающиеся общественного интереса, были оглашаемы, на органах публичности, дорожащих собою и вниманием публики, лежит священная обязанность всеми силами противодействовать стремлениям людей, горой стоящих за отжившие идеи и разными софизмами старающихся навязывать другим понятия и взгляды, времена которых миновали безвозвратно.

Почтенные «старцы», то есть люди всех возрастов и полов, исповедующие лишь уста-

релье принципы, чувствительнее всего огорчаются нашими попытками дать большой простор гласности разного рода денежных сделок в операциях, тесно связанных с общественным интересом.

При наших формах и учреждениях правительство наше всегда, даже и в старые времена, сознавало всю необходимость и всю законность этих требований и желаний, но так как общественные интересы большею частью представительство свое обретали в той юридической форме, которая безразлично понималась у нас под выражением «казна», то эта именно казна, при всех своих стремлениях оградить свою специальную деятельность покровом канцелярской тайны, никогда почти к ней не прибегала в тех случаях, когда дело шло о каких бы то ни было денежных операциях, предпринятых для общей пользы и тесно связанных с общественным интересом.

Наши законники — конечно, мы говорим не про образованных юристов, а про обыкновенных самоучек-крючкодеев и ходатаев по каким бы ни случилось делам, и светлым, и

темным, — обстаивая блаженство мрака канцелярской тайны, забывают, что казна, готовясь решиться на денежные затраты для общепользовательных целей и вступая в этих видах в разного рода сделки, подряды и соглашения, касаются ли они провиантского или комиссариатского довольствия войск, направлены ли они на проложение дорог или имеют предметом возведение общественных построек... наша казна, повторяем, никогда не прячется в потемки, не драпируется канцелярскою тайной, а всегда провозглашает принцип публичности и гласности.

По духу наших законов, недоступному для ясного уразумения со стороны крючкотворов, не получивших порядочного юридического образования, каждая обширная денежная операция, предпринятая для общественной пользы, прежде всего оглашается в главных наших органах гласности; на всякое общественное предприятие, требующее, со стороны казны, затраты капитала, назначаются публичные торги и при мало-мальски значительных расходах, вместе с назначением публичных торгов, публикуются и кондиции, или усло-

вия, предпринимаемого подряда или иного вида сделки и сношения с предпринимателем поставки, заказа или иного, какого бы то ни было, исполнения.

Эти кондиции, или условия, до такой степени находятся в зависимости от общественного мнения, что они нигде, никогда и ни под каким предлогом не составляли и теперь не составляют канцелярской тайны. Если они, из денежных причин, не были во всей подробности оглашаемы в газетах, то тем не менее всякий желающий имеет полное право, до окончания торгов, явиться в какое бы то ни было казенное присутственное место, потребовать себе эти кондиции и проследить их во всей подробности. Что это действительно так, как мы говорим, подтвердит последний торгаш, лавочник, сиделец или приказчик.

Эти вполне доступные публике кондиции до такой степени важны, что в них не может быть изменена ни одна йота и все они целиком непременно должны войти в контракт, по окончании торгов заключаемый казною с подрядчиком или поставщиком, взявшимся за дело с выгоднейшей для казенного интере-

са стороны. Именно эти-то, самые кондиции, будучи, сообразно с законной формой, пополнены с головы и с хвоста вступительным обозначением времени заключения контракта, имени и звания лица, принявшего на себя поставку, и обращаются в контракт. Иначе говоря, контракт есть не что иное, как переписанные на известного достоинства гербовой бумаге кондиции, снабженные надлежащими подписями и форменными околичностями.

На страницах нашей газеты читатели встретили дошедшую до забвения приличий иеремиаду стоящего за канцелярскую тайну господина Рцы Ижица (P.V.), уверяющего, будто бы нужно быть «мало знакомым с наукою гражданского права вообще и с нашим законодательством в особенности», чтобы «заявлять желанья об оглашении контрактов, заключаемых казною с частными лицами».

Да, к несчастью, у нас таких людей еще немало. Движимые интересами, столь далеко роняющимися от интересов, признанных общественным мнением, они, чтобы поддержать колеблющееся доверие, готовы пустить в ход все доступные им способы, клеветают на на-

уку гражданского права, клеветают даже на отечественное законодательство и всеми силами души отстаивают безгласие, потемки и любезную им канцелярскую тайну.

Нет, господин Ижица, не след никому отвергать, что правительство наше во многом, в том числе и в деле гласности подрядческих сделок, всегда шло впереди народа. Извратили дело ловкие законники, завзятые чиновники, злоупотребляющие и, следовательно, восхваляющие канцелярскую тайну; это дело другое, и против этого, конечно, мы спорить не станем. А сколько дорога этим лицам заветная темень, это мы видим в горячем защитнике таинственности, господине Ижице.

Гласность действий казны и в подрядческих делах, и в иных распоряжениях все-таки, назло господину Ижице, продолжает развиваться все сильнее и сильнее. Стоит просматривать, от времени до времени, приложения к нашим столичным ведомостям да перелистывать страницы губернских газет, чтоб убедиться, что казна вовсе не скрывает сущности и всех подробностей контрактов, которые преднамеревается она заключить с вызыва-

емыми ею подрядчиками и поставщиками. Принцип правительства нашего, принцип наших законов — тот, что условия расходования общественных и казенных капиталов на предприятия, сопряженные с общественным интересом, не должны иметь таинственности, потемок и темных лазеек, а что эти принципы не по душе иным агентам, то подобные господа, как господины Ижица, конечно, никому не указ.

Какою же диатрибою должна разразиться злоба, плач и вой людей, подобных господину Ижице, когда они вдруг узнают, что в собрании образованных и ученых людей о гласности подрядческих контрактов в делах, сопряженных с общественным интересом, теперь даже и говорить-то не хотят, как о деле, давно уже порешенном не в пользу подрядческой таинственности!

В последнем собрании Политико-экономического комитета Императорского русского географического общества обсуждали вопрос о гласности в финансовом управлении. Собрание происходило 4-го минувшего декабря. Члены собрания — люди известные в науке и,

следовательно, противоположных с господином Ижицей взглядов. Дело в том, что после весьма оживленных прений комитет пришел к заключению, что применение публичности к государственным финансам, не представляя никаких вредных неудобств, сопряжено с весьма важными преимуществами, как для государственного, так и для народного хозяйства.

Да-с, господин Ижица, каких пружин вы ни вымышляйте, как ни благоговейте предпотемками и как ни славословьте канцелярскую тайну, а гласность делает свое. Давно ли мы обращали внимание наших читателей, что очень немногие из наших мировых учреждений, а в том числе и петербургский мировой съезд, избегают гласности, не оповещают публики о сроках его заседаний, не приглашают всех желающих пожаловать туда, хотя бы из любопытства, и что даже петербургское губернское по крестьянским делам присутствие не печатает своих постановлений, что оно обязано делать, по примеру ведения дел в целой империи.

Слава Богу, наконец весточка о петербург-

ских посредниках появилась в конце декабря на страницах «Современной летописи». Автор статьи, столичный мировой посредник третьего участка (заключающего в себе полицейские части Литейную, Рождественскую и Каретную), откровенно говорит то же самое, что и мы говорили, то есть что «по настоящее время нигде ничего не было еще опубликовано о деятельности столичных мировых учреждений»; почтенный посредник подтверждает наши слова, что, по ст<атье> 37-й положения о губерн<ских> и уездн<ых> по крестьянским делам учреждениях, посторонние лица имеют право являться на оные в качестве свидетелей при разборе спорных дел. Господин посредник прибавляет: «Если бы автор заметки о непостижимой таинственности столичных мировых учреждений, помещенной в 258-м номере „Северной пчелы“, зашел к нам в качестве постороннего свидетеля, то он, верно, убедился бы, что в делах наших нет таинственности непостижимой».

И рады были бы мы исполнить давнишнее и самое искреннее желание свое посетить которое-нибудь из заседаний петербургского

мирового съезда, но, скажите ради Бога, какая же есть возможность устроить это посещение? Петербургский мировой съезд представляется нам каким-то мифом: мы вовсе не знаем его; сколько ни следим, едва ли не со всеми нашими периодическими изданиями, сколько ни читаем казенных публикаций, нигде не нашли мы четырех важных и необходимых оглашений:

1) Где именно помещается петербургский мировой съезд?

2) В какие числа месяца и в какие именно часы бывают заседания?

3) Точно ли он, по букве закона, допускает в свои заседания посторонние лица для присутствования в качестве зрителей или свидетелей решения дел и обсуждения вопросов?

и 4) Не следует ли он образцу иных мировых съездов, вежливо, как говорят, отстраняющих посетителей, под тем предлогом, что из посторонних лиц право входа имеют лишь помещики и владельцы имений, о которых в заседании пойдет речь и дело?

Что же касается бытности при разбирательстве дел того или другого посредника, то

для этого человеку, занятому постоянно журнальной работою, необходимо знать адреса всех посредников и часы их приема, чтобы безвременным посещением домашнего очага мирового лица не застать его еще в постели либо не помешать ему во время обеда. Times is money,[4] а даром терять время, да еще в широких размерах, право, не приходится.

Подождем! Может быть, мы и дождемся этой публикации, о которой говорили в № 273 нашей газеты; авось дождемся и того, что узрим наконец печатные протоколы заседаний и с. — петербургского губернского по крестьянским делам присутствия! А нечего грех таить: многие провинции далеко перещеголяли его на этом пути!

**<ПО ВОПРОСУ О БОЛЬШЕЙ
ДОСТУПНОСТИ НАШЕМУ
ПРОСТОЛЮДЬЮ
ВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ >
С.-Петербург, понедельник,
15 января 1862 г**

Вопрос о большей доступности нашему простолюдью врачебной помощи издавна составлял и составляет предмет особенной заботливости и правительства, и частных лиц. Давно уже замечено, что наш мужик больше верит какой-нибудь бабе-знахарке и симпатичнее смотрит на своего брата-ведуна, чем питает уважение к лекарю из «благородных». Виной этому сколько та тьма, в которой народ наш столь долго был погружен по не зависевшим от него самого обстоятельствам, столько же, если не более, и то отчуждение и рознь, которые до настоящего времени характеризовали отношения одного сословия к другому. Это-то отчуждение и недоверие не к своему брату в связи с темным пониманием

плохих научных сведений в наших уездных и сельских врачах, а с другой стороны, воззрение на врача, как на чиновника, все помышления свои направляющего лишь на то, чтобы как можно побольше получить с болящего мужика, конечно, не могли постоянно не отдалять крестьянина от целого сословия врачей и не заставлять его искать спасения в шарлатанстве деревенских баб и знахарей.

Были, конечно, тут исключения, и исключения блестящие, особенно в больших имениях, не покинутых на произвол управителей, а время от времени посещаемых землевладельцами. Таких имений было немало, и, чтобы недалеко ходить за образцами, назовем первое попавшееся на память, хоть, например, местечко Смелу, принадлежащее графу Бобринскому, находящееся в Черкасском уезде Киевской губернии и издавна уже знакомое целому миру образованных наших сельских хозяев по своей, так сказать, образцовости, по давнему уничтожению в здешних сельских школах телесных наказаний и по порядочности и систематичности устройства медицинской и врачебной части.

Учреждение сельских аптек и облегчение способов подавать страждущим крестьянам врачебное пособие, при сметливости землевладельца и при способности его дирижировать сподручными финансовыми средствами, могло в прежние времена обходиться помещикам иногда чрезвычайно дешево, могло даже не стоить ни копейки.

Мы знаем одно богатое подмосковное имение, на целые пятьдесят верст кругом пользовавшееся доброю славою, благодаря удободоступности врачебных пособий, дешевизне медикаментов, благодаря опытности и человечности отношений лекаря-самоучки, дворового человека, по-людски обращавшегося со страждущими и довольствовавшегося посылным спасибом, без руганья и угроз за скромные крестьянские приношения, ограничивавшиеся подчас одним лишь пяточком яичек, за которые в деревне и копейки серебра платить не стоило. И врач, и аптека, и добрая слава обошлись владельцу чрезвычайно как дешево.

Мужики платили барину сорок три рубля серебром оброку. Что же? Это еще не невыно-

симо в сорока верстах от Москвы. В Петербургской губернии оброки в пятьдесят, в шестьдесят и в семьдесят рублей с тягла не были, говорят, редкостью! Кроме своего оброка, крестьяне, конечно, должны были платить еще и подушные подати и нести разного наименования другие государственные налоги и повинности и за себя, и за дворовых людей. Это все, разумеется, было в законном порядке. Кроме того, крестьяне имения, на которое мы указываем, обложены были так называемую «ругою».

Руга — это вот что значит.

Известно, что по планам генерального межевания земли помещичьих имений разделены на три категории: барские поля и усадьба, крестьянские поля и усадьбы и церковная земля, крепкая церкви, вовсе поэтому исключенная из права собственности помещика, хотя зауряд и положенная в общий счет десятин остальной земли и специально назначавшаяся на содержание местного причта.

С течением времени землевладелец запахал церковную землю, часть которой отошла, по данному примеру, и под крестьянские по-

ля. Чтоб уравнивать интересы причта, не имевшего средств совладать с своею землею в натуре и не прилагавшего на возделание ее никакого ни подневольного, ни вольного труда, помещики, весьма естественно, обложили своих крестьян особым денежным сбором в видах ежегодного вознаграждения церковников за отшедшие от них к барину и мужику поля. Вот этот-то сбор и есть руга.

Но ругу эту мужики не прямо от себя вносили причту в его житницу: посредником между сторонами явилась вотчинная контора, как представительница, казна и кабинет помещика. На этом основании, конечно, действия конторы контролю ничьему не подлежали, и стало очень возможным то, что вместо ружного рубля собирались с тягол рубли с копейками, благо при рубле копейки незаметны, да оно как-то и круглее по миру выходило.

Умная себе на уме контора, движимая гуманным направлением века, ежегодно образовывавшийся таким образом излишек копеек обращала на полезное дело: сто рублей в год она платила в жалованье своему же дво-

ровому парню, благодаря случаю весьма порядочно изучившему медицину, а остальные сто рублей расходовала на покупку лекарств в материальных лавках. Врач был хорош и как врач, и как человек, и вот больные из всех околотков каждый Божий день тащатся, бывало, к лекарю за помощью, благословляя имя благодетельного помещика, нашедшего возможность облегчить участь своих меньших страждущих братьев.

Врач дорого не брал за визиты; доверие к ведунам и знахарям мало-помалу искоренялось постепенно, а здравые понятия упрочивались.

Но вот теперь с крепостным правом мы уже распростились. Руги мужики нигде не хотят платить. Церковный причт повсюду получил свою землю назад. Ружных денег за нее и в указываемом нами имении уже не собирается. Жалованье платить лекарю и тратиться на лекарство уже не из чего. Как же теперь-то быть? Рассчитывать на барскую помощь не приходится; обложить мир новым сбором на медикаменты, при нынешних усиленных расходах нашего крестьянства, сельские обще-

ства вряд ли решатся; назначить жалованье лекарю для них будет затруднительно, да они на это и взглянут не так, как бы следовало; кроме того, потребуются расходы на постройку больничной избы, на покупку разного хлама и тряпья, без которых больнице обойтись невозможно; нельзя не устроить попорядочнее и аптеки. Расходы, как видится, предстоят очень значительные; неужели же дело, которому уже издавна было положено такое доброе начало, решительно должно погибнуть?

Вот, впрочем, в пример и подражание другим, что вычитали мы в «Вятских губернских ведомостях». В Котельницком уезде Вятской губернии, в селениях государственных крестьян еще с марта 1860 года для подания пособия больным устроены четыре приемные покоя, не знаем, кем задуманные, но осуществившиеся благодаря усердию местного жителя Котельнического, 2-й гильдии купца, Сем<ена> Сер<геевича> Зырина. Сверх «постройки» разных необходимых для больницы принадлежностей на двадцать кроватей, по пяти для каждого приемного покоя, г. Зырин «обязался» еще жертвовать по 15 руб<лей> на

каждый приемный покой.

Каждый приемный покой состоит при волостной аптечке и находится в ведении фельдшера, который лечит только те болезни, которые доступны его познаниям. О более важных случаях фельдшера уведомляют своего окружного врача, прося или его наставления, или личного прибытия.

Котельнические крестьяне поняли уже, говорят, пользу, приносимую приемными покоями, и имеют к ним большее доверие, чем к городской больнице, куда вообще бедные люди во всех городах, даже в столицах, весьма неохотно поступают. Приемные покои имеют лишь то неудобство, что больные должны иметь собственную пищу, которая, как известно всем, чаще всего состоит из одного только черствого хлеба, разрыхляемого глотками холодной воды.

Ввиду тех правительственных мер, которые в последнее время направлены были к распространению у нас врачебных знаний, к поднятию звания врача в общественном мнении и в гарантии прав и преимуществ лиц, принадлежащих к почтенному званию меди-

ков, мы едва ли теперь можем жаловаться на безлюдье и на то, что трудно найти способных и знающих лиц для занятия мест сельских врачей. На громадные познания, на европейскую знаменитость нет особенной надобности рассчитывать там, где дело идет о скорой, быстрой и возможно дешевой подаче помощи ближнему, обладающему более или менее крепкою натурой и не испорченному неправильностями и излишествами жизни. Для сел и деревень достаточно подлекарей, фельдшеров, даже подчас толковых цирюльников да повивальных бабок. И в столицах люди мрут от ошибок врачей, от неправильного понимания сущности болезней, от поздней подачи помощи и от невозможности иногда для бедных приобрести себе хотя бы грошовое лекарство. Надо уметь довольствоваться возможными сподручными средствами. Но так как тут играет свою роль финансовая сторона дела и испорченные наклонности людей, имеющих в виду употребить во зло доверие толпы, то мы полагаем необходимым, чтобы деятельность сельского врача в хозяйственных операциях находилась под строгим

контролем сельского общества или волостного схода.

Читателям нашим известно уже высочайшее повеление, последовавшее в минувшем декабре, о том, чтобы повсюду по целой империи немедленно были удалены от должностей те сельские и волостные писаря, своего рода законники и доморощенные правоведы, которые, в противность известных статей положения, определены были самими мировыми посредниками, помимо согласия со стороны сельского мира, легальным путем выраженного. Мера мудрая, честно раскрывающая глаза крестьянству на значение его прав и обязанностей и предохраняющая миллионы наших новых сограждан от подьяческих прижимок и скверненьких опутываний, к которым посаженный не по выбору чин обыкновенно прибегает в отношении к тому обществу, которому он должен служить, но никак не командовать им! Вот такого рода меры и полную волю следовало бы предоставить крестьянским обществам и в назначении к себе на службу и врачей, и учителей, но с такими непременно условиями, какие будут для

мира возможны и соответственны с современными требованиями обществ.

Мы полагаем, что участие мировых посредников было бы весьма важно, почти безусловно в этом деле, если бы они, растолковав дело вразумительно и во всей подробности, обратили внимание мира, что в этом деле нужны расходы единовременные и постоянные на первоначальное обзаведение и на необходимые ежегодные затраты.

Врачу и его семейству должны быть гарантированы помещение для жилья, помещение для аптеки и небольшой при ней лаборатории, постоянное жалованье и, смотря по уговору, подвода для посещения больных, к волости принадлежащих. Врач должен давать пособие в своей волости безвозмездное; личный труд его, познания его и расход на лекарства должны окупаться и жалованьем, и определенными расходами на покупку медикаментов. Монополии лечения только в своей волости врач иметь не должен, но если он будет приглашен к больному из чужой волости, из уважения к близкому соседству и к особенным его познаниям, в таком случае о

безвозмездности и речи быть не должно. Расходование капитала, вверяемого волостью на приобретение аптекарских материалов не из аптек, а из материальных лавок и возможный надзор за правильностью их расходования, должен состоять под непосредственным наблюдением волостного головы, при помощи в этом случае ему со стороны выборных и добросовестных. Что же касается устройства больницы, лазарета или приемных покоев и вообще хозяйственной части, то, разумеется, сельский врач должен быть устранен от всякого хозяйничанья: его дело — ограничиваться лишь советами.

Нашим читателям, полагаем мы, хорошо известно, что значит больничное хозяйничанье. Не в селах, не в дрянных городишках, а в блестящих столицах лекарское хозяйничанье и произвол смотрителей разных рангов куда как тяжело обходится тем, кто за это должен платиться из своего кармана. В комиссариате когда-то давным-давно существовало госпитальное отделение: тут из одних «перевязочных вещей» находчивые люди строили каменные дома да обзаводились хорошенькими

вотчинами! А сколько ходит анекдотов из времен царствования покойного императора о последствиях его внезапных посещений казенных больниц и госпиталей, сколько рассказов сохранили нам наши старики о госпитальных гробах, о госпитальных ваннах, о госпитальном молоке, о госпитальном белье, о госпитальных курицах в супе, о госпитальном виноградном вине для поддержания слабых сил больного! Да и давно ли еще мы с вами, читатель, читали в «Санкт-Петербургских ведомостях» о гуманности сиделок и иных чинов одной больницы, где молоденького мальчика с вечера до утра крепко привязывали к кровати из благой предупредительности, чтоб слабое существо, метаясь в жару, как-нибудь не свалилось на пол!

Оканчивая эти строки, мы получили 95-й номер «Могилевских губернских ведомостей». Вот что рассказывает здесь о больницах г. У. Дубицкий.

«Грустно описывать все виденное мною во время поездки по Могилевской губернии относительно уничтожения крестьянских больниц в некоторых помещичьих имениях, рав-

но как удаления врачей, подлекарей и фельдшеров от занимаемых ими до сих пор мест, для подания врачебной помощи крестьянам некоторых помещиков. Как будто положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, окончательно, навсегда уже разорвало тесную связь крестьян с их бывшими помещиками? Как будто обоюдное содействие этих двух сословий для достижения одной и той же цели — улучшения общего материального быта — стало уже лишним и вовсе ненужным? Как будто новые интересы этих сословий никогда уже более не соединят их на пути жизненном?

Не стану описывать всех случаев видимого уже разрыва некоторых помещиков с их крестьянами с 19-го февраля прошедшего года, скажу покамест об уничтожении крестьянских больниц в некоторых помещичьих имениях и удалении даже фельдшеров как лишних членов общества. Не буду приводить примеров подобного рода негуманных действий с означением местности и фамилий расчетливых владельцев больших даже имений, лучше скажу, что их покамест немного еще в Мо-

гилевской губернии.

В одном большом имении лучшего уезда губернии крестьянская больница, до сих пор приносившая столько пользы значительному числу страждущих, в ней постоянно помещавшихся, совершенно закрыта, и подлекарь, обремененный значительным семейством, остается ныне без места.

В другом уезде крестьяне лишены всякой возможности пользоваться госпитальным, рациональным лечением. В прежние времена некоторые из помещиков, по крайней мере для собственной выгоды, сколько-нибудь заботились о сохранении жизни и здоровья крестьян, которые все силы свои употребляли на пользу барскую. Теперь же благородное сословие рассчитывает иначе. В этом уезде, до обнаружения высочайшего манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, была одна больница, которая в некоторой степени могла быть названа лечебницею, потому что некоторые из необходимых условий для рационального лечения в ней действительно находились. Там был врач, который хотя не каждый день, но все-таки

осматривал бедных мужичков, назначал им приличную диету и, соответственно болезни, какое-нибудь лекарство. В помощь врачу были фельдшера, которые усердно исполняли приказания своего начальника, и таким образом дело шло нехудо. Теперь уже ничего не осталось, хотя на вид кажется то же самое. Осталась больница, то есть здание, в котором помещаются иногда больные; остались фельдшера, которые ничего не понимают; только не осталось врача.

В этом же роде, только не в таких обширных размерах, до сего времени, в том же самом уезде, существует больница у другого помещика. Она находится под непосредственным наблюдением очень разумного и много читавшего еврея, который, впрочем, по медицинской части — совершенный профан.

Есть в том же уезде и третья больница, но та еще менее заслуживает внимания. Здесь принимается очень ограниченное число больных, не более трех или четырех. Прием больных и их лечением занимается фельдшер, ничему систематически не учившийся. Все эти благотворительные заведения,

с небольшим исключением, делаются больше для хвастовства, нежели для истинной пользы, и притом они действительно ниже всякой критики.

Нельзя ожидать от крестьян, чтобы они сами обратили внимание на эту важную потребность; но бесполезно было бы ввести, хотя в виде временной меры, пока крестьяне убедятся в пользе медицинского пособия, обязательное содержание крестьянскими обществами врачей, полагая на несколько волостей, например на мировой участок, одного непременно врача, обязанностию которого было бы посещать селения своего района столь можно чаще для подания врачебных пособий заболевающим крестьянам. Во врачах для этой надобности не может быть недостатка, если только определять их с правами государственной службы, с назначением им содержания, например, до 800 р<ублей> с<еребром> в год одному (с разъездными по своему району) и возложением на них обязанности уездного врача, должность которого, в таком случае, можно бы упразднить. Расход на содержание этих врачей может быть удовлетво-

рен во-первых, из получаемого ныне уездными врачами содержания и, во-вторых, посредством обложения крестьян сбором, примерно по 8 коп<еек> с души. К обязанности сказанных врачей можно было бы отнести и заботливость об оспопрививании». Предполагаемый сбор с крестьян, по мнению г. Дубицкого, самый ничтожный в сравнении с пользой, какую врачи могут приносить для общественного физического и морального здоровья. Автор говорит:

«Пусть только крестьянин откажется вовсе от употребления или, по крайней мере, пьет меньше водки, в таком случае, без особенного труда, легко сэкономится несколько копеек на общепользное дело.

В заключение нелишним считаю сказать слово о необходимости учреждения в нашей губернии общества трезвости на основаниях, выработанных уже опытом и знанием дела. Мне кажется, говорит г. Дубицкий, что главными деятелями в этом случае должны быть помещики, от которых зависит запереть свои винокурни, коих в нашей губернии считается 275, вырабатывающих, впрочем, на сумму в 1

123 472 р<убля> с<еребром> Помещики не потеряют от этого ничего, так как крестьяне, сделавшись людьми трезвыми, при нынешнем устройстве своего быта, обратятся в исправных фермеров или же, по безубыточной для помещика цене, будут приобретать от него землю в свою собственность. Православное и католическое духовенство может в этом случае иметь благодетельное на крестьян влияние, а также и врачи, состоящие при мировом участке, объясняя крестьянам вредные последствия пьянства на здоровье человека».

<ПО ВОПРОСУ О ВЫКУПНОЙ ОПЕРАЦИИ>

С.-Петербург, среда, 17-го
января 1861 года

Опыт прошлого года достаточно доказал, как желательно было бы покончить одним разом расчет между крестьянами и помещиками за отходящие первым земли и тем дать последним возможность немедленно перейти к вольнонаемному труду взамен обязательного. Осуществление этого почти всеобщего желания помещиков было бы в высшей степени благодетельно, потому что чем скорее одни сделаются полными собственниками получаемых в надел земель, а другие будут иметь в руках средства для устройства своих хозяйств по новой системе, тем скорее можно ожидать развития промышленных и производительных сил государства, которые одни в состоянии создавать капиталы и увеличивать доходы казны. Можно смело сказать, что выкуп крестьянских земель представляется теперь самым жизненным для

России вопросом, наискорейшее и безобидное для обеих сторон решение которого может иметь сильное влияние на будущее благосостояние государства и выход из нынешних финансовых и промышленных затруднений.

Задача заключается в отыскании средств к наискорейшему удовлетворению помещиков за получаемый крестьянами надел, так, чтоб всякие обязательные отношения, оброчные или барщинные, крестьян к помещикам были немедленно прекращены, чтоб платеж выкупной суммы был как можно менее отяготителен для крестьян и не повлек бы ни к какой над ними опеке. Только подобное разрешение вопроса может вполне удовлетворить обе стороны и положить конец всем неудовольствиям, толкам и волнениям.

К 1863 году, сроку введения уставных грамот, следовало бы окончить эту операцию. Приступить же к ней необходимо немедленно, по мере изготовления уставных грамот, что немало содействовало бы к наискорейшему их составлению; особливо если выкуп будет сделан обязательным для крестьян, когда владелец согласен на какую-либо уступку в

их пользу свыше даруемого им по положению надела.

Подобный выкуп возможен только при содействии посредника, который перевел бы долг крестьян на себя, выдав помещикам обязательства от своего имени. Но для этого ему необходимо пользоваться не только огромным кредитом, но и иметь возможность получать с крестьян уплату за отходящие им земли, а также, в случае надобности, покрыть недостающую часть суммы из других доходов.

Кроме самого правительства, располагающего всеми средствами государства, сделать этого никто не в состоянии. Закладные земские банки могут быть полезны только впоследствии, как подспорье сельской промышленности, но для подобной выкупной операции никакой пользы принести не могут, не только потому, что сами еще существуют только в проектах, но и потому, что, при теперешнем положении у нас денежного рынка и <по> разным другим причинам, которые едва ли устранятся прежде окончания самого выкупа, никогда не могут иметь средств для

быстрого, одновременно-повсеместного окончания этой операции. Сверх того, так как одно из главных условий выкупа есть избавление крестьян от всякой опеки по залогу получаемых ими земель, то не только не следует учреждать новых закладных земских банков с этою целью на десятки лет; но следствием выкупа должно быть немедленное окончание всех прежних расчетов по заложенным в опекуновских советах населенным имениям и закрытие этих учреждений.

После вышесказанного было бы совершенно излишним доказывать еще более важность этой меры и необходимость для правительства взять на себя ее осуществление. На это, вероятно, возразят, что у правительства нет средств для немедленной уплаты потребной на это огромной суммы. Но если находят возможным делать долги на непроизводительные предприятия, как войны, то неужели нельзя решиться на них для меры, которая должна умиротворить и обогатить государство? После разорительных наполеоновских войн истощенная Франция нашла же средства выплатить, сверх контрибуций союзни-

кам, миллиард франков вознаграждения эмигрантам. Наполеон III в течение последних 10 лет нашел средства собрать до 4 миллиардов франков большею частью на военные и другие непроизводительные расходы. Неужели после подобных примеров России задумываться над каким-нибудь миллиардом рублей серебром долга для окончательного разрешения крестьянского вопроса? К тому же едва ли когда представлялся какому-либо государству случай входить в долги для более благой цели и с подобною обстановкою, потому что для уплаты интересов и погашения займа не потребуются отягощать государство новыми налогами: часть того, что крестьяне платили до сих пор помещикам в виде оброков, барщин и т. д., доставит для этого достаточные средства.

При нынешнем политическом и финансовом положении Европы нечего и думать о заграничном займе. К тому ж внутренние долги всегда должно предпочитать заграничным. Наполеон III показал своими внутренними займами по подписке, какие капиталы имелись во Франции, которые до него никто не

подозревал. Но заем для выкупа крестьянских наделов не есть собственно заем, это перевод долга с крестьян на государство выдачею помещикам 5 % облигаций. Но так как помещикам необходимы денежные средства, то от 100 до 200 миллионов руб<лей> сер<ебром> потребуются выдать им знаками, имеющими все свойства денежных. Пусть это будут процентные бумаги вроде 4 % металлических или казначейских билетов, или беспроцентные на несколько лет с правом обмена их впоследствии на государственные процентные бумаги, подобно тому, как это хотят сделать теперь в Северных Соединенных Штатах, или просто кредитные билеты. Мы откровенно сознаемся, что отдаем предпочтение последним, несмотря на то, что подобное предложение встретит неодобрение всех наших финансовых и политико-экономических публицистов. Эти господа до того простерли свою ненависть к кредитным билетам, считая их единственными виновниками наших финансовых затруднений, что отказывают им во всяком полезном действии, несмотря на то, что современные политико-экономиче-

сты Европы сознают, что бумажные деньги имеют все качества, требуемые от монеты, одним словом, что они составляют монету *suī generis*, [5] чему неопровержимое доказательство видим мы теперь в России. Оставляем до другого раза поговорить подробнее об этом любопытном предмете в связи с нашими финансовыми реформами; здесь скажем только, что мы никогда не присоветовали бы выпуска кредитных билетов, если бы не были искренно убеждены в недостаточности у нас средств мены, вопреки противного мнения наших теоретиков-финансистов и денежных монополистов. Вот факты, которые убеждают, что количество средств мены у нас не в соразмерности с потребностью в них. В 1853 году сумма их в банковых или кредитных билетах и звонкой монете простиралась до 1 330 000 000 р.<ублей> с<еребром> и признаков излишества средств мены не было. На всеобщую дороговизну не жаловались, курсы были выше пари. С тех пор у нас прибавилось до 700 млн. р. с. бумажных ценностей, до 150 млн. р. с. звонкой монеты вывезено за границу, явилась потребность в средствах мены

для свободного труда, пределы России отодвинулись до Восточного океана, а с ними распространился на несколько тысяч верст и круг обращения наших меновых знаков, прекратились ссуды под недвижимости, отчего замедлилось обращение капиталов и потребовалось более средств мены, вздорожали многие предметы от вздорожания их производства вследствие дороговизны денег; и, несмотря на все это, количество средств мены в кредитных билетах (714 млн), прежних банковых (200 млн), 4 % металлических (36 млн) по 1-е сентября 1861 составляло только 950 000 000 р. с., то есть на 380 000 000 менее, чем в 1853 году. Неужели подобные факты не могут иметь влияния на потребность в средствах мены, то есть в кредитных билетах, и при определении необходимого для России их количества следует руководствоваться только одною суммою разменного фонда? Все явления, приводимые в доказательство излишка средств мены, то есть кредитных билетов, а главные из них всеобщая дороговизна и упадок заграничных курсов, также удовлетворительно объясняются и другими причи-

нами, например: дороговизна — недостатком и дороговизною производства, а падение курса — нарушением торгового баланса. Что же касается торгового недоверия, которым пытались объяснить недостаток денег, то если бы господа теоретики потрудились приглядеться к торговым сделкам, то убедились бы, что недоверие между торгующими далеко не так сильно, как доверие к непогрешимости своих собственных идей и мер наших финансистов. Кроме того, утверждать о упадке ценности кредитных билетов, тогда как за них приходится платить ровно вдвое против того, что они стоили, когда были в одной цене с золотом и серебряною монетою; утверждать, что в них излишество, и в то же время быть в необходимости увеличивать количество средств мены, все это слишком нелогично и только подтверждает наше мнение, что у нас существует действительно недостаток в средствах мены и что выпуск 200 000 000 р. с. кредитными билетами не только не расстроит нашего денежного рынка, но будет истинным для него благодеянием. Да уж один выпуск в обращение 600 млн р. с. новых бумажных

ценностей потребует непременно усиления средств мены.

Это благоприятное для выпуска кредитного билета положение денежного рынка есть обстоятельство, какое не скоро может опять представиться, и не воспользоваться им для рассечения гордиева узла выкупной операции будет такую же финансовою ошибкою, как было неоткрытие внутреннего займа при уменьшении банковских процентов на 3 %.

Мы предпочитаем кредитные билеты еще и потому, что они уже знакомы всем грамотным и безграмотным обитателям нашего обширного отечества, тогда как всякие новые платежные знаки встречают затруднение в обращении; доказательством тому могут служить 4 % металлические билеты: их возвращали изнутри России за невозможностью сбыть там, а при размене на кредитные приплачивали по 1 р. с. на тысячу. К тому же проценты на меновые знаки мы считаем чистою роскошью; от этого достоинство их несколько не улучшается и ценность только равняется ценности кредитного билета, доказательства — те же 4 % металлические билеты.

Извиняясь за длинное отступление в пользу кредитных билетов, возвращаемся к проекту выкупной операции, на которую по приблизительному исчислению потребуется около 1 200 000 000 р. с., потому что из 11 800 000 душ мужеского пола, вероятно, найдется до 1 800 000 душ дворовых и других, не получающих надела. Затем остальные 10 000 000 душ по 120 руб. сер. на душу составят.... 1 200 000 000 р. с.,

а вычтя долги помещиков опекунскому совету

около..... 400 000 000 '

получим..... 800 000 000 р. с.

для выдачи помещикам. Эту выдачу можно сделать 600 000 000 р. с. 5 % билетами комиссии погашения долгов и 200 000 000 руб. сер. кредитными билетами. Большого влияния на ценность кредитных бумаг этот новый их выпуск не сделает, потому что, получа 1/4 часть приходящейся им суммы платежными знаками, помещики не будут в необходимости продавать этих фондов и до времени большую часть их удержат за собою. Сделать же выкуп одними 5 % билетами комиссии по-

гашения долгов невозможно, потому что помещики, нуждаясь в деньгах, принуждены будут продавать их почем ни попало, а при всеобщем недостатке в деньгах это причинит им огромную потерю и уронит ценность всех процентных бумаг. Что же касается ссуд под них государственным банком, то при нынешнем его положении у него нет для этого достаточно свободных капиталов. Получение же из него этих ссуд вдруг всеми помещиками, расчеты по ним, пересылки по почте денег, перезаклады и т. д. повлекли бы за собою потерю времени, расходы, переписку и множество дел, избежания которых нужно желать ради общей пользы. Кроме того, получать из банка под залог билетов каких-нибудь 70 % и платить за это 7 % или 8 %, когда сам получает по ним только 5 на сто, покажется многим помещикам очень обидным.

Здесь кстати заметить, что предполагаемая выкупною комиссиею операция, сколько мы можем судить о ней по тому, что было напечатано в некоторых журналах, большого успеха иметь не может (главное, потому, что не доставит помещикам денег, не избавит их

от платежа по прежним долгам и подвергнет крестьян нескончаемой опеке). Большинство крестьян не будут в состоянии уплатить 20 % выкупной суммы, и потому эту сумму необходимо рассрочить им на несколько лет. Выданные же 5 % облигации, продажа которых в течение шести месяцев имеет быть поручаема выкупным комиссиям, также не доставят помещикам денег, потому что поступление на рынок вдруг 200 000 000 руб. сер. или более фондов должно сильно понизить их цену, и не будет никакой возможности продать их, как предполагается, по полной цене, когда и теперь 5 % банковые билеты стоят ниже пари. О ссудах же под них государственным банком мы уже говорили выше.

Для платежа интересов и погашения с выкупной суммы 1 200 000 000 потребуется:

На проценты по 5 % с 1 000 000 000 р. с. 50 000 000

И на погашение ' 1 % с 1 200 000 000 ' ' 12 000 000

Итого 62 000 000

в течение 37 лет.

Хотя эта сумма едва ли равняется той, какую платили 22 000 000 душ крестьян обоего пола помещикам в виде оброков, барщин и других поборов; но собрать ее с одних получающих надел крестьян едва ли будет возможно, потому что многие из них, по новому положению, лишаются разных угодий, которыми прежде пользовались, и сверх того несут расходы, которых прежде не знали. А потому, вероятно, встретится необходимость добавить некоторую часть из других государственных доходов, которые, впрочем, не замедлят увеличиться от влияния свободного труда на развитие промышленности. Полагаем, что в общей сложности получающие надел 10 000 000 крестьян будут в состоянии заплатить по 5 р. с. с души, итого 50 000 000 р. с., или всю сумму годовых интересов. Остальную затем сумму 12 000 000 р. с. потребуется покрыть из других доходов. Упразднение опекунских советов, а вследствие однообразного устройства всего сельского населения, вероятно, и министерства государственных имуществ доставит немалое сбережение расходов для покрытия хотя части недостающей сум-

мы.

На днях нам случилось читать статью г. Самарина, в которой он предлагает, чтоб правительство собирало в виде подати с получающих надел крестьян 85 000 000 р. с. и выплачивало эту сумму ежегодно помещикам на вечные времена. Как ни удобен, по-видимому, для гг. помещиков этот проект, все-таки и он может иметь для них своего рода неудобства. Если платежи производить в виде пенсий или ренты, то капитализировать их, то есть находить на них покупателей, едва ли будет возможно без огромной потери.

Не говорим уже о тягости для крестьян и невыгоде для государства платежа столь огромной суммы без погашения.

Предлагаемая выкупная операция имеет сходство с операциею 1764 г., когда правительство, отобрав у монастырей крестьян и обложив их податью, соразмерно с их промыслами и оброком, платившимся помещичьими крестьянами, употребило сумму оной на содержание монастырей. Разница лишь в том, что тогда правительство обеспечивало только доход, а в нашем проекте предполага-

ется вместо того выдача капитала, частью деньгами, частью процентными государственными бумагами с погашением в течение известного числа лет.

В заключение сделаем перечень результатов, каких можно ожидать от немедленного окончания выкупной операции.

Крестьяне, получив в полную собственность земли, без всяких обязательных отношений к прежним владельцам и опеки по выкупу, кроме неотяготительного платежа в казну, будут довольны, и это прекратит все толки и неудовольствия.

Помещики, получив облигации и деньги и избавясь от платежа в опекунский совет, почувствуют сильное облегчение и будут иметь в руках средство для новой системы хозяйства. Освободясь от враждебных столкновений по сбору оброка или выполнению барщинного труда с бывшими своими крестьянами, они не замедлят приобрести на крестьян нравственное влияние, которое всегда имеют более образованные и богатые над необразованными и бедными.

Система частных банков, столь необходи-

мых для России, возможна только тогда, когда у нас не будет более заложенных в казну имуществ, когда расчеты по выкупной операции будут окончены и свободный труд оживит нашу промышленность. Только тогда могут явиться у нас с успехом частные вкладные, вкладные и учетные банки, и то если добрые люди, из своих видов, не помешают этому.

Мы имели недавно удовольствие видеть прекращение поддержки заграничных курсов, одной из самых значительных современных мер, неблагоприятные последствия которой для рационального восстановления нашего торгового баланса мы доказывали несколько месяцев тому назад, как практическими примерами, так и научными выводами.[6] Смеем надеяться, что и в настоящем случае между высказанными соображениями найдется и наша малая лепта для наискорейшего разрешения столь важного и не терпящего отлагательства вопроса.

**<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ
СОБЫТИЙ. — О ВЕЛИКОМ
ЗЕМСКОМ ДЕЛЕ —
РУССКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
БЮДЖЕТЕ>**

**С.-Петербург, суббота, 20-го
января 1862 г**

Мы недавно довели до сведения читателей нашей газеты, что к новому году по тридцати осми губерниям представлено 2 800 уставных грамот, из которых 2 403 грамоты введены уже в действие. При этом имели случай присовокупить, что по одной Тверской губернии всех грамот представлено 461. Из частных случаев быстроты хода этого дела мы считаем нужным обратить внимание на сообщение одного из мировых посредников Михайловского уезда Рязанской губернии, С. П. Голубцова: у него во всех сельских обществах Мишинской волости все уставные грамоты уже представлены и введены в дей-

стве. Что же касается всей Рязанской губернии, то в ней, по 1-е января 1862 г., уставных грамот представлено было только 202.

Читателям нашим известно, что к половине марта дело об уставных грамотах должно быть везде покончено решительно и что всевозможные затяжки, которых иные помещики добивались под разными предлогами и которые клонились к продлению срока представления уставных грамот, везде отклонены были губернскими присутствиями и отвергнуты ими единодушно. Несмотря, однако же, на то, что постановления такого рода оглашены были во всех периодических изданиях, один из богатейших наших землевладельцев, граф Д. Н. Шереметев, обратился к министру внутренних дел с ходатайством о дозволении ему, во внимание к многочисленности принадлежащих ему в 16-ти губерниях имений, заявить уставные грамоты 1-го октября 1862 г.! Нет никакого сомнения, что такой предлог не мог быть уважен: г. министр просил владельца многочисленных имений озаботиться окончанием уставных грамот и обещал оказать ему содействие в облегчении

сношений с мировыми учреждениями.

Из постановлений московского присутствия видно, что настоящие сборы с крестьян, принадлежавших графу Шереметеву, состоят: а) из казенных податей, б) из сборов на мирские потребности, в) из сборов на вотчинное управление и г) из чистого оброка в пользу землевладельца. По поводу всех этих сборов московское присутствие решило, что денежные сборы на жалованье вотчинным начальникам и на содержание помещичьих контор составляют часть оброка, следующего помощнику, и что крестьяне не имеют права требовать отчета в деньгах, собранных на мирские расходы до обнародования положений; но зато с этого времени сборы эти, хотя бы они и были установлены в прежнее время, должны уже идти согласно их назначению. Г. министр внутренних дел нашел это решение правильным и уведомил графа Шереметева, что определение положительными цифрами оброка следует предоставить мировым учреждениям.

В разных губерниях продолжают еще возникать со стороны господ помещиков недо-

умения касательно приложения к делу некоторых неразъясняемых положениями вопросов. Так, например, господа помещики не знали наверно: в котором часу крестьяне должны выходить на работу в господские дни? Симбирское присутствие решило его тем, что до утверждения уставных грамот должно руководствоваться существующими обычаями, а именно: до 10-го февраля на работы выходить, когда рассветает, а расходиться, когда стемнеет; это составляет от семи до осьми часов в сутки; с 10-го же февраля работать надо с восхода до заката солнца. Второе недоумение касалось вопроса: могут ли помещики в зимнее время требовать с женщин, вместо барщины, оброк холстом? Сызранский съезд решил было его положительно, постановив, что баба, вместо зимней барщины, должна внести рубль серебром деньгами или выткать из господских материалов двадцать пять аршин посконного и двадцать аршин льняного холста. Но губернское присутствие постановило, что замен этот, пожалуй, и может быть допущен, но не иначе, как по добровольному соглашению землевладельцев с крестьянами.

Третий вопрос состоял в том: в какой степени обязательна для крестьян выставка рабочих лошадей, сверх барщины, в тех имениях, где есть молотильные машины? Пензенское присутствие решило его так: работа лошадьми на молотильных машинах, как одна из самых обременительных для крестьян, должна быть отнесена к добавочным повинностям, подлежащим (на основании 5 ст<атьи> прав<ил> о поряд<ке> привед<ения> в действ<ие> положе<ния>) отмене, и не иначе может быть отправляема, как по добровольному соглашению с крестьянами.

В конце минувшей осени во всех газетах было опубликовано высочайше утвержденное постановление главного комитета о том, чтобы деньги, поступающие с временнообязанных крестьян в казначейства, зачислялись в счет следующих с крестьян текущих с 1-го января 1861 года платежей. Несмотря на то, что смысл этого постановления совершенно ясен и требует лишь неуклонного исполнения, Мстиславский предводитель дворянства решился ходатайствовать пред могилевским присутствием, чтобы произведенные в 1861 г.

помещиками (?) в оклад того года платежи были зачтены в число недоимок предшествовавших лет. Вместо безусловного отвержения такого странного ходатайства, могилевское присутствие постановило: «Означенный отзыв предводителя, как относящийся до предметов ведомства губернского правления, передать в оное для надлежащего распоряжения».

Минувшею осенью министр внутренних дел уведомил начальника Могилевской губернии, что так как попечение о продовольствии крестьян оставлено на обязанности помещиков впредь до составления и утверждения уставных грамот, то до того времени едва ли не было бы удобнее отложить и передачу сельских магазинов в ведение волостных правлений; но что если эта передача может быть произведена и теперь, без вреда для дела, что совершенно зависит от усмотрения начальника губернии, то при этом необходимо наблюсти, «чтобы все принадлежащие крестьянам запасы были пополнены владельцами, где допущен был сими последними самовольный разбор хлеба, и что таковой пере-

даче должны подлежать и хлебные магазины, которые хотя заведены были по частным распоряжениям владельцев, но составлены собственными средствами крестьян». Возникло было недоумение в иных местах: отдавать ли мужикам вместе с хлебом и сами строения, где этот хлеб хранился, потому что они возведены из барского леса и на барской земле? Недоразумение это разъяснено указанием на смысл статей Св<ода> закон<ов>, 140–143 уст. о народ. прод. и 1153-й уложения о наказаниях, и, вследствие того, определено, что «вполне справедливо вместе с запасным хлебом передать в ведение сельских обществ и строения, в коих хранится хлеб, тем более, что если на сии строения и отпускался помещичий лес, то сами строения, без сомнения, воздвигались трудом крестьян».

Читателям нашим известно, что некоторые губернские присутствия, в том числе и могилевское, в видах того, что все постановления и главного комитета, и министерства внутренних дел, и мировых учреждений печатаются в местных органах гласности, полагали подписку на местные губернские ведо-

мости сделать обязательною для сельских обществ. Один из оршанских посредников нашел, что это совершенно излишняя роскошь, что мужикам газеты вовсе не нужны, что мужики только напрасно станут на них тратиться. Могилевское губернское присутствие постановило: «Так как действительно не представляется существенной надобности сельским обществам в губернских ведомостях, то сообщить в редакцию „Могилевских губернских ведомостей“, чтобы губернские ведомости не высылались в сельские общества Могилевской губернии». Так как «Могилевские губернские ведомости» — греха тут таить нечего — издание действительно довольно сухое, да и печатаемые в нем распоряжения gubernского присутствия, по чрезвычайной сжатости и отсутствию имеющих экономическое, жизненное значение подробностей, мало представляют живого интереса, то мы с удовольствием припоминаем теперь про последнее распоряжение воронежского gubernского начальства, которое, для придания своей местной газете большего оживления, занимательности и насущного интереса,

приняло меры к снабжению редакции, со стороны присутственных мест, статистическими, историческими и этнографическими материалами и, кроме того, назначило редактору 500 р<ублей> в год из типографских сумм на приобретение сотрудников.

Что касается местной статистики и этнографии, то кому же не известно, что кое в каких уголках любезного нам отечества это есть одна из слабых сторон нашей губернской администрации. Читателям, полагаем мы, ведомы и переведомы сотни и тысячи анекдотов, как у нас, в губерниях, «делают статистику». Там одна уездная предержавшая власть против запроса о количестве квадратных сажень в городе доносит, что в городе такой меры не делают! Там другая власть, в графе «о лучших видах на урожай», отвечает, что «лучшие виды на урожай у них с горы Афонькиной». Там третья такая же власть уверяет, что в уезде этнографии не оказалось. Четвертый господин в графу о количестве дичи, добываемой крестьянами, вносит 15 203 пары рябчиков и 72 053 судака. Да мало ли таких историй случилось на белом свете! Теперь же время годо-

вых отчетов; все становые пустились в ученость и корпят над археологией, этнографией, статистикой и политической экономией, для представления своих умствований куда следует по восходящей лестнице нашей служебной иерархии.

Начальник Рязанской губернии обратился по этому случаю ко всем земским и городским полициям с особым циркуляром, напоминая им, что в этом деле требуется добросовестность собирания данных, возможная точность цифр и отсутствие сочинительства и произвольных выдумок. В просвещенных государствах, говорит губернатор, между просвещенными гражданами статистическая деятельность правительства всегда находит себе самое искреннее сочувствие и деятельную помощь в обществе и самых добросовестных исполнителей между служащими лицами, обязанными по закону посвятить часть своей служебной деятельности на собирание и разработку статистических сведений. Желательно было бы встретить ту же исполнительность в настоящем случае и в городских и земских полициях Рязанской губернии и та-

ким образом не иметь повода повторять всем уже известные упреки и угрозы для возбуждения и поощрения желаемой деятельности.

Рязанское губернское начальство, в лице главных своих представителей, идет, как видно из оглашаемых им распоряжений, путем гласности во всем и в уровень с современными требованиями образованного общества. Вот, например, перед самыми праздниками в губернском правлении слушано было дело о преобразовании в городах Рязанской губернии пожарных и полицейских команд в общественные. Особенно дельные проекты по этому вопросу представили городские головы: скопинский Рыков и сапожковский Морозов, хотя нам и показалась забавною отговорка жителей Сапожка насчет высылки на пожары возможного числа лошадей с водою и огнегасительными орудиями, под тем предлогом, что «лошади купцов и мещан, занимающихся коммерциею, находятся в разъезде, а находящиеся у них лошади для городской езды — заводские, пугливые». Губернское правление, однако же, постановило: за заботливое исполнение предписания начальства, выра-

женное весьма удовлетворительно составлением проекта, сапожковскому городскому голове Морозову объявить благодарность губернского начальства, с опубликованием в губернских ведомостях. Полученный от него, Морозова, проект представить г. министру внутренних дел от лица начальника губернии. Проект скопинского градского головы Рыкова, по его желанию, предать гласности, напечатав в губернских ведомостях; кроме того, предоставив ему, Рыкову, если желает, войти в сношение с издателями журналов. А так как нужды общества и средства к их устранению, по убеждению губернского правления, всего лучше могут быть известны местным жителям, то, для привлечения к настоящему особенной важности предмету общего участия, оно решило: припечатать статью в губернских ведомостях, изъяснив в ней, что «губернское начальство примет с признательностью соображения и замечания, как прямо относящиеся к предполагаемому преобразованию, так и вообще к усилению городского хозяйства, составляющего главнейший и единственный источник для удовлетво-

ния местных потребностей к лучшему благосостоянию городов».

Пред праздниками появилась в свет брошюра «Обозрение деятельности министерства государственных имуществ, в период времени с 1857 по 1861 год». Как на предмет особенного интереса мы указываем и на заключительные строки этого «Обозрения».

Пятого марта 1861 года последовала, как всем известно, высочайшая воля о применении к государственным крестьянам главных начал Положения о вышедших из крепостной зависимости крестьянах, о передаче управления ими в общие заведывающие сельскими обывателями учреждения и о преобразовании, согласно изменяющимся обстоятельствам и потребности, управления собственно вещественными государственными имуществами.

Из «Обозрения» мы наконец узнаем, что предположения эти уже представлены в главный комитет об устройстве сельского хозяйства и заключают в себе (мы сохраняем подлинные выражения напечатанной статьи) следующее:

1) Проект отделения заведывания государственными крестьянами от управления собственными вещественными государственными имуществами, с сокращением состава последнего сообразно уменьшению круга предстоящей ему деятельности.

2) Проект применения к государственным крестьянам тех именно начал Положения 19-го февраля 1861 года, которые могут способствовать улучшению быта сельских обывателей посредством положительного определения условия постоянного пользования ими казенною землею; посредством облегчения им возможности приобретать эту землю в собственность; посредством ближайшего означения имеющих быть отбываемыми крестьянами, за предоставленную им в пользование землю, государственных повинностей и наконец посредством предоставления им некоторых новых прав в отношении передвижения и самоуправления.

3) Подробный проект правил для выкупа государственными крестьянами предоставленных им в пользование земельных угодий и

4) Проект самой передачи управления государственными крестьянами в общие инстанции.

Прямым последствием имеющих совершиться, на основании вышеизложенных предположений, перемен в управлении государственными крестьянами должно быть преобразование самого министерства. Этот предмет обращал на себя особенное внимание бывшего министра, который признал с своей стороны необходимым, одновременно с сокращением средств административной части вверенных ему учреждений, развить сосредоточивающуюся в департаменте сельского хозяйства отрасль управления.

К числу государственных крестьян, в общем употреблении, у нас обыкновенно относят и так называемых малороссийских казаков. Поэтому некоторые из бывших дворовых людей в малороссийских губерниях, следуя буквальному смыслу известных статей Положения 19-го февраля 1861 г., предоставляющих им право приписываться в общества крестьян, состоящих в ведомстве государственных имуществ, ходатайствовали о за-

писке их в малороссийские казаки. Но недавно, в декабре месяце, черниговская казенная палата разъяснила, что «к обществам малороссийских казаков дворовые люди не могут быть причисляемы не только обязательно, но даже и тогда, если бы общества эти изъявили на то согласие, так как казаки имеют свои особые преимущества, которых крестьянам, выходящим из крепостной зависимости, не предоставлено».

Черниговское губернское присутствие, встретив в отзывах одного из мировых посредников постоянные указания на постановленный Положениями двухлетний срок временной обязательности крестьян к землевладельцам, сочло долгом разъяснить значение и смысл закона. Разъяснение это состоит в таких выражениях: «Присутствие не может не обратить внимания на ошибочность взгляда посредников относительно двухлетнего будто бы обязательного для крестьян срока. Ложное понятие о значении этого срока могло возникнуть между крестьянами. По их малограмотности можно допустить, что они могли не понять, что этот срок постановлен в Положе-

нии как краткий предел для окончательного, посредством уставных грамот, определения отношений между помещиками и крестьянами. Ошибочность в этом случае убеждения крестьян, породившая уже столько затруднений, должна быть всеми мерами исправлена, и все усилия должны клониться к точному и верному разъяснению вопроса. Противное не может не быть признано вредным, так как оно может служить только к большему еще укоренению в уме крестьян ложного понимания двухлетнего срока, данного на повсеместное введение в действие уставных грамот».

При этом случае председатель губернского присутствия заявил о своих распоряжениях по предмету введения в действие уставных грамот в некоторых имениях Суражского уезда, в коих крестьяне оказывают упорное такому введению сопротивление.

Министерство внутренних дел недавно (№ 12 «Сев<ерной> пч<елы>») вполне правильно и основательно объяснило причину таких печальных недоразумений. Вот подлинные слова министерской газеты: «Крестьяне выражают иногда опасения, что согла-

сие их на принятие грамоты не только может их лишить новых ожидаемых ими милостей, но и подвергнуть наказанию. В других местах причиной отказа крестьяне выставляют стеснительность определяемых грамотами поземельных отношений их к помещикам или вследствие уменьшения надела, или же, при желании их сохранить на пять лет весь прежний надел, по несоразмерному с ценностью земли увеличению повинностей. Вследствие принятых мер, в числе которых в некоторых случаях были введение военной команды и полицейские наказания более упорствовавших, крестьяне, по большей части, уже исполнили предъявленные им требования».

С другой стороны, малоуспешность в составлении и введении уставных грамот министерство внутренних дел объясняет между прочим тем, что «в некоторых местах замечено уклонение самих владельцев от составления уставных грамот, частью из опасения уменьшения рабочих сил, частью вследствие недостаточного ознакомления с Положением или по беспечности».

Стало быть, в недостаточном ознакомле-

нии с Положением и в «беспечности» нельзя винить одно несчастное наше крестьянство, которое одно расплачивается и отвечает за производимое не им одним нарушение общественного порядка. Всему виной, как мы видим, малоразвитость нашего народа, и простого, и непростого. Пожелаем же ему больше света, света и света!

* * *

С некоторого времени носились слухи, сначала темные, неясные, потом с течением времени более и более делавшиеся достоверными, о том, что русский бюджет (государственная роспись доходов и расходов) будет опубликован для всенародного сведения. Во всех слоях общества с нетерпением ожидали осуществления этого великого земского дела.

Наконец ожидания осуществились. 4-го января нынешнего года последовало высочайшее повеление о распубликовании нашего государственного бюджета. В непродолжительном времени он будет напечатан.

Все друзья отечества, все истинные поборники прогресса радостно приветствуют этот важный шаг вперед. Со времени обнаружения

ния Положений 19-го февраля 1861 года, конечно, ни одна правительственная мера не была встречаема общественным мнением с большим сочувствием, с большей радостью, чем это новое распоряжение.

Что финансовые дела наши находятся в неудовлетворительном положении — это ни для кого не тайна. Много составляемо было проектов, немало предпринимаво было мер для выхода из этого затруднительного состояния, но все меры оказывались более или менее недействительными. Причина этому была понятна всем. Без доверия финансовых дел поправить невозможно, а можно ли снискать полное доверие, как внутри страны, так и за границей, если государственное хозяйство покрыто темною завесой тайны?

Россия имеет материальные средства, и средства громадные. С такими средствами, какие имеет она, нельзя опасаться совершенного расстройтва финансов, до какого бы состояния они ни были доведены. Но тайна все мертвит, к чему ни прикоснется ее парализующий перст, тогда как гласность все животворит. Эту истину доказывает история всех

народов. При всякой тайне неизбежно общественное недоверие и недовольство действиями правительства, как бы чисты и бескорыстны они ни были; гласность же, напротив, доказывая чистоту намерений правительства, более, чем что-либо другое, содействует благосостоянию страны, утверждая в ней взаимную доверенность правительства и народа.

Вот почему на опубликование государственного бюджета мы смотрим, как на великое земское дело.

**<ОБ ОТНОШЕНИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ СВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ К
ЛИТЕРАТУРЕ ДУХОВНОЙ>
С.-Петербург, четверток, 25-го
января 1862 г**

Существенный вред, приносимый газетою Слишком известного г. Аскоченского, по нашему мнению, заключается в его дерзости, с которою он доказывает неуклонное стремление нашей современной литературы к вольтеррианству, способному удалить человека от Бога и от уважения к христианским обязанностям. Во многих кружках, между людьми, может быть, и честными, и добрыми, но запуганными и робкими, всякое нововведение, всякая новая мысль встречаются с каким-то болезненным недоверием, и зато всякое слово за «доброе старое время» находит полное сочувствие и принимается на веру без всякого анализа, без всякой критической оценки. Существованием таких кружков

между потребителями русской печати объясняется успех такого издания, какова всем известная «Домашняя беседа». Более или менее обширные кружки с таким направлением есть не только у нас, но и в тех странах, где общее развитие масс нельзя сравнивать с нашим народным развитием. Иначе и быть не может, да и не должно быть. Полного и совершенного единомыслия никогда не встречается ни в одном человеческом обществе, особенно если члены этого общества шли в своем нравственном и умственном развитии не одним шагом и не по одной дороге. Наше русское общество, в настоящую эпоху, представляет едва ли не самый резкий пример разнородных ступеней развития, заметного не только в рассуждении отдельных лиц, но и в рассуждении целых отдельных классов. Мысль, более или менее доступная каждому из членов одного сословия, совершенно чужда и представляется дикостью и вздором для лиц другого сословия. Дворянство, служилые люди, войско, купечество, духовенство и крестьянство, стоявшие много лет в отличительных одно от другого условиях, усвоили себе

очень много чисто сословных понятий и стремлений, рассматривая которые поневоле задумываешься: в самом ли деле все мы дети одной семьи, братья по вере, языку и интересам, связывающим людей в одно национальное целое? Задние не узнают передних, эти не понимают задних и облакают их такими добродетелями, над которыми улыбается человек знающий и бывалый, или же взводят на них обвинения, которых они так же мало заслужили, как малолетнее дитя, разболтавшее тайну своих родителей первому приласкавшему его человеку. Мы говорим это для того, чтобы указать основание, не допускающее нас сердиться на наших соотчичей, которым приходится по вкусу весьма незамысловатые и вообще маловредные хитрословия г. Аскоченского. В пропаганде г. Аскоченского, собственно говоря, нет ничего нового, и все то, что слышат из его уст люди, склонные верить этому популярнейшему русскому писателю, они слышали с детства, и в листках, выпускаемых г. Аскоченским в виде оппозиционного русского журнала, встречаются только услаждающие их вариации на темы, известные им из

давно знакомых книжек. Упрекать их в слепом доверии этим книжкам или в буквальном понятии многого, написанного в них не в том духе, в каком многими принимается писанное, было бы величайшею несправедливостью. Тогда пришлось бы строго обвинить всех гибнувших на кольях и плахах за двухперстное сложение, хождение посолонь и сугубую аллилуйю: и тут, и там идет все одна и та же оппозиция старой закваски новым дрожжам, которые поднимают опару. Пропагандисты отживающих положений могут возбуждать гораздо более негодования, если есть основание предполагать, что учение их неискренне, что они сами ему не сочувствуют и ведут его только потому, что оно дает им известное положение и известные блага мира сего. К несчастью, история наша сохранила несколько имен людей, пропагандировавших отщепенство именно в таких недостойных целях, о которых мы только что сказали, а наблюдения показывают, что и в наши дни не оскудела способность человека пользоваться близорукостью собратий. Таких людей, разумеется, уважать нельзя, и руку им подать

стыдно; но терпеть их теперь можно скорее, чем прежде, потому что они уже не могут сделать поступательному движению человечества такого вреда, какой они принесли ему в дни всеобщих смут и полнейшего невежества.

Все это как-то невольно пришло нам на мысль, когда мы взяли в руки январскую книгу духовно-литературного журнала «Дух христианина». Г. Аскоченский принес очень дурную услугу нашей духовной журналистике. Он устроился так, что нет никакой возможности, развертывая книгу духовного журнала, не вспомнить всех подвигов этого писателя на поселение вражды в русском обществе. «Православное обозрение», редактируемое профессором Московского университета свящ^{енником} Сергиевским, однако, умело выступить так, что, при виде его книжки, в голове читателя не является неизбежное имя редактора «убогой газетки», и пример «Православного обозрения» не остается бесплодным. С самым приятным чувством мы просмотрели январскую книжку «Духа христианина» и закрыли ее с глубокою благодарностью ли-

цам, редактирующим это новое издание. Содержание журнала остается верным своему названию: дух христианской любви, терпимости и веры в лучшее видимым образом лежит в его основе и заставляет нас желать журналу того успеха, который должно встретить честное издание с духовным направлением в нашем обществе. Такие издания особенно важны для весьма многочисленного класса, любящего духовную литературу, но неспособного к возвышению своего духа над животными страстями и наклонностями. Г. Аскоченский успел уверить многих людей этого класса, что светская литература враждебна церкви и Христову учению; но дай Бог, чтобы он сам встретил новый духовный журнал с тем сочувствием, с каким встретили его мы, увидав, что он имеет своею задачею не книжничество и фарисейство, а облагораживание массы духом того учения, которого эта масса крепко держится и от которого никогда не намерена была отклонять ее светская литература, знающая, что нужно народу. Говоря «литература», мы разумеем всю прессу, не касаясь никаких личностей, за которыми, в качестве

литературного исправника, следит г. Аско-ченский. Совесть должна быть свободна, так же, как и убеждения отдельного лица. Ответственны одни поступки, а поступки литературы не изобличают ни малейшего покушения противодействовать самому полному, самому сознательному усвоению народом истин Христова учения. Напротив, сознание этих истин есть, в наших глазах, первый шаг к тому счастливому положению, в котором мы желаем видеть наш омраченный невежеством народ, и люди, издающие журналы вроде «Православного обозрения» и «Духа христианина», наши, и мы их: мы слуги одного великого дела, у нас одна цель — народное счастье, и мы первые от всего сердца желаем, чтобы эти журналы сделались народным чтением прежде, нежели народ возьмет в руки листы наших изданий. Мы верим, что священные повествования и духовно-нравственные рассуждения — самое пригодное чтение для нашего младенствующего народа.

«Дух христианина» прежде всего радуется нам тем, что он не уносится исключительно в отвлеченные умозерцания и, заботясь о

возвышении человеческого духа, не проходит презрительным молчанием те земные условия, которые, угнетая тело, угнетают и тесно связанный с ним дух. Мы не станем говорить об ученых статьях этого журнала, имеющих, конечно, большой интерес для специалистов, и будем смотреть на его учено-литературный отдел и смесь. В этих отделах лежащей пред вами книжки «Духа христианина» мы встречаем: 1) Заметки о расколе, 2) Диакониссы древней церкви, 3) Черты из быта сельских священников Гродненской губернии, 4) Калужская воскресная школа и 5) Письмо литовского корреспондента. Все эти статьи очень хорошо знакомят нас с задушевными взглядами редакции на житейские явления и с ее способностью относиться к этим явлениям.

Самый большой интерес в наших глазах имеет бытовая статья «О положении сельских священников». До сих пор быт этого сословия известен нам по тем личным наблюдениям, которые каждому привелось когда-нибудь сделать. Конечно, наблюдения эти, не проверенные посредством откровенного раздела

своих взглядов, при помощи прессы, очень односторонни и, как замечает «Дух христианина», слагаются в обществе далеко не в пользу сословия, о котором идет наша речь. Это очень невыгодно для этого сословия и должно быть очень прискорбно для тех из его представителей, которые чувствуют, что мнения эти во многом погрешают против истины. Поборники безгласия и друзья какого-то старого quasi-порядка, стремящиеся доказать совершенное несуществование слишком очевидных недостатков в нравах, образе мыслей и образе жизни значительной части духовного сословия, повредили ему гораздо более всех указаний на его недостатки. Такую заслугу принес интересам духовного сословия г. Аскоченский, которому только стоит назвать что-нибудь белым, и все уже готовы верить, что белое, на его взгляд, непременно черно на самом деле. Такова, впрочем, судьба всякого крайнего учения и всякого слепого сторонничества. Сначала оно возбуждает негодование против видимого пристрастия, затем становится смешным и нисходит на ступень безвредного, но жалкого шутовства.

«Дух христианина» хлопочет об интересах своего сословия совсем иначе. Он обратился именно к тем приемам, которые помогли светской литературе раскопать кое-какие стоячие болота нашей жизни и вывести из них все то, что еще не совсем пропиталось смрадной тиной и не потеряло способности мыслить и чувствовать. Бытовые статьи этого журнала, статьи, имеющие, бесспорно, огромный интерес для нашего времени, отличаются замечательным беспристрастием и писаны, конечно, людьми, имеющими желание помогать своим собратьям, а не исключительно самим себе. «Дух христианина» считает, что «вопрос о духовенстве — на очереди» и что «беспристрастное его решение рассеет те недоразумения, которые ходят о нем в обществе». Редакция полагает, что светская литература нередко погрешает во многих своих мнениях о духовенстве, и заметки ее поражают своею поверхностию. Почтенная редакция, конечно, упустила из виду, что поверхность отнюдь не доказывает собственной вины литературы, что светской литературе известно очень много о некоторых условиях

и «пружинах», но тем не менее она очень дорожит появлением такой статьи, какая напечатана в январской книжке «Духа христианина», и считает грехом пройти ее молчанием и не познакомить с нею большинства публики, обязанной знать и разуметь положение своего духовенства.

Обыкновенно случается встречать два мнения о нашем сельском духовенстве: одни говорят, что лица этого сословия, по нерадению и другим непохвальным качествам, вообще не блюдут интересов своих бедных прихожан, да и вообще неспособны блюсти их; по мнению других, во главе которых стоят сподвижники и друзья г. Аскоченского, духовенство ведет себя в отношении ближнего совершенно безукоризненно, но ближние эти ни с того ни с сего отшатываются от своих пастырей и нимало о них не заботятся.

В статье «Духа христианина», которой предпослано то положение, что «вопрос о духовенстве стоит на очереди», мы находим факты, гораздо яснее раскрывающие нам быт наших священников и причины тех или других отношений к ним их паствы. Из нее мы

видим, что большинство сельских священников очень бедны, что они живут в лачугах, крытых очеретом и представляющих очень плохую защиту от ветров и морозов. В иных из таких лачуг стены напоминают фигуру латинской буквы S и держатся только бесчисленными подпорками; отвалившиеся углы дают свободный доступ в эти «палаты» морозу, а иногда и «бесприютным собакам целого местечка». В этих-то «палатах» живут бедные, но очень добрые священники, которые боятся поправлять свои домишки на мирской счет, чтобы мир не попрекнул их. Тут-то, в этих-то сказочных избушках на курьих ножках и веретенных пятках, живет целая, иногда очень многочисленная семья священника, с дряхлыми стариками и грудными детьми. Положение отца этой семьи, конечно, не может назваться счастливым и спокойным, особенно если взять в расчет, что и полевое и дворовое хозяйство идет так же стройно, как и домашняя жизнь. У священника меньше свободного времени, чем у каждого из его прихожан, а здоровья и навыка и еще того меньше. Просидев 12-ть лет за семинарскою партиєю,

он отвык от трудов, и его физические силы не развиты в той мере, в какой они развиты у его ровесника крестьянина, не отходившего от топора и плуга, а лекции о сельском хозяйстве, которые он слушал в семинарии, не дали ему никаких полезных в нашем хозяйстве сведений. Наслушавшись о скорификаторах и экстирпаторах, он должен обратиться к мужичку, чтобы тот показал ему, как наладить соху. Вместо того чтобы учить своих прихожан, он сам делается их учеником; учение его пропало даром, а силы и время ушли. Пойдет священник с своим соседом-мужичком таскать сено из болота — мужичок вымокнет, и ничего ему, а священник расхворается и иногда очень серьезно, и остальная домашняя работа и церковные требы, за его болезнью, стоят; в приходе же и родины, и крестины, и свадьбы не ждут. Распряжется у священника дорогою лошадь, он часто не умеет ее запрячь и ждет, пока подъедет мужичок, запряжет ему ее да скажет: «ось тобі и теолог, да коня не запряг». Так, постоянно бедую, постоянно стесняясь, живут многие сельские священники, и истинно нужно удивляться, как они сносят

свою жизнь? Здесь, кажется, помогает им та тяжелая школа бедствий, которую они проходят во время своего долголетнего учебного курса и которая снабжает их какою-то спартанскою терпеливостью, какою-то особенною тягучестью натуры, отличающей семинариста. Бульба не был бы Бульбою, если бы он не был бурсаком. Как ни тяжело положение доброго и бедного священника, он сносит его с истинно бульбинским стоицизмом. Спросят отца Иоанна, что, мол, твои палаты так разъехались?

— Это особенный род архитектуры, — отвечает он, и ничего, живет долее.

Такое печальное положение священника нимало не зависит от его беспечности. Во-первых, потому, что молодой священник прежде всего — бедняк, которому не на что производить постройки, а во-вторых, потому, что постройки эти на церковной земле производить очень рискованно. Завтра, мимо воли священника и мимо воли его прихожан, его могут назначить в другой приход, и все его постройки, дворик, который он укрыл для скотинки, и теплая хата, и садик, в котором

копался собственными руками, и огородец — все достается другому, который исхлопотал себе его место. Заплатит он ему за домик что вздумает, да и то еще в рассрочку, а другого покупателя негде взять. От этой непрочности своего положения, от неуверенности, что никто не тронет священника с места, если он прихожанами, а прихожане им довольны, у него поневоле опускаются руки, и он живет в вечном страхе и вечной зависимости от безапелляционных передвигателей.

Общественные дома для священника значатся чаще только по «клировым ведомостям», а *de facto*[7] на месте их «растет бурьян и чертополох», Иногда случается, что прихожане, полюбив священника, и сами сложатся ему на домик, деньги соберутся у помещика и... пойдут «на роскошный обед в честь собравшегося дворянства». Теперь этого, конечно, не будет, и священники могут надеяться на лучшую и более самостоятельную жизнь в своих приходах.

Но есть в селах священники и другого сорта. «Поповская аристократия, поповское обывательство», как называет их «Дух христиа-

нина». Вот что рассказывает о них этот честный журнал: «У некоторых из этих духовных помещиков вы найдете фаэтон с четвернею лошадей. Они платят 200–300 руб<лей> гувернантке, воспитывающей их дочерей. В доме у них 5—10 комнат с роскошной мебелью, аристократическим убранством и варшавскими или венскими фортепьянами. Очевидно, что этот комфорт вытекает не из обыкновенных средств сельского священника». По выводам «Духа христианина», все эти презренные блага мира сего берутся между прочим с излишней против положения церковной земли и «с особенных местных условий, дающих возможность спекулировать церковным имуществом, извлекая из него чистый доход наличными деньгами. То же самое можно заметить и о близком соседстве с польской границей: оно вводит некоторых в слишком опасные искушения ради не безгрешных, но всегда выгодных сделок насчет контрабанды. Поэтому-то места, близкие к границе, до сих пор считаются у многих священников самыми лакомыми» (стр. 189). «Преимущественно же источником обогащения некоторых сельских

священников служит не слишком церемонное обращение их с своими прихожанами, по поводу получения платы за совершение треб. В некоторых приходах есть даже что-то вроде определенной таксы на все требы, от заказной обедни до краткой поминальной панихиды. Эта система имеет предпочтительное значение у священников-аристократов, и потому-то прихожане их питают к ним неудовольствие и нелюбовь» (стр. 190). Однако, как сейчас увидим, положение этих «духовных помещиков» не всегда бывает аристократическое. «Во время епархиальной ревизии, — продолжает „Дух христианина“, — еще недели за две, за три до прибытия ревизора, все эти фэтоны, фортепяна, разные вольтеровские кресла и все прочее подобное припрятывается как можно подальше от проницательных глаз некоторых ревизоров».

Мы не можем делать более выписок из интересной статьи о быте сельских священников и советуем нашим читателям обратить на нее свое внимание. Мы вполне разделяем мнение почтенной редакции, что вопрос о сельском духовенстве «стоит на очереди», и

только жалеем, что он так долго «стоит». «Стоянием города не возьмешь», говорит поговорка, и стояние это ни для кого не выгодно, ни для народа, ни для правительства, ни для самого сельского духовенства. Нет спора, что светская литература никому не оказала так мало услуг, как духовенству; но нет сомнения, что она готова ему служить с тем же бескорытием и искренностью, с какою она служила крестьянству и вообще всем вызывавшим ее на честное и откровенное слово. Бояться, кажется, нечего. Отдельные лица — не литература, и она не думает увлекаться двумя, тремя голосами, да, по правде сказать, она и не слышит голосов, способных перевернуть ее в том, что нужно и что полезно народу в его нынешнем возрасте. По поводу этого очередного вопроса мы ощущаем потребность сказать очень многое, потому что он нам очень близок и мы ему очень сочувствуем. Без всякого сомнения, мы более всего желаем видеть в наших селах не тех «духовных помещиков», с которыми познакомились из сделанных выдержек, но и не желаем видеть ни одного из представителей нашей церкви в

том нищенском положении, в котором нам часто приходилось их видеть и в котором они, как явствует из приведенной статьи, встречаются довольно часто. Бесприютность и беспрестанные лишения, а вдобавок к ним боязнь, что неожиданный «указ из консистории» завтра лишит семью и того промерзлого угла, в котором она кое-как отогревает свои коченеющие члены, могут убить самую сильную душу и притупить самую энергическую волю. В таком положении, пожалуй, можно и смеяться над своим горем, но эта насмешка невесела; она скорее напоминает не стоическое спокойствие философа, а равнодушие, с которым изнуренная и истерзанная кляча принимает на свои бока новый удар кнута. Сократов немного на свете, да и к тому же Сократ жил не в наше время и не в нашем климате. Плохо размышлять о высоких предметах и сочинять поучения, когда в одном углу режут продрогшие дети, а в другом стонет больная и, может быть, клянущая свою долю жена. Нет, так нельзя жить священнику, в такой обстановке мудрено избежать и ропота, и попреков, и... средств, отгоняющих неотступ-

ную злодейку-тоску. Общество, конечно, имеет много средств пересоздать условия, в которых мы застаем наше сельское духовенство, и ему пора об этом позаботиться. Что касается нас, то мы главной причиной бесхозяйства сельских священников считаем ту же самую причину, на которую указывает «Дух христианина», то есть право, по которому его могут, мимо его воли и мимо воли его прихожан, взять с места, где его все любят, кроме какого-нибудь одного помещика, и послать на другой край епархии, где он не встретит ни одного знакомого лица. «Дух христианина» замечает, что у униатов так не делалось, а мы прибавим, что так не делается и у немцев. Священник, конечно, человек, так сказать, мирской, «общественный»; он должен служить миру, и ближайший его судья не тот назойливый ревизор, от пронизательных глаз которого он спрячет свои вольтеровские кресла и прочие доспехи, а «мир», этот вечный, докучливый ревизор, который помнит веселые звуки фортепьяно, терзавшие его душу в ту пору, когда мимо батюшкина дома несли его дорогих покойников. Этот ревизор знает все, и се-

дение, и восстание. Новые положения о крестьянах, вызвавшие их к самоуправлению, вверили им выбор нужных для их общин людей. Для крестьянской общины священник — лицо также несомненно нужное, а достоверно известно, что священники, за которых стоит горою мир, подвергаются опалам, интригам и проискам со стороны двух, трех миров именно за качества, долженствующие быть принадлежностью духовного сана. Ergo [8] — вопрос, «стоящий на очереди», надо сдвинуть с его *stad-puncto*[9] и вести к решению путем свободного и открытого рассуждения. Только таким путем, мы надеемся, удастся помочь духовенству нищенствующему и освободить народ от «духовных помещиков». Очевидно, что чистоте дел здесь мешает та же болезнь: отсутствие свободы совести и недостаток нравственной гарантии перед безнравственной силой; затем невежество, как неизбежное последствие такого состояния.

Мы только в одном не можем согласиться с «Духом христианина». Он полагает, что священникам было бы лучше, если бы они не занимались о обработке полей и получали, вме-

сто земель, определенное количество хлеба и проч. Мы этого не думаем. Как ни тяжело подчас бывает хозяйничать, но едва ли хоть один русский человек пожелает из хозяина сделаться мещанинником. Народ же обыкновенно терпеть не может этих мещанинников, у которых «всегда один урожай, что в сушь, что в ведро». В мещанинничестве лежала первая причина презрения крестьян к дворовым людям; оно будет постоянно не нравиться народу и во всех других случаях, потому что он может любить только тех, кто радуется его радостями и болит его болезнями, в чьем сердце ветры и засухи отзываются так же неприятно, как и в сердце мужичка-пахаря. Мещаниннику же все равно; он берет положенное, и интересы его не могут быть одинаковы с интересами тех, чье счастье Бог зародит на поле. Свое хозяйство (не спекулятивное, разумеется) сближает священника с его прихожанами и не может быть для него источником беспокойств и больших неприятностей, если другие стороны его домашнего и общественного быта изменятся во всем том, в чем им давно пора измениться.

<ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ>

С.-Петербург, пятница, 26-го
января 1862 г

С нового года возымел свое действие новый Устав о табаке. Какие последствия будет иметь этот устав — решать мы не беремся, покажет дело. Выиграет ли одна, исключительно одна казна, выиграют ли фабриканты и производители, выиграет ли публика — это дело темное: будущее откроет всю пользу, которую может принести новый устав, плоды которого выказаться мгновенно не могут. Газеты наши толковали об этом предмете, но окончательно, кажется, не остановились ни на чем. Одни уверяют, что табак должен подлежать налогу преимущественно пред всеми другими продуктами потребления, потому что он чисто предмет прихоти. Другие говорят, что в наше время смешно говорить, будто табак прихоть или роскошь: это такая же насущная необходимость для массы публики, как хлеб, как железо, как чай и т. п. Мы уже

имели случай не однажды говорить, как громадно потребление табаку в России, от берегов Вислы до устья Амура и от Соловков до Астары. В Австрии и во Франции табак составляет одну из главнейших отраслей государственного дохода, и эти государства по справедливости могут назваться главными представителями табачной регалии. Зато, в противоположность этим монополистским правам казны, и в Австрии, и во Франции табачное производство находится на самой низкой степени развития; ни Франция, ни Австрия не вывозят табаку за пределы своих владений, хотя Франция и славится производством нюхательного, а Австрия курительного табаку. Между тем в Германии, где на этот предмет нет монополии, табачная промышленность так сильно развита, что табак ее сбывается повсюду и вывозится в значительных массах даже в Америку. Без всякого сомнения, в странах, где табачная регалия преобладает, табачное производство не может с успехом развиваться; тем более в стране, где промышленность эта существует в довольно значительных размерах и развивалась сво-

бодно, не будучи стесняема никакими правилами и мелочными натяжками формальности. Не забудем, что вся Малороссия, все Закавказье, вся Бессарабия, многие местности степных губерний, часть Поволжья — все это живет табачными плантациями. Цель, которую новый устав имеет в виду, состоит, кажется, в том, чтобы по возможности усилить доходы казны. Но действительно ли выиграет казна, если потребители останутся в накладе? Был же у нас пример не за горами с зажигательными спичками.

От табачной промышленности только один шаг до золотопромышленности. Касательно этого предмета в газете «Амур» и в «Енисейских губернских ведомостях» официальным путем объявлены некоторые меры, направленные к ограничению произвола и злоупотреблений своим положением со стороны гг. золотопромышленников в отношении к беззащитным и безответным рабочим.

По рассмотрении ведомостей о состоянии рабочих команд на частных золотых промыслах высшее местное начальство пришло к убеждению, что число больных и мрущих на

приисках рабочих постоянно и значительно увеличивается от найма в тягостную и утомительную приисковую работу людей старых, дряхлых и нередко страдающих застарелыми хроническими болезнями. Еще в 1844 году состоялась высочайшая воля, которою положительно было повелено: обязать золотопромышленников, чтобы они не нанимали для своих работ престарелых и увечных, а если подобные люди окажутся на промыслах, то высылать их на места жительства на счет золотопромышленников. Теперь высшее местное начальство нашло себя вынужденным напомнить об этом высочайшем повелении и обязало горных исправников строго следить за его исполнением со стороны золотопромышленников.

С давних времен золотопромышленники рассчитываются с своими рабочими частью наличными деньгами, большею же частью так называемыми товарными вещами, то есть броднями, чирками, азямами, ситцами, плисом, картузами, холстом, чаем черным и кирпичным, сахаром и т. п. необходимыми предметами обуви и одежды, предметами, ко-

торых бедному рабочему в дичи, в глуши, среди лесов, на приисках негде приобрести, кроме как из конторы золотопромышленников. И разумеется, рабочие хорошо за это поплачиваются: золотопромышленники берут с них и ценность предмета, и ценность провода, и малую толику накладных процентов в виде обыкновенных купеческих прибылей, и часто за вещь, которая в городе стоит не больше рубля, рабочий на прииске должен платить два рубля и дороже. Понятное дело, что бедные поселенцы и люди других рабочих классов, нанимаемые в работы на золотых приисках, находятся у золотопромышленников в таких же неоплатных долгах, в каких находятся несчастные ловцы, русские, калмыки и киргизы, у каспийских и волжских рыбопромышленников. Зная это, мы, разумеется, видим некоторое движение вперед в том, что теперь енисейское губернское начальство, в видах своевременного ознакомления находящихся на золотых промыслах рабочих людей с ценами предметов, получаемых ими в плату от золотопромышленников, предписало горным исправникам частных промыслов,

чтобы таксы этим предметам, то есть товарным вещам, по составлении их на каждом промысле перед началом работ, по утверждению их подписом промыслового управления и по засвидетельствовании местным горным исправником непременно оставались прибитыми на дверях тех самых амбаров, откуда вещи эти отпускаются рабочим. Из этого распоряжения видно, по крайней мере, что губернское начальство желает хоть что-нибудь сделать для бедных рабочих. И то уж выгода, что теперь промысловым приказчикам и управляющим представляется меньше возможности по личному капризу изменять продажные цены и брать с бедняков все что ни вздумается.

Кстати, еще о золотопромышленности. По городу ходят довольно убедительные слухи, что в настоящее время законы о золотопромышленности пересматриваются и подвергаются коренному преобразованию. Промышленности этой предполагается дать полный простор и сделать ее свободною и вполне доступною для всех сословий. Мелочные, но стеснительные формальности, равно как ни к

чему не ведущий, но тягостный для промышленника надзор, будут решительно уничтожены. От всей души желаем, чтоб эти слухи получили должное осуществление: тогда наша Сибирь действительно может надеяться хоть чем-нибудь походить на Калифорнию.

Заговорив про Сибирь, никак нельзя не вспомнить про нашу амурскую компанию. Основанное с таким громом и грохотом а 1858 году правление этой компании до сих пор не представило никакого отчета ни за один год. Если главное общество российских железных дорог, по общему убеждению, действовало из рук вон чудно и странно, то при амурскую компанию мы не знаем уж что и сказать. Газета «Акционер» указывает нам, что амурская компания находится в управлении лица денежного, из ничего нажившего себе громадное состояние, под управлением лица, которое само ведет промышленные и торговые дела и, следовательно, само очень хорошо знает и понимает всю важность отчетности. Правление амурской компании так грустно-забавно себя обставило, что теперь и само не знает, что у него делается, и все сведения о действи-

ях своих агентов почерпает преимущественно из слухов, из летучих статей и из заметок, помещавшихся в разных периодических изданиях. Для разъяснения собственного своего положения и для проверки этих сведений оно, говорят, послало на днях из Петербурга на Амур своего ревизора, условившись заплатить ему пятнадцать тысяч рублей серебром. И то сказать, в этакую глушь тащиться несколько тысяч верст среди лишений, треволнений и борьбы с сильными, может быть, по карману лицами, пятнадцать тысяч рублей не Бог знает какие деньги.

Амурская компания и близкое соседство теперь с нами Японии напомнили нам, что с недавнего времени в нашей торговле явился в продаже так называемый японский воск. Это — масса, очень похожая на обыкновенный пчелиный воск, да и на рынках обращается она почти в таких же кругах, как воск обыкновенный. Происхождение японского воска растительное; но цвет и разлом его почти такие же, как и у настоящего воска; запах у него особенный, хотя и восковой, но несколько сильнее. Японский воск легко и

удобно может заменять обыкновенный воск; он несколько слабее его и отекает, но как примесь он очень удобен. Неудобного для выделки из него церковных свеч в нем ничего не заключается, а главное его достоинство состоит в том, что он дешевле настоящего воска, который стоит 26 р. за пуд, а японский воск в августе месяце продавали по 11 руб.; его покупали аптекари для пластырей и прочего в этом роде, для вощенной бумаги и т. п. Теперь цена ему поднялась до 14 р. за пуд; на него, говорят, обратили внимание даже восковые заводчики, и свечи из него будто бы делают.

Чем бы американский вопрос ни разрешился, а о хлопчатой бумаге нельзя нам не подумать. Давно ли миновало то время, когда нас уверяли, что азиатский хлопок только и годится, что на одни светильни: говорить это тогда, быть может, были у людей свои причины. Теперь, как мы знаем, привоз к нам среднеазиатского хлопка усиливается все более и более, и наши дамы, да и мы, грешный и непрекрасный пол, отлично щеголяем в тканях, в которых примесь хлопка, именно сред-

не-азиатского происхождения, составляет существенное содержание. Что касается ласточника, от которого следовало бы ожидать блестящих результатов, то, по последним сведениям, теперь известно положительно, что каждый стебель этого растения дает четверть золотника ваты; что с целой десятины, или с полумиллиона стеблей ласточника, может быть получено до 34 пуд<ов> ваты. Она продается по 4 руб. за пуд, следовательно, доход с десятины, засеянной ласточником, будет простираться до 136 рублей, а за исключением 36 руб. расходов на обработку и уборку поля рублей сто останется чистого дохода с десятины. Ваты в год нам нужно более 300 000 пудов; следовательно, для одной ваты под посев ласточника нужно отвести на первый раз около 10 000 десятин земли, а эта цифра так почтенна, что об ней можно подумать нашим сельским хозяевам.

А сельские хозяева наши горячо принимают нынче за дело. В одном из зимних заседаний Московского общества сельского хозяйства А. И. Кошелев высказал много дельных мыслей, и мы с ним совершенно соглас-

ны, что в прежнее время многие вопросы служили лишь темой для теоретических рассуждений, красноречивых речей и длинных праздных прений; дельного же разрешения они не получали. Теперь положение землевладельцев совершенно иное. Конечно, много, очень много в нашем хозяйственном быту еще не определилось, землевладельцы наши даже сами не знают, могут ли они распорститься с барщиной, и суждения об этом именно теперь тем необходимее, что не сегодня, так завтра каждый сам должен решить их так или иначе, во что бы то ни стало.

Заклучим сегодняшнюю нашу статью добрым известием в надежде, что указываемым образцом мы вызовем и других на подражание.

Общество Сельского хозяйства юго-восточной России давно задумывало сблизить производителей с потребителями, доставить им возможность подать друг другу руки, сократить расстояния, их разделяющие, и поставить промышленные заведения вблизи от месторождения нужных им сырых произведений.

Разумеется, первое дело и начало всему — это дороги. Но интересы нашего общества так еще разрознены, единодушия между членами так еще мало, сознание своих гражданских обязанностей у многих так еще мало развито, что мы и кидаем страшные деньги на дороги, а дорог все у нас нет как нет. Разбери каждый из нас хоть по клочку какой-нибудь путь сообщения, неси каждый из нас свой личный труд хоть на один аршин дороги, и вот, при семидесяти пяти миллионах жителей, 50 000 верст дорог были бы устроены... Кстати, вот нынче за Кавказом, за Ордубатом, по берегу Аракса проводится в скалах дорога, нашли же возможным уступить желанию одного почтенного армянина и милостиво дозволили же ему принять на себя разработку участка ее всего в одну версту. Придется взрывать скалы и понести довольно значительные расходы, тысяч восемь рублей, но г. Мугдуси-Ованес-Терджанов не посмотрел на это и доказал возможность соединенными усилиями граждан делать все благое, что только возможно.

Общество сельского хозяйства юго-восточной России тоже думало сначала о дорогах, но

потом остановилось на том, что в настоящее время могут принести большую пользу съезды землевладельцев для заключения разного рода сделок, найма нужных людей, а также для продажи и покупки сельских произведений. И потому Общество положило:

1) учредить в Пензе периодические съезды землевладельцев для заключения разного рода сделок и 2) пригласить на эти съезды всех желающих войти в сношение с помещиками.

Собрание, уже второе, было назначено на 11-е января.

**<ПО ПОВОДУ
ОПУБЛИКОВАНИЯ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТА. — НЕСКОЛЬКО
СЛОВ ОБ ОТКУПЩИКАХ>
С.-Петербург, понедельник,
29-го января 1862 г**

Опубликование по высочайшему повелению нашего государственного бюджета встречено, как известно, всеми образованными людьми с искренним восторгом, в большей или меньшей степени равным тому, с каким встречен был манифест об улучшении быта крестьян. Этот восторг служит доказательством, что общество наше или, по крайней мере, образованные представители его понимают в большей или меньшей степени значение подобной меры и глубоко признательны за нее правительству.

Но, конечно, не все у нас вполне сознают значение этой меры, а потому-то очень мно-

гие и задают себе и другим вопрос: «Бюджет опубликован, это прекрасно; но можно ли разбирать его в наших периодических изданиях и высказывать о нем откровенно свои мнения?»

Подобный вопрос, мы в том уверены, будучи, с одной стороны, результатом существовавшего у нас прежде порядка вещей, не во всем выгодного для полного уразумения и самых мудрых правительственных распоряжений, служит, с другой стороны, несомненным доказательством того, что лица, ставящие этот вопрос, не сознают вполне ни значения, ни в особенности причин и цели опубликования бюджета.

Если правительство решается на подобную меру, то решается на нее, конечно, и сознательно, и не без цели. Опубликовать бюджет значит, между прочим, предоставить возможность обсуждать, разбирать его. Не тьмы, а света ищет, значит, правительство, приступая к такой мере, и цель его непременно будет таким способом достигнута, потому что и цель хороша, и средство вполне достойно цели.

Но мыслимо ли достижение такой цели при одном голословном обсуждении бюджета? Конечно, нет. Бюджет есть не просто собрание кое-каких цифр, которым, по личному благоусмотрению, можно придавать или не придавать одно или другое значение. Бюджет есть одно из самых главных выражений средств и нужд нации, а также и способов удовлетворения этих нужд. Бюджет показывает в большей или меньшей, но всегда в значительной степени, каковы, то есть достаточны или недостаточны, материальные средства правительства для достижения государственных целей; достаточны или недостаточны средства казны и силы народы для уплаты государственных налогов; правильно или неправильно распределены налоги между подданными государства; следует ли увеличить или уменьшить, сохранить эти налоги или заменить другими? и т. п. Ясно, значит, что обсуждение бюджета требует понимания его, а такое понимание невозможно без сознания общественных интересов, знания политических наук и знакомства с бытом народа, его нуждами и средствами. Ясно также,

что умственных средств и способностей не только одного, но и нескольких лиц недостаточно для окончательного приговора о бюджете. Подобный приговор требует сведений и способностей многих лиц, и притом таких, которые сознают, по возможности, общественные интересы и серьезно смотрят, между прочим, на дело обсуждения государственных и других общественных бюджетов. Только подобные лица могут, а потому и обязаны заниматься, по возможности, этим делом и благотворно действовать на мнение большинства, давать ему правильное, разумное направление, противодействовать его иногда превратным толкованиям разных общественных явлений, ложным увлечениям и т. п. Возможно ли это без печатного слова? Чем же преимущественно, как не печатным словом, пользуются и все более или менее просвещенные администрации для объяснения народу общественных интересов, правительственных мер и целей и т. п.? Печатное слово не есть ли в наше время величайшее, благороднейшее и могущественнейшее орудие нравственных и умственных сил, и можно ли, ра-

зумно ли не пользоваться им для достижения благих правительственных и необходимых государственных целей? Да, только при помощи печатного слова можно достигнуть благой цели опубликования бюджета; только при содействии этого средства можно будет уничтожить вред от превратного толкования наших финансовых средств и затруднений; только при помощи гласного обсуждения финансовых вопросов все общество наше может в скором времени прийти к убеждению и сознанию, что оно должно не противодействовать, а верой и правдой содействовать правительству, между прочим, и в деле улучшения нашего финансового положения.

Но кроме вышеприведенного вопроса некоторые лица задают себе и другой вопрос, а именно: «Созрело ли общество наше для правильного обсуждения финансовых вопросов, и сумеет ли литература наша достойным образом разобрать государственный бюджет?»

Этот вопрос стоит предыдущего и, подобно ему, отзывается прежним порядком вещей.

Нет никакого сомнения, что не только у

нас, но и во всех передовых по просвещению странах не все граждане способны делать правильную оценку бюджетам, точно так же, как далеко не все способны делать правильную оценку художественным, ученым, литературным и промышленным произведениям. Вот почему не удивительно будет встретить и у нас самые превратные толкования бюджета. Скажем более: и те из публицистов наших, которые более других занимаются изучением и частью печатным обсуждением финансовых и других общественных вопросов, не избегают, по всей вероятности, некоторых ошибок и не преминут сделать несколько промахов при печатном обсуждении бюджета. Но разве это большая и неисправимая беда? Разве от этого пострадают наши финансы? Разве это ляжет пятном на нашу литературу? Не ошибаются только те, которые ни о чем не рассуждают и ничего не делают; да и то еще вопрос: не ошибаются ли такие люди более других уже потому, что ни о чем не рассуждают и ничего не делают? Не вся ли жизнь их — страшная ошибка и бесполезный, бессильный протест против жизни? Если одни пре-

вратно истолкуют одну цифру бюджета, другие — другую, третьи — третью и т. д., то найдутся и такие, которые своим ясным пониманием дела поправят ошибки других. Если же большинство более или менее образованной части нашего общества может поверить подчас на слово тем, которые сами не поймут, в чем дело, то подобное увлечение будет только мгновенным, скоропреходящим, безвредным, будет только толчком и послужит поводом к более серьезному обсуждению вопроса, ибо в противодействие ложному толкованию непременно и скоро явится, как это бывает везде и всегда, более правильная оценка того или другого явления, той или другой цифры бюджета и т. п. Стоит только проявиться правильному мнению, большинство непременно и тотчас же перестанет увлекаться ложным толкованием и станет разделять мнение, наиболее подходящее к истине. Мы смело утверждаем это, потому что везде и всегда общественным мнением управляют правые и сильные правотой, правдивостью своей, а не просто сильные физически. Если же и бывает иногда не так, то это только там, где правые

не имеют физической возможности достаточно
ным образом высказаться и проявить свои истинные убеждения, где грубая физическая сила сковывает силы нравственные и где преобладает не закон и право, а произвол и насилие. Недаром каждый человек наделен совестью. Как бы ни была она подавлена в нем, но она покидает его только с жизнью. Совесть же человека, как известно, всегда говорит и стоит за истинное и правое и допускает человека увлекаться ложным и неправым только тогда, когда уму его недоступно почему-либо в надлежащей степени истинное и правое. Вот почему, между прочим, неосновательно мнение тех, которые думают, что человечество вырождается физически и нравственно. Это могло бы быть только в таком случае, если б совесть не была присуща каждому человеку. Вот почему неосновательно и опасение, что превратное толкование бюджета теми или другими лицами только повредит нашему финансовому положению, а не улучшит его. Подобное опасение могло бы быть серьезным только в таком случае, если б у нас ни между публицистами, ни между членами ми-

нистерства финансов и другими лицами не было ни одного человека, который бы, посредством печатной речи, мог разъяснить нашему обществу, как должно смотреть на ту или другую бюджетную цифру, как поставить и разрешить тот или другой финансовый вопрос, и т. п. Но, слава Богу! у нас найдется не один такой человек, лучшим доказательством чему служит приведенное в исполнение намерение правительства опубликовать бюджет!

Эта мудрая правительственная мера окажется не одно благодеяние нашему обществу. Она послужит, между прочим, к тому, что мы лучше прежнего будем сознавать как наши средства, так и наши слабые стороны в деле обсуждения общественных вопросов, а такое сознание поведет, между прочим, к тому, что мы станем менее говорить и более рассуждать, менее мечтать и более учиться.

Она принесет и ту пользу, что увеличит число основательных и уменьшит число неосновательных надежд о нашем будущем. Она будет содействовать распространению в нашем обществе сознания, что общественны-

ми вопросами шутить нельзя, что следует приступать к ним осторожно, разрешать не слишком скоро и нетерпеливо, уважать права всех и каждого, не пренебрегать исторически необходимыми явлениями и т. п.

Что же касается опасения, будто литература наша может не проявить себя достойным образом при обсуждении бюджета, то и это опасение неосновательно. До сих пор и наша литература, подобно остальным литературам в мире, содействовала, а не противодействовала правильному разрешению общественных вопросов, и если содействие ее не всегда оказывалось достаточным, то это не по ее вине, а по причинам всем известным. Каждая литература тем достойнее представляет собой, в значительной степени, общество, чем образованнее само общество, ибо и литература нуждается в средствах к существованию, а такие средства даются ей обществом. Притом каждая литература тем лучше и тем более служит общественным целям, чем более она имеет возможности заниматься общественными интересами и обсуждать общественные вопросы. Опубликование бюджета рас-

ширит сферу деятельности нашей литературы, увеличит количество ее положительных прав и нравственных обязанностей, а потому и внесет в нее новый и благотворный элемент, отчего и сама она выиграет в достоинстве, и обществу нашему принесет не одну, и притом более или менее значительную, пользу своим усиленным участием в разрешении общественных вопросов. Говорят, что в нашей литературе много пустячков, много фейерверков, не всегда даже и мищурно блестящих, и т. п. Правда! Но в какой литературе нет всего этого? Мало того: в какой литературе их не более, чем в нашей? А разве оттого, что и в них много пустячков и т. п., литературы английская, германская и некоторые другие подвергаются серьезным осуждениям и опасностям за разные более или менее ничтожные и безрезультатные выходки, фейерверки, каковы все литературные выходки и фейерверки? Подвергать их за это осуждению не значило ли бы то же, что считать театры явлением вредным для общества потому только, что на них вместе с гениальными операми, комедиями и драмами представля-

ются и ничтожные водевильчики и иногда крайне нелепые фарсы? К чему такая нетерпимость, и не вреднее ли она всего того, что могли бы причинить вредного человечеству все литературы, вместе взятые, если б прямым назначением их было творить только зло и противодействовать всему благому и полезному?

Как человека нравственно облагораживает и возвышает только каждое приобретение нового, законного права, так и литературу нравственно возвышает и облагораживает только каждое расширение сферы ее серьезной деятельности. Литература наша доказывает собой, своей историей это правило. Она докажет это и разбором бюджета. Она поняла значение крестьянского вопроса и если не вполне высказалась о нем, то это зависело не от нее; но зато, если некоторые стороны этого вопроса не разрешены еще окончательно и продолжают разрешаться только путем практическим, без помощи предварительного теоретического разрешения их в литературе, то это происходит частью оттого, что всестороннее разрешение подобных вопросов требует

всегда немало времени, а частью и оттого, что участие нашей литературы в этом вопросе было недостаточное, неполное, хотя она и питала к нему самое полное, самое живое сочувствие. Поймет и оценит наша литература и дело о бюджете, и нет никакого сомнения, что не одну более или менее важную услугу окажет она нашей финансовой администрации своим обсуждением финансовых вопросов и своим разъяснением общепользных мер, которые почтет нужным принять эта администрация по опубликовании бюджета.

Итак, только к устранению недоразумений и превратных голословных толкований о наших государственно-финансовых делах поведет опубликование бюджета и серьезное обсуждение его в литературе, а там, где менее недоразумений и превратных голословных толкований, там более ясности в понимании сил и средств к выходу из затруднительного положения, там более и светлых упований, и чистых надежд, а где более таких надежд и упований, там менее жалоб и стонов, там общество рассудительнее и основательнее в обсуждении своих интересов; там менее нера-

зумной ломки и более разумной, мирной и правомерной перестройки, требуемой опытом и сознанием общественной пользы; там общество способнее содействовать правительству в достижении общественных целей; там и люди лучше, если не по природе, то по взгляду на вещи и образу действий; там жизнь и разумнее, и теплее, и легче; там более честного труда, основательных сведений, искренних благословений...

* * *

Крепостное право, откупа и взяточничество — вот три смертных греха нашей общественной жизни, так долго мешавшие нравственному возрождению России и развитию ее экономического быта. Падение первых двух нанесет сильный удар и последнему; одному ему не устоять против успехов просвещения и гласности. Под взяточничеством мы разумеем все те незаконные поборы, какие взимаются общественными служителями нашего обширного отечества в свою пользу на основании их официального положения. Приблизительное определение суммы этих поборов и насколько они содействуют вздорожа-

нию тех или других предметов и противодействуют сбережениям и образованию небольших капиталов, может составить любопытную политико-экономическую задачу. 1861 г. был свидетелем уничтожения крепостного права. С 1-го января 1863 решено покончить и с откупами, которые своим губительным влиянием на здоровье и нравственность народа едва ли менее причиняли России зла, чем крепостное право. Безнравственность их последствий отражалась на народе. При откупах трезвость и умственное развитие народа были немислимы. А корчемство, драки, убийства, взяточничество, воровство, подкупы, всевозможные притеснения и мошенничества, даже в самой столице кабаки, присвоивающие себе права неприкосновенности средневековых азилиумов, и т. д., и т. д.? Чтоб избавиться от подобных последствий, лучше пожертвовать половиною откупных доходов. Не так сильно самые рьяные крепостники были до последней минуты уверены, что не посмеют коснуться их прав, как уверены некоторые откупщики, что без них еще не обойдется дело. Как те стращали, что мы останем-

ся без хлеба, так эти страшат огромным недобором откупной суммы. Но как ошиблись одни, так, вероятно, ошибутся и другие. Да если даже и случится какой недобор по этой статье государственных доходов, то беда еще невелика: трезвый скорее пьяного может не тем, так другим доставить доход государству.

При предстоящем окончании откупной карьеры считаем нелишним сказать несколько слов об откупщиках. Прежде всего поражает в этом классе людей то, что между ними, несмотря на огромные капиталы, которые они наживали, почти не существует родовых богачей. Проклятые деньги, как выражается Фредерик Бастия, превращаются в прах, если не в руках их самих, то наверно в руках детей их. Где богатство Голиковых, Бородиных, Злобиных, Кузиных и множества других откупных миллионеров, возбуждавших некогда зависть в современниках своими богатствами и роскошною жизнью? Остается только одно темное предание об этих мастадонах откупного мира. Для настоящего поколения откупных крезов и их потомков правительство де-

дает истинное благодеяние, уничтожая откупную систему. Мы уверены, что как большинство помещиков, несмотря на затруднительное положение, в каком они находятся, ни за что не желают возвратиться к прежнему крепостному праву, точно так же и откупщики сознают впоследствии свою собственную пользу от уничтожения откупов. Если они не сумеют избрать себе новой, хотя, может быть, и менее прибыльной, зато и менее рискованной и более почетной карьеры, то виноваты будут сами. При их огромных средствах промышленное положение России представляет им обширное поприще. Мануфактурная и заводская промышленность, торговое и банкирское дело только ожидают сильных деятелей, чтоб, при знании и средствах, доставить им если не случаи к быстрому обогащению, то более верный доход, честное и полезное занятие и почетное положение в свете. Тем, кому дороги дети и свое имя, следует еще при жизни своей позаботиться о приискании себе и им нового занятия. Оставить детям одно богатство, как бы оно огромно ни было, и не приучить их к какому-либо

полезному занятию, которое дало бы им возможность быть не одними только потребителями капиталов, не есть еще добросовестно исполнить долг отца и гражданина. Это то же, что обречь своих детей на верное разорение. Из наблюдений ежедневной жизни мы убеждаемся, что легче бедняку составить себе состояние, чем сыну богача, привыкшему только тратить, сохранить свои наследственные миллионы. Еврейский откупной элемент, по видимому, вполне сознает это и уже начал прокладывать себе дорогу на коммерческом поприще. Мы уверены, что он не замедлит занять видное место в нашей финансовой аристократии и на бирже, а с тем вместе и в обществе, как это мы видим за границей. Финансовый мир произвел не одну замечательную политическую личность. Казимиры Перье, Фульды, Беринги, Гладстоны замечательны не одними своими богатствами. Даже личностям, начинавшим свое поприще с нашей петербургской биржи, удавалось делать замечательную политическую карьеру. Покойный Паулет Томсон, бывший некогда на конторе здешнего дома Томсона Бонара и К°, впослед-

ствии сделался председателем торговой палаты (President of the board of trade); а когда смерть помешала талантливому аристократу, лорду Доргаму, успокоить и преобразовать Канаду, был назначен на его место генерал-губернатором, чтоб покончить это трудное дело. Коммерческая карьера, заставляя зорко следить за всеми событиями торговли и политики, сталкивая ежедневно по делам с множеством разнородных личностей, чрезвычайно как способствует к развитию способностей и приобретению практического взгляда на людей и события. Нет сомнения, что если так благополучно начатое перерождение России продолжится, то большое значение будут иметь и у нас подобные личности.

Неудачные попытки вроде бывшей сальной спекуляции не должны пугать наших откупных богачей. Сальная спекуляция имела своей целью то же, что и откупа, — монополию и, как надо было ожидать, не могла выдержать на свободном рынке Англии и лопнула, наказав участников, как слышно, миллиона на два рублей серебром. Это может послужить только полезным уроком для других;

точно так же, как промышленные попытки вроде «Сельского хозяина» остались, вероятно, не без благих последствий для их участников, доказав им, что для какого-либо промышленного успеха недостаточно знания одной только откупной грамоты. Чтоб создать торговый или банкирский дом, надо начать исподволь, приискав опытных сотрудников, и заинтересовать их в деле, в течение нескольких лет составить себе европейскую известность, как относительно ведения дел, так и денежных средств. В коммерции кредит и репутация дома зависят не столько от его богатства, как от образа его действий. Мы уверены, что если бы любой из наших известных откупных богачей явился вдруг на биржу и предложил свою трату на первого заграничного банкира, то из ста ремитентов едва нашелся бы один, который решился бы взять ее. Будучи мало знакомы с откупными личностями, мы не можем судить, найдутся ли между ними люди, которые были бы способны, подобно их еврейским собратам, к основанию чисто русских торговых или банкирских домов, и есть ли хоть один между ними, кото-

рый был так дальновиден, что позаботился дать хорошее коммерческое образование своим детям; но от души желаем, чтоб нашлись такие личности. Более почетной и прибыльной карьеры они наверно не найдут. Они могли бы также положить основание внутренним банкирским домам, на манер английских, и, сосредоточив в своих руках все платежи и получения, сократить необходимость в средствах мены. Тогда и мы сказали бы с Байроном, что у нас есть свои Jew Rothschild and his christian brother Baring.[10]

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 2-го МАЯ

Г. Некрасов, взявший темою для своей новой поэмы задачу: «Кому хорошо живется на Руси», по всей вероятности, заставит читателей долго еще ждать ее решения. Общество пока узнало от поэта, что положение русского православного священника, составлявшее для крестьян во время их крепостной зависимости предмет зависти, теперь даже для крестьян представляется весьма незavidным. Следующий случай с одним из русских ученых техников и механиков, которые, как все твердят, составляют теперь для нашего отечества предмет первой необходимости и должны бы носиться на руках, показывает, что и нашим русским технологам не особенно везет на Руси.

В редакцию доставлена засвидетельствованная законным порядком копия с приговора мирового судьи Жиздринского уезда, г. Дмоховского, по делу: «О нанесении оскорбления на словах и действием французским подданным Виктором Жозефом Фежером кандидату С.-Петербургского университета Влади-

миру Александровичу Лебедеву». Вот этот документ, который мы печатаем с буквальной точностью, в надежде, что он послужит при случае поучительным уроком для многих русских и особенно нерусских людей:

«21 марта 1869 года кандидат императорского С.-Петербургского университета, Вл. Ал. Лебедев, словесно заявил мировому судье, что этого же числа, около двух часов пополудни, французский подданный Фежер нанес ему оскорбление словами, произнося бранные, к нему, г. Лебедеву, относящиеся слова, нанес ему оскорбление действием и нанес ему побои. Все это произошло в селе Людинове, в доме г. Мальцова. Объяснив все сие, г. Лебедев просит поступить с г. Фежером по закону, ведя дело в порядке уголовного судопроизводства. Так как обвиняемый и некоторые свидетели не могут объясняться на русском языке, то на судоговорение был вызван переводчиком г. Бер. На судоговорении 25 марта (значит — в праздник Благовещения? Зачем это?) г. Лебедев, обвиняя г. Фежера в нанесении ему: 1) оскорбления словами, 2) оскорбления действием, 3) в употреблении над ним г. Фе-

жером насилия, просит поступить с ним по ст. 131, 135 и 142 устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. При сем обратил внимание на то, что все эти противозаконные действия Фежером произведены в многолюдном собрании и с обдуманном намерением и прекращены не по воле Фежера, а вследствие посторонней помощи, а посему просит принять во внимание 14 и 16 статьи улож<ения> о наказ<аниях>, налагаемых мировыми судьями. Обвиняемый, французский подданный В. Ж. Фежер, временно пребывающий в с. Людинове на службе у г. Мальцова, не признал себя виновным в тех проступках, в которых его обвиняет г. Лебедев; напротив, он считает г. Лебедева виноватым. Свидетели, на которых сослался г. Лебедев, спрошенные по этому делу под присягою, показали: Михаил Калинин Смелов, Федор Гаврилов Бурылев и Дмитрий Иванов Юрков, что в чертежной г. Фежер и г. Лебедев разговаривали между собою по-французски, на языке для свидетелей непонятном, затем г. Фежер схватил Лебедева за шею, ударил его по щеке и потащил к двери. Юрков и Смелов еще видели, как Фежер с

Лебедевым повалились у двери и Фежер сидел на лежащем Лебедеве. Эти же все трое свидетелей, а также и спрошенный под присягою Терехов, видели, как госпожа Фежер оттащила своего мужа от Лебедева; Фежер, удерживаемый, два раза порывался опять к Лебедеву и говорил что-то по-французски. Все это происшествие, по показанию Смелова и Бурyleва, г. Лебедев засвидетельствовал им и показал на шее у себя шрам; шрам был красный. Свидетель Шевалье, как католик, спрошенный с обязательством показывать, как под присягою, показал: занимался с Лебедевым в чертежной, когда пришел Фежер и заметил Лебедеву, что он занимается не тем, чем приказал ему Мальцов, на что Лебедев отвечал, что он исполняет приказание генерала. При этом произошел между ними спор, в котором Фежер требовал, чтобы Лебедев занимался чертежами по котельной, от чего Лебедев положительно отказался, говоря, что это противоречит его убеждениям. Тогда Фежер сказал ему, что он, вероятно, плохо говорит на французском языке или не знает, что говорит. Когда Лебедев ответил, что очень хо-

рошо знает, что говорит, Фежер вывел (?!) его к двери; первого движения Фежера он, Шевалье, не видал, но когда он подвел (?!) его к двери, которая была затворена, то вышло от этого столкновение (каким образом?) и оба упали (мудрено!?!); г. Фежер называл Лебедева „уличным мальчишкою“ и „повесою“; он не видал, чтобы Фежер наносил удары Лебедеву; ссора кончилась тем, что жена г. Фежера оттащила своего мужа в то время, когда Лебедев лежал под Фежером. На вопросы Лебедева Шевалье ответил, что не слышал, чтобы Фежер называл Лебедева „каналъею“ и обещал дать пощечину, потому что был сильно взволнован происшедшею ссорой. После того, как жена Фежера оттащила своего мужа, г. Фежер продолжал оскорблять Лебедева бранными словами, которые в подробности он забыл; при этом Лебедев говорил, что будет жаловаться мировому судье; он видел, что госпожа Фежер удерживала своего мужа. Что было после того, он ничего не помнит; Лебедев показывал после того шрам на шее, который мог произойти (?!) от тесного воротника рубашки; щеки же Лебедев не показывал. Г. Ги-

нион, спрошенный на том же основании, показал, что он не присутствовал в бюро во время ссоры Лебедева с Фежером, потому ничего не знает, что происходило там; он слышал недели за две до ссоры, что Лебедев говорил Фежеру: „Вы не знаете азбуки“. Г. Мейер показал, что, занимаясь через комнату от той, в которой происходила ссора, он слышал только отдельные выражения, так, например, Фежер назвал Лебедева „повесою“, потом был шум и говорили друг другу: „Вы ничего не знаете“, но, кто говорил, не знает; Лебедев чрез полтора часа, по крайней мере, показывал ему шрам, величиною в вершок, красного цвета. Терехов и Евтеев, спрошенные под присягою, показали, что они занимались в соседней комнате с тою, где произошла ссора, и первый — Терехов, войдя, увидел Лебедева лежащего на полу, и на нем сидел г. Фежер, а второй — Евтеев видал, как г-жа Фежер тащила мужа своего за руку.

В оправдание свое г. Фежер объяснил, что начальником в бюро он и что он имел право указывать г. Лебедеву, какими чертежами ему заниматься. Когда Лебедев по поводу чер-

тежей затеял с ним спор, то он приказывал ему удалиться, когда же он не послушал его, то он Лебедева взял за бока и повел (за бока?) к двери. В это время Лебедев хотел схватить его за горло, и когда он, удерживая Лебедева за руки, подвел к двери, то оба оступились (?!) и упали, и он на Лебедева повалился, тут прибежала его жена и увела (?!) с собою.

Усматривая из обстоятельств этого дела, что свидетельскими показаниями: Смелова, Бурылева и Юркова Фежер изобличается: 1) в нанесении оскорбления действием г. Лебедеву ударом его по щеке (ст. 133, 134 и 135 уст<ава> о нак<азаниях>, налаг<аемых> мир<овыми> судьями), 2) и в сжатии шеи г. Лебедева, чрез что у него образовалось ленто-видное на шее пятно, что удостоверяется свидетельством доктора Баукгазе (ст. 142); 3) свидетельскими показаниями гг. Шевалье и Мейера, г. Фежер изобличается в нанесении г. Лебедеву оскорбления словами: „уличный мальчишка“ и „повеса“ (ст. 130 и 131); 4) в деле нет (?!) данных к обвинению г. Фежера в употреблении насилия над г. Лебедевым; обращаясь затем к рассмотрению тех обстоятельств, ко-

торыми сопровождалось действия Фежера, для определения меры наказания, то из них можно вывести следующие заключения: 1) г. Фежером было нанесено оскорбление Лебедеву без заранее обдуманного намерения; 2) оскорбление нанесено Фежером в многолюдном собрании лицу, которое по своим служебным отношениям имеет право на особое уважение со стороны Фежера; 3) обида нанесена г. Лебедеву без всякого с его стороны повода; 4) побои, нанесенные г. Лебедеву, по свидетельству врача, относятся к разряду легких. По всем этим уважениям и на основании 119 ст<атьи> уст<ава> угол<овного> судопр<оизводства>, 170 ст. уложения о наказаниях (изд. 1867 г.) и 16, 135 и 142 ст. уст<ава> о нак<азаниях>, нал<агаемых> мир<овыми> суд<ьями>, в 25 день марта 1869 г. приговорил: признав французского подданного Виктора Ж. Фежера виновным в нанесении оскорбления словами, действием и в сжатии шеи кандидату университета Лебедеву, подвергнуть его аресту на один месяц и две недели. Впредь до того времени, пока приговор войдет в законную силу, потребовать от г. Фежера (на ос-

нов<ании> 1 пункт<а> 77 ст<атьи> уст<ава> угол<овного> судопр<оизводства>) поручительства в том, что он с места жительства не отлучится или что он от явки в суд уклоняться не будет. Приговор неокончательный и может быть обжалован в течение двухнедельного срока (на осн. 147 ст. уст. угол. судопр.) в апелляционном порядке. Мировой судья Дмоховский». (Приложена печать.)

Случай с г. Лебедевым поучителен во многих отношениях, и протокол мирового судьи знакомит нас, без сомнения, далеко не со всеми подробностями ссоры, и именно не знакомит с взаимными отношениями служивших на одном заводе французского и русского механиков, а между тем эти подробности в глазах русского общества и русского публициста могут иметь особенный интерес. С некоторыми из них мы впоследствии познакомим читателей, а теперь пока остановимся на том, что мы находим в протоколе, то есть на судебно-юридической стороне события.

Здесь прежде всего поражает нас разница в показаниях свидетелей: русских и иностранцев. Русские свидетели Юрков, Бурылев

и Смелов под присягою показывают, что они не знают, ругал ли Фежер Лебедева бранными словами, потому что они не знают французского языка, но видели, как Фежер схватил Лебедева за шею, как ударил его по щеке, как потащил его к двери, как он лежал на повалившемся или на поваленном Лебедеве, как жена оттащила Фежера, который и после два раза порывался схватиться с Лебедевым, и видели потом на шее Лебедева красный шрам. По показанию французского свидетеля Шевалье, который показывал без присяги и который находился в той же комнате, где была ссора, выходит, что Фежер ругал Лебедева, что он «вывел его к двери», а не «потащил», что «первого движения Фежера» (то есть сжатия шеи Лебедева и пощечины) он не видал, что от затворенной двери «вышло столкновение, и оба упали», но упали, однако же, так, что Лебедев не вставал, потому что на нем сидел Фежер, а Фежер не вставал потому, что сидел на Лебедеве, и сидел, пока жена не оттащила его, что жена и после удерживала Фежера, что красное пятно на шее, которое Лебедев показывал ему, «могло произойти от тесного

воротника рубашки» (в таком случае оно должно было быть под воротником рубашки), что другого он не слышал и не помнит, «потому что был сильно взволнован произошедшею ссорой». Показания двоих других иноземных свидетелей, которые не находились в этой комнате, еще бледнее, что и естественно. Оправдание самого Фежера представляет в своем роде образчик: он говорил, что в бюро начальником он, Фежер, и что потому... он взял Лебедева за бока и повел его к двери (интересный способ ведения за бока — тут прямое насильственное тащение, как и называли этот способ русские свидетели), что в это время Лебедев хотел схватить его за горло, и когда он, уже держа за руки, подвел его к двери, то оба они оступились и упали — Лебедев вниз, он вверх, что тут прибежала жена и увела (не оттащила, как уверяли русские свидетели и даже француз Шевалье, а увела с собою), куда увела? В другую комнату? Но и Шевалье говорит, что Фежер и после продолжал оскорблять Лебедева бранными словами и что жена удерживала своего мужа.

Мировому судье, при такой разнице свиде-

тельских показаний, оставалось следовать в своем приговоре более вероятным и естественным показаниям русских свидетелей, и он, к чести своего судейского звания, это сделал смело и решительно. Он, как мы видели, признал за доказанные факты и пощечину, и сжатие шеи Лебедеву, и побои, словом, признал нанесение обиды действием — «притом в многолюдном собрании и лицу, имеющему право на особое уважение» (ст. 135), — преступление, за которое виновные подвергаются аресту не свыше трех месяцев, но он уменьшил арест наполовину. Он не признал в преступлении заранее обдуманного намерения, хотя Лебедев в своем апелляционном отзыве в Жиздринский мировой съезд, напротив, доказывает, что все действия Фежера произведены с заранее обдуманным намерением («Деятельность» № 68). Он затем не нашел в деле данных к обвинению Фежера в употреблении насилия над Лебедевым, хотя сам же обосновывает свой приговор на 142 статье, в которой определяется наказание за самоуправство и за употребление насилия. Может быть, обдуманного заранее намерения

совершить преступление в том виде, в каком оно совершено, у Фежера и не было: но неужели сжатие шеи, пощечина, «выведение за бока к двери» и потом сидение на поваленном или повалившемся Лебедеве не «насилие»? Что тогда разуметь под именем «насилия»?

Правда, кассационный департамент сената (решение 1867 г. № 469) отличает некоторые обиды действием от насилия, когда говорит: «Хотя обида действием совершается „большую частью“ посредством насилия, но очевидно, что, когда таким действием выражается преимущественно не намерение оскорбить или оказать презрение к личности, а самоуправное мщение посредством какого-либо телесного повреждения, не имеющего, впрочем, свойства тяжких побоев, ран или увечья, то и наказание должно быть определено по главному характеру действия». Но это толкование закона едва ли может быть приложено к преступлению Фежера. Его пощечина, сжатие им шеи Лебедева, его сидение на нем предшествовались и сопровождались ругательными словами: «уличный мальчишка»,

«повеса», в которых он весьма недвусмысленно выразил свое французско-начальническое презрение к личности обиженного русского техника, — презрение, которым преисполнена была его горделивая заморская душа, возмущившаяся оказанным ей в присутствии других русских работников неповиновением его quasi[11] — подчиненного русского, обстоятельство, на которое указывал и сам подсудимый в своем нелепом оправдании.

Но, помимо этого упущения, мы не можем не выразить своего искреннего удовольствия решением мирового судьи Дмоховского и вообще благодарности Верховному Законодателю, давшему нашим техникам и мастерам, которые на наших фабриках и заводах представляют большую часть только страдабельные силы и держатся в черном теле, средства в новых судах отыскивать кровные свои обиды на таких «цивилизованных» заезжих самоуправцах, как Фежер. Бог знает, скоро ли и чем бы кончился подобный иск на строптивного иноземца при прежнем порядке нашего судопроизводства? Но здесь мы уже подходим к новой интересной стороне печального казу-

са с русским технологом Лебедевым, — к стороне неюридической, именно к зависимому положению наших рабочих сил, хотя бы и образованных и ученых, и наших лучших фабрик и заводов от иностранцев. Рассматриваемый предмет является нам в новом, еще более интересном, экономическом свете, и рассмотрение оно при этом освещении мы отложим до следующей статьи, которая покажет, что даже образованным нашим техникам, не говорим уже о простых чернорабочих, на Руси живется зачастую не особенно хорошо.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 8-го МАЯ

В Калужской и смежных с нею губерниях есть богатейшее имение С. И. Мальцова — верст на 100 в длину и верст на 50 в ширину — в целом составе своем представляющее в некотором роде русский Манчестер: здесь разных заводов и фабрик, принадлежащих владельцу, до 20; здесь проложены шоссейные дороги, по реке ходят принадлежащие ему пароходы, есть свои больницы, аптеки, школы, есть в обращении даже свои, отдельные от государственных, бумажные деньги; здесь добывается чугунная руда, которая обрабатывается здесь же в железо и сталь. Работают на заводах главным образом бывшие крестьяне владельца, который сам за всем наблюдает и во все входит. Имение это представляет из себя некоторым образом одну огромную практическую школу, в которой русские люди, работая, учатся разного рода ремеслам. И по внешнему виду, и по идее, которую преследует нынешний владелец, — поднять и развить в своем мнении русскую промышленность, имение С. И. Мальцова представляет отрад-

ное зрелище в настоящем и еще больше обещает в будущем, потому что хозяин не щадит ни личных трудов, ни денежных жертв на осуществление патриотической цели. На одном из заводов С. И. Мальцова — Людиновском, железопрокатном и механическом, служили вместе известные уже читателю француз Фежер и русский технолог Лебедев; здесь же первый нанес последнему оскорбление словами и действием, о котором мы говорили в одном из предыдущих номеров газеты (№ 117); здесь же работали и работаются те сто паровозов и две тысячи вагонов, заказ на которые С. И. Мальцов год назад получил от правительства.

Одна петербургская газета сообщает следующие сведения о Лебедеве и о Фежере:

«В. А. Лебедев кончил курс в С.-Петербургском университете — по математическому факультету; затем поступил в технологический институт по механическому отделению. По окончании курса наук в институте работал около года на паровозном заводе Уайнса. В 1866 году был послан от министерства путей сообщения за границу на заводы: Борсига

в Пруссии и Зигля в Австрии, для изучения постройки паровозов и для наблюдения за постройкою заказанных на тех заводах 93 паровозов для Московско-Курской железной дороги. По возвращении в Петербург состоял членом комиссии по приемке упомянутых паровозов до ноября 1867 г. В это время г. Лебедев заявил себя публике интересным сообщением в Русском техническом обществе о постройке паровозов в России, содержание коего было напечатано с самыми лестными отзывами во многих русских газетах и журналах. Известно также издание г. Лебедева о паровых машинах с практическим атласом. С ноября 1867 по февраль 1868 г. г. Лебедев состоял на службе при Московско-Курской железной дороге в должности приемщика подвижного состава; а с того времени по 1 января 1869 г. был инженером при тульских паровозных мастерских и, по поручению управления этой дороги, переделал все шесть типов паровозов на отопление разными сортами тульского каменного угля и впервые доказал годность этого топлива для эксплуатации железных дорог».

О Фежере та же газета сообщает следующее:

«После неудачного приглашения немецких техников для исполнения казенного заказа на 100 паровозов и 2000 вагонов, С. И. Мальцов законтрактовал около десяти техников французских, во главе коих был г. Фежер; сверх того, пригласил г. Лебедева содействовать им по постройке паровозов и вагонов. Общее же руководство оставлял за собою заводо-владелец С. И. Мальцов. Лебедев сначала числился помощником Фежера, а потом г. Мальцов признал более удобным поручить постройку паровозов непосредственно г. Лебедеву, а г. Фежер при личном наблюдении самого заводовладельца оставался лишь директором завода, на котором, сверх паровиков, изготавливаются еще многие разнородные машинные предметы. Когда таким образом явилось сомнение, что г. Фежер никогда не строил паровозов, то по собранной справке из завода города Крезе, где прежде служил Фежер, оказалось, что он строителем паровозов никогда не был, а, вышедши из простых рабочих, сначала служил при французской север-

ной дороге мастером, потом был переведен в Крезе старшим мастером; оттуда удалился на постройку паровозного завода в начинавшемся, но не состоявшемся обществе „Сотт“. Отсюда получил место в Испании при ремонте подвижного состава на одной из маленьких дорог; но и оттуда скоро удалился. Отыскивая французских техников, С. И. Мальцов застал Фежера в Париже комиссионером анонимного общества „Океан“ и заключил с ним контракт как со строителем паровозов, на десятилетний срок, за весьма солидное жалование и с обещанием заплатить большую неустойку в случае отказа г. Фежеру. И в этом отношении замечательна разница в русском специалисте, г. Лебедеве, приготовившем себя теоретически и практически к делу постройки паровозов. С согласия своего начальства, к которому заводовладелец обратился с просьбою отпустить г. Лебедева, он поступил на завод, не заручив себя никаким контрактом и даже не уговорившись вперед о жалованье, одним словом, поступил к любимому делу с полным доверием к своему честному труду и искусству, с доверием и к заводовла-

дельцу, твердо убежденный, что труд, искусство и усердие будут достойно оценены. И действительно, как видно по всему, С. И. Мальцов дорожил Лебедевым. Заметив в г. Фежере желание устранить его от должности как опасного соперника, Лебедев просил заводовладельца отпустить его на прежнюю службу; но С. И. Мальцов уговорил его остаться и даже после несчастного случая, вызвавшего участие суда, была затруднена возможность Лебедеву выехать из имения, с предложением помирить его с Фежером и остаться при деле».

Мы не знаем, точны ли вполне цифры, сообщенные нам тем же Лебедевым, но из них оказывается, что г. Фежер получал жалования 6000 рублей в год, а Лебедев 200 руб. в месяц и что неустойка, в случае отказа Фежеру, определена была в контракте в 10 000 р. Конечно, на этой разнице жалования обоим не следовало бы останавливаться, если бы эта разница в плате заграничному механику и русскому механику составляла одиночный факт в нашей торговой, заводской и промышленной практике, если бы мы не знали, что нередко

целые компании, имеющие дело главным образом с русским народом, не следовали правилу — отдавать особенно выгодные места лицам, хорошо говорящим по-французски или по-немецки и плохо или нисколько не говорящим по-русски, хотя этим лицам приходилось бы иметь непосредственные и постоянные сношения с русскими людьми, не знающими иностранных языков. Удивительно, что у нас плохое знание русского языка иностранцем считается и доселе как бы преимуществом его, дающим ему право на высший оклад сравнительно с русским, и наоборот, нисколько не удивительно, что даже родившиеся у нас иностранцы не стараются вполне усвоить себе русский язык, — напротив, иногда намеренно стараются коверкать его, чтобы похвастаться пред нами своим иноземным происхождением. Много ли бы нашел в Англии особенных удобств для жизни и для торговой или промышленной деятельности иноземец, не постаравшийся усвоить английского языка? У нас эти удобства, по-видимому, прямо пропорциональны большему или меньшему незнанию русского языка. У нас

русский, знающий порядочно французский язык, меньше ценился еще в недавнее время, чем француз, ни слова не знающий по-русски. Но, впрочем, старых историй мы поднимать не будем: ясно одно, что, кто сам себя не уважает, тот должен быть приготовлен сносить со стороны других самые нелепые притязания и покорно выслушивать и принимать самые высокомерные требования.

Нас иностранцы справедливо называют космополитами, то есть людьми, которые способны уважать ум, знание, энергию в каждом иностранце, среди которых даровитый и предприимчивый иноземец найдет равные с русским даровитым и предприимчивым человеком удобства к своему возвышению и благоденствию. Англичане с своею национальною исключительностию видят в этом нашем свойстве даже опасное для Европы знамение. Не так давно одна английская газета на нашем космополитизме обосновала даже свои зловещие предсказания касательно будущей судьбы английских владений в Индии. И мы с своей стороны охотно признаем за русским народом такой же космополи-

тизм; он действительно наше отличительное, характеристическое свойство, по которому мы уравниванием с собою в правах покоренного вчера ташкентца или горца, — свойство, неведомое цивилизованному западу; мы должны, мы имеем право гордиться им. Но вот в чем вопрос; только ли мы уравниваем с собою других, не возвышаем ли мы, напротив, других над собою, решительно нередко без всяких законных прав на такое возвышение с их стороны и без всяких основных побуждений к унижению себя самих, а так себе по преданию, по привычке, с непостижимым и необъяснимым самопожертвованием? Мы блюдем нашим провинциям привилегии, которых не имеют наши кровные русские губернии, мы сравнивали Кавказ с остальною Россиею, и каждый год на содержание Кавказа недостает получаемых с него доходов; мы вводим мужественно благодетельные реформы в коренной России и отступаем с ними перед старинным и устарелым правом остзейцев и т. д. В нашей столице существует даже особая ремесленная управа для иностранцев. Ввиду всех таких и подобных фактов мы ни-

сколько не удивляемся тому почету, каким еще недавно незаслуженно пользовались у нас французские инженеры в наших обществах железных дорог, пока не раскрылись воочию и не без огромных потерь для дела недостатки и малообразованность их сравнительно с нашими русскими инженерами. Мы нисколько не удивляемся тому, что Фежер получал большее чем вдвое содержание на заводе С. И. Мальцова сравнительно с Лебедевым, хотя, если верны сведения о том и другом, сообщаемые одною газетою, первый не получил никакого серьезного теоретического образования по механике, а был только мастером-практиком вроде наших русских дельных мастеров, которым никто, конечно, из наших заводчиков не доверил бы управления заводом и не обеспечил бы таким приличным содержанием и такою почтенною неустойкою, какими обеспечил себя у нас г. Фежер. Конечно, каждый хозяин завода имеет полное право оценивать умение служащих у него механиков и оплачивать их усердие по своему личному усмотрению, и в этом случае мы решительно далеки от мысли укорять хо-

зьяина Людиновского завода: мы только указываем на несостоятельность господствующего у нас принципа предпочтения иноземцев русским техникам, по которому, конечно, не без вреда для дела, простой французский мастер у нас на Руси может легко сделаться заправителем всех работ на заводе и повелевать далеко более его образованными и ученными русскими людьми. Было время, когда парижский или лионский парикмахер считался у нас вместилищем всевозможной педагогической мудрости, и мы доверчиво поручали ему за значительное вознаграждение воспитание своих детей; когда богатейшие наши фамилии сманивали наперерыв друг от друга француженку-гувернантку, которая на своей родине не пошла бы далее ранга швей и кончила бы жизнь, не испытав и сотой доли того комфорта, каким награждала подобные личности смиренномудрая Россия: это время прошло или проходит. Но до сей поры есть еще сферы, в которых подобные же проявления рабства с одной стороны и высокомерной и бесцеремонной притязательности с другой вполне возможны и в настоящее вре-

мя. Мы, русские, начавшие свою историю с призыва варягов для водворения господственного порядка на нашей земле, до сей поры все еще кличем этих же варягов для водворения порядка в разных сферах нашей деятельности. Точно мы без господ не можем обойтись...

Монтескье справедливо заметил, что не правители сковали для народов цепи рабства, а сами народы ковали и куют эти цепи, что рабский дух народа не способен удержать и завоевать для себя свободных учреждений. Весьма интересно и поучительно было бы с этой точки зрения проследить историю русского народа: мы увидели бы в ней много грустных и много отрадных явлений; мы увидели бы в эпохи самого страшного рабства нашего восходы свободы и в эпохи торжества свободы новые посеы рабства у нас. До сей поры мы прочно установили у себя только независимость и свободу государства; для завоевания и установления этой государственной независимости мы жертвовали многим — и свободою русского духа, и независимостию и самобытностию русской жизни, —

и охотно давали и даем все возможные преимущества всякому, от кого, справедливо или несправедливо, ожидаем услуг развитию государственной силы. Так мы поступали и поступаем с отдельными лицами, переселяющимся к нам, и с провинциями, присоединяющимися или присоединяемыми к государству. Если подобная чисто казенная политика самопожертвования не истощила еще вконец общественной и народной свободы, то это свидетельствует не столько о безвредности подобного направления, сколько о неистощимости русской природы — духовной и физической. Но продолжать идти по этому направлению едва ли разумно, по крайней мере, с прежнею смелостию и неразборчивостию. Возвращаемся снова к истории Фежера и Лебедева.

Мы не беремся точным образом определить степень способности бывшего французского мастера быть директором большого механического русского завода и его нравственного права быть руководителем образованного русского технолога, засвидетельствовавшего свою способность и свои познания и печат-

но, и на практике, и даже способности его руководить работами простых русских мастеров. Но думаем, что Лебедеву, как и всякому другому с его знаниями, тяжело было на первых порах находиться в юридической и фактической зависимости от полученного Фежера, и, может быть, он не без тайной зависти смотрел на дешево доставшуюся французу привилегию директорства. Еще менее благосклонно мог смотреть на появление образованного русского техника, который на каждом шагу мог спутать импровизированного директора-француза, сам Фежер. Весьма, вероятно, что стычки между знанием одного и полужнанием другого бывали и прежде их окончательной ссоры и поставили их обоих, ко вреду для дела, в неприятное положение, так что знание должно было заблаговременно просить себе увольнения, а потом бежать с завода, предоставляя полный простор действовать полужнанию.

Участь наших технологов, в особенности до преобразования технологического института, была весьма незавидна. Все места, более или менее выгодные, на заводах и фабриках

занимались иностранцами; им приходилось поступать и выходить с заводов простыми мастерами; вследствие этого они поступали часто писарями в кварталы, определялись в присутственные места, более счастливые бывали управляющими имениями; специальное образование их почти не находило себе у нас на Руси приложения, а для них недоставало обеспечения. На уральских заводах и теперь есть технологи, получающие 15 руб. месячного содержания. Для Николаевской железной дороги специально было приготовлено и предназначено 30 технологов, они поступили и на службу; но когда ремонт подвижного состава дороги был отдан Уайнсу, всех этих 30 человек затерли приезжие техники, и они разбежались. У нас как будто боялись, чтобы русский технолог не зазнался от поощрений, и упорно не давали ему ходу.

Лишь в последние годы железнодорожная горячка с одной стороны, а с другой весьма не блестящая деятельность у нас французских инженеров вызвали на сцену русские технические и механические силы, и силы эти оказались надежными и хорошо приученными

к делу. Мы в доказательство поименуем нескольких воспитанников нашего технологического института: Зевига, бывшего главным механиком на колпинском заводе, Лабзина, профессора технологического института, бывшего наставником покойного наследника цесаревича, Цыганова, знаменитого пароходостроителя на заводе Шипова, Назарова, пароходостроителя на нижегородском заводе Бенардаки, Троицкого, управляющего главной конторою г. Полякова, Лешедко, инженера тульских паровозных мастерских, Мусатова, техника при императорском фарфоровом заводе, Киреева, главного механика на Обуховском заводе, Степанова, устраивающего рельсовый завод в Ростове-на-Дону, Агеева, технолога на заводе Путилова, Битта, директора самого большого в России вагонного завода Вильямса и Корчагина, Текстрема — на Елецко-Грязской дороге, Матисена, агента Курско-Харьковской железной дороги на заводе в Крезе, Булатова, начальника мастерских в Рославле для Орловско-Витебской железной дороги, Иванова, Гаусмана и Мергера, служащих начальниками подвижного состава.

ва и мастерских на Московско-Курской железной дороге. Мы перечислили далеко не все имена наших технологов, выбравшихся в люди; мы знаем, что главные должности по подвижному составу у г. Полякова и особенно на Московско-Курской железной дороге занимают технологи и инженер-технологи, что сахарные заводы графов Бобринских управляются и в Тульской, и в Киевской губ<ерниях> технологами.

Мы думаем, что не столько добрая воля, сколько обстоятельства заставили нас вспомнить наших образованных техников и механиков, что замена зарубежных техников, зачастую только смелых авантюристов, рассчитывающих прежде всего на наше слепое доверие, а не на свои знания, русскими может быть совершена решительно безвредно, напротив, с пользой для дела и для эмансипации русской промышленности от иностранного гнета. Боккль справедливо доказывал, что все известные в истории роды рабства проистекали из экономических условий народов, из слишком низкой заработной платы. Если мы станем по-прежнему отдавать все

выгодные места на наших фабриках и заводах иностранцам, а все черные и малооплачиваемые работы русским, если мы и впредь станем держаться системы принижения русских, хотя бы и образованных, сил и возвышения иноземных, мы тогда будем стремиться не к освобождению русской промышленности, а еще большему закреплению той почти крепостной зависимости ее, в какой она до сих пор находилась от иностранцев. И освобождение, по нашему мнению, прежде всего должно начаться с сил образованных, и оно пойдет тем быстрее, чем больше в нашем обществе будет являться личностей промышленно образованных, с научными реальными знаниями. Смотри с этой точки зрения на господствующую у нас теперь систему образования русского юношества, мы должны с грустью сказать, что наши классические гимназии весьма хорошо приспособлены к тому, чтобы поддерживать нашу промышленную и экономическую зависимость от иноземцев. Фукидид и Цицерон, конечно, не научат наших юношей, как починить локомотив, как управлять пароходом, даже не могут служить

никаким приготовлением к приобретению подобного рода знаний, которые одни в силах доставить нашей отечественной промышленности самостоятельность и независимость и уничтожить наше экономическое рабство.

Русский народ давно уже освободил себя от политического рабства; крестьянская реформа уничтожила в нем гражданское рабство; земские учреждения и новые суды поведут за собою общественную свободу. Но дело свободы отечественной и благосостояния народного не будет прочно, пока экономические наши условия не изменятся в направлении к большей свободе и самостоятельности. До тех пор останутся справедливыми откровенные до цинизма слова князя Воехотского в ответ барону фон дер Гребену,[12] увидавшему в первый раз русский народ согнанным на медвежью охоту и глубокомысленно заметившему, что «этому народу пути к развитию заградил сам Бог» и что «развитие его беды умножит и только даром страсти распалит». Барон отвечал на это: «so, so».[13] Но неужели «так» (so) впредь и будет?

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 22-го МАЯ

На днях[14] по поводу оскорбления, нанесенного иностранцем Фежером русскому технику Лебедеву, мы говорили о господствующем у нас, позорном для нашего национального чувства, начале, по которому мы, русские, предпочитаем иноземных мастеров своим кровным русским техникам и тем сами на себя кладем унижительное ярмо экономического рабства, сами систематически неуклонно принижаем своих, хотя бы и образованных, соотечественников и возвышаем, чуть не носим на руках, разноплеменных иноземцев, из которых многие оказываются не более как смелыми искателями приключений и тепленьких мест, бесцеремонно рассчитывающими прежде всего на наше обычное, слепое и ленивое доверие, а не на свои знания, а потом на одурманение нас своею заморскою речью и своим безусловным незнанием русского языка, потому что они давно, вместе с презрением к нам, поняли, что это незнание

представляется нашей холопской, не отвыкшей еще от рабства проявлений, натуре — высшею добродетелью в иностранце. Такое постыдное, горькое для сознания истинно-русского человека, самоунижение наше издавна повело нас и к умственному, а с ним в связи и к нравственному рабству пред иностранцами, которого мы и коснемся теперь.

В чьих руках находится у нас, — в высшем классе вполне, а в среднем большею частью, — первоначальное образование и постоянное воспитание детей? В руках обоего пола французов, швейцарцев, англичан, немцев, шведов,[15] только не русских. Не успел ребенок родиться русским, как его ждут объятия бонны (русских нянек так не величают; спасибо хоть за это!); первые звуки, долетающие до его уха, — звуки, увы, не родные, а заморские.[16] Не успел далее ребенок научиться связно и ясно говорить, как попадает под благодетельную опеку какой-нибудь *miss*, *madame* или *demoiselle*. Для девочки эта чужестранная опека продолжается до ее замужества, а мальчик имеет перед сестрою важную привилегию, именно лет десяти, когда его во-

инственные наклонности решительно протестуют против женского владычества, он, полуфранцузом, полуангличанином, сдается своею гувернанткою на руки ее же часто соотечественника *gouverneur'a*, который тщателью старается очистить душу и внешность мальчика от малейших русских плевел, если они ненароком поросли в душе его среди пустоколосой французской пшеницы, и вот из такого мальчика, — если только ему, к несчастью, не удастся попасть в какое-либо высшее учебное отечественное заведение и там хоть немного набратъся русского духа, — вырабатывается настоящий француз-юноша, к гордости и тщеславию как непосредственного виновника этой странной, почти полной натурализации (который за это поистине заслуживал бы ордена Почетного Легиона), так и родителей этого несчастного юноши. Затем влияние блестящих иноземщиною салонов, праздное шатанье и жизнь за границею[17] окончательно вырабатывают тип национального подкидыша, — да, подкидыша: потому что англичанин, например, горд тем, что он — гражданин своей великой свободной

Britania; француз гордится своею принадлежностью к «grande nation»;^[18] он на все лады восхваляет по белому свету свою «belle France»;^[19] последний бюргер Остзейского края, и тот кичливо сознает свое германское происхождение... Один только русский, исковерканный таким воспитанием, не имеет своей родины; он ненавидит навязываемое ему и изобильно питающее его отечество, и даже, — бывали чудовищные случаи, — отрекается от него!.. Когда же ему покровительственным тоном хвастливый гасконец говорит: «mais, fichtre, vous êtes un vrai français»,^[20] он, отступник этот, гаденько и сладенько улыбается, принимая эту гасконаду как лавровый венок за все свои потогонные старания офранцузиться, венок, который дается и принимается как особая, беспримерная честь! Жалкий тон! Жалкий юноша и человек! Жалкие, преступные родители!..

Но мы этим указали, — и, конечно, не первые, — только на одну вредную сторону такого quasi^[21] — воспитания, именно, на национальное обезличение, то есть проще на национальное убийство нашего молодого поколе-

ния высших и отчасти средних классов. Рассмотрим и некоторые другие стороны этой стоглавой гидры, громко величающейся «порядочным воспитанием».

Кто эти воспитатели и воспитательницы наших будущих граждан, из которых одни могут быть впоследствии призваны к направлению русской внутренней политики, другие — внешней, третьи — к организации русского образования и воспитания и прочие — к другим не менее важным отраслям государственного управления? Какие педагогические требования ставят русские отцы и матери всем этим чужестранцам? Требуют ли они от них разумности, то есть той степени нравственной свободы, на которой педагог содействует саморазвитию своего питомца не по привычке или преданию, не произвольно, не по внезапным порывам своей чувственности, но по внушению строго развитого, зрелого рассудка, опирающегося на знание свойств человеческой природы вообще? Нет. Стараются ли узнать призвание этих акклиматизаторов иностранного духа в России — к делу воспитания, заметить в них природную педаго-

гическую струнку? Едва ли. Достаточно ведь и одной рекомендации такого-то важного лица! Или, быть может, требуют обширного и твердого знания, строящейся на антропологии педагогики, взамен отживающей свой век искусственной педагогики, бесплодно изрекавшей легионы нравственных сентенций, насильно насаждавшей в детской душе своеобразную добродетель? Ничего не бывало. Ни естественной, ни искусственной педагогики мы, русские отцы, матери и опекуны, не спрашиваем, да и не умеем спросить, потому что для нас самих здравая педагогика — terra incognita,[22] педагогика не входит в курс нашего мишурного ласкового домашнего образования и воспитания, как будто оно рассчитано на безбрачных, как будто программа его принадлежит какому-нибудь монастырю!.. Другое дело — требовать чистого, шикар­ного парижского или лондонского произношения, приличных манер и при этом кстати уже немножко и «les sciences»,[23] о, здесь мы — судьи компетентные!? Что же удивительного после этого, если гувернер швейцарец (впрочем, не из ценных), который не слышал, ко-

нечно, и имени Песталоцци, вздумал однажды в деревне (передаем было 1864 года), ловить с детьми радугу, скрывавшуюся, по его мнению, непосредственно за садом! Что за беда, если гувернер даст глупое приказание или сделает нелепый какой-нибудь и тягостный для детей запрет, и потом, при понятном, неизбежном слушании ему, заставит ребенка в наказание учить урок и тем понемногу возбудит в нем отвращение к учению, или запрет дитя в темную комнату и тем подвергнет его всем ужасам одиночества и животного страха перед темнотою, или, наконец, по блажному совету Куртмана[24] в горячности стукнет ребенка! Можно ли далее негодовать на религиозное отступничество некоторых знатных православных (*nomina sunt odiosa* [25]), когда воспитателями их были католики и протестанты обоего пола! Неужели можно пожимать плечами и ссылаться только на гнев Божий, когда такие воспитатели крайним своим невежеством в самых простых физиологических законах и процессах постоянно портят организм своих питомцев и тем обрекают на болезнь и преждевременную

смерть не только их, но и их потомков? Разве, наконец, нравственность ребенка может уцелеть, когда охранитель и развиватель ее усвоил на память наиболее циничные места из «Pucelle»[26] Вольтера, зачитал до лоскутьев омерзительнейшие, прогнившие насквозь развратом, книжонки вроде «L'Histoire d'une fille perdue»[27] и поглотил более новые и не менее грязные произведения французской эротической стряпни? Что же, в конце концов, странного в том, что подобные иноземные воспитатели и воспитательницы, не нашедшие себе, по своей негодности, никакого дела в своей стране, делаются у нас хорошо оплачиваемыми коверкателями детского невинного ума и нравственности?!

Все это не ново, и мы отнюдь не имеем смешного расчета открывать нашими словами Америку в XIX столетии. Нет. Почему же у нас «дома новы, а предрассудки стары»? Что заставляет нас так ревностно, с таким самопожертвованием, гоняться за разговорным изучением иностранных языков, а вследствие этого бросаться в объятия разноплеменных выходцев, как не «старый предрассудок»,

ревниво поддерживаемый нами, благодаря единственно лишь отсутствию у нас всякого политического такта? Мы недаром подчеркнули слово «разговорным», потому что после мы скажем о печальной необходимости для нас после толкового усвоения отечественного языка изучать важнейшие иностранные языки литературно, пока наш язык и литература не достигнут того всемирного, общечеловеческого значения, какого достигли языки немецкий, английский и французский, пока мы в нашей литературе будем повторять только зады европейской литературы, одним словом, пока, по справедливому замечанию г. Пыпина, русская литература не поднимется до той высоты, на которой она могла бы свободно и без опасения отдаваться изучению «высшей образованности». Но чем оправдывается необходимость изучать иностранные языки разговорно?

Говорят, это принято, это — мода, этого требует хороший тон (комм-иль-фотность); иначе мы и наши дети не можем участвовать в «порядочном» разговоре и не можем засахаривать иностранным гладким выражением

неприличное русское слово, а наши дети не могут иметь успеха в жизни. Стало быть, мода является, в отношении к языкам, как и ко всему другому, особым «законодательным собранием», которого непременно членами, по верному счету Спенсера, считаются гг. моды и праздные люди, модистки и портные, франты и пустые женщины, и которого проекты, без всякой санкции кроме разве санкции бессмыслия, раболепно исполняются людьми, снисшедшими на степень обезьян, под страхом косых взглядов, наглого лорнирования и усмешек, наконец, грозного отлучения от «порядочного» общества, вообще под страхом неписанных, но тем не менее драконовых законов. Против моды, как доказательства чего бы то ни было, говорить бесполезно, потому что это доказательство основывается не на логике, а на диких причудах, на извратившейся фантазии, на той слепой подражательности, где человек приобретает табунные свойства. Что касается до других рядом с модою поставленных доказательств, то они только подтверждают вышесказанное нами о национальном обезличении, о пустоцветном

образовании и т. д., ибо здоровое национальное чувство не допустило бы паясничества на чужеродном языке, а здравые понятия об образовании и воспитании не допустили бы, в ущерб существенным предметам образования и воспитания, принимать за «хороший» тон, за «порядочный» разговор — изучение болтовни и самую болтовню на иностранных языках, убивающие драгоценное время русского детства и юношества. Засахаривание же ничему не помогает; ибо, если мысль сама по себе неприлична, ее не прикроешь блестящим словом, — слова даны для выражения мысли; с другой стороны, понятия неприличные из простого такта лучше не употреблять, чем переводить их на другой язык; наконец, всегда можно, на каком угодно языке, выразить свою мысль прилично. Для этого есть весьма простое средство — хорошо и основательно знать свой родной язык, чего у нас именно и нет, так как родному языку отводится самый задний и темный угол в голове ребенка и вообще в образовании.

Доказывают далее, что знать разговорно чужие языки нужно для заграничных путе-

шествий. Да нужно ли? Много писали и говорили против нашего обивания порогов в заграничных передних, постоянно обращались ко всем пяти внешним и бесчисленным внутренним чувствам наших вечно странствующих космополитов; но в том-то и беда, что внутренних чувств этих, как-то: национальной гордости, уважения к финансовым средствам страны и т. п., по тщательной справке, не оказалось. Даже пример — это излюбленное нашему попугайскому сердцу средство убеждения, — и тот ни на волос не убеждает. Кажется, ведь ясно, что если кровный английский аристократ — лорд — преблагополучно и, главное (чего у нас нет), преплезно путешествует по целой Европе, не унижаясь заранее до рабского усвоения парижского и других произношений, а только справляясь со своим «гидом» и безжалостно, не краснея даже, коверкая не свойственные его родному языку слова и звуки, если он всюду находит себе английский отель, английские газеты и по-английски говорящую прислугу, если он, при всем этом, пользуется таким уважением, какое нам, русским, и не снилось, то ясно, по-

вторую, что мы должны подражать англичанам, тем более, что берем же их, хотя и не всегда удачно, за образец себе относительно пробора на затылке, бездушной чопорности, кургузых пиджаков, бревенных подошв на сапогах и т. д. Нет, мы и здесь непоследовательны и подражаем этому образцу не до конца, то есть не говорим на одном своем родном языке и не относимся так легко к иностранным, как англичане... Всякий, затем, доподлинно знает, что из 10-ти долбящих, до кровавого пота, разнообразные «discours и conversations»[28] 9-ть никогда не поедут за границу, посланниками не будут, при дворе — также, встречать какого-нибудь хвастунишку-болтуна Дюма в своих родовых или благоприобретенных «Алешках» или в богоспасаемом граде Туруханске им не придется, и — о, всесветная рутина! все-таки склоняют, спрягают, заучивают вокабулы, подвергают самой тонкой культуре свое носовое отверстие, свои губы, свою гортань. Что же теперь сказать о нашем, так называемом нижегородско-французском языке? Русские барышни создали свой особый язык, «прелестный» язык,

без правописания, без грамматики, язык, выражаться на котором не захотел бы последний британский крестьянин, но который в провинциальных салонах, на гуляньях, в магазинах, церквях выдается и принимается за доказательство «утонченного благовоспитания и высшей цивилизации». Плачевная и смешная черта! Стыд, срам, унижение для образованной русской женщины заменять чистый и богатый язык родины коверканым или вообще французским, которого она никогда не будет ни знать, ни чувствовать так, как можно было бы знать и чувствовать свой отечественный язык! Пресмешно видеть, как сойдутся двое русских и начинают взаимно ломаться на чужеречии. Для чего? «Образованности» ради!? Можно держать пари, что в этой странной потехе они наполовину не понимают ни себя, ни друг друга, потому что, когда они перебрасываются словами, задолбленными вне житейской действительности, не прилагающимися к коренному русскому их быту и которых настоящего значения, силы они, следовательно, прочувствовать не могут, — внушения их всегда не соответству-

ют вполне их мыслям. Они механически повторяют друг другу условленные фразы, а не говорят сознательно, как должны говорить существа разумные. Но иногда делают, впрочем, более, по-видимому, дельные ссылки на историческую законность употребления, например, французского языка. Это, — а равно вопрос о целесообразности обыкновенного у нас обучения детей нескольким языкам сразу, — будет предметом следующей нашей статьи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 13-го МАЯ

Одиннадцатого мая, в воскресенье, на Александринском театре снова была дана мольеровская «Школа мужей» и прошла снова при единодушнейшем внимании и восторге публики. Спорщикам, настаивающим на том, что классический репертуар устарел и не годится для нашего времени, успехом мольеровских пьес, поставленных на нашем театре в приезд г. Шумского, дается новый повод к заключениям, которыми они могут поддерживать свои аргументации, но для всей публики отныне очевидно, что Мольер еще очень может занимать ее, если... его будет кому исполнять на нашей сцене. Из наших петербургских артистов, разыгрывавших «Школу мужей» вместе с г. Шумским, опять отличалась бесподобною и тонкою игрою г-жа Лева, все более и более овладевающая самыми живыми симпатиями публики наперекор всем судьям, с тупою упорностью не благоволящим этой многодаровитой артистке за рам-

пою. После игры г-жи Лелевой, удостоивавшейся особых вызовов и громких аплодисментов, следует также упомянуть о г-же Стрельской, которая из маленькой роли служанки Лизеты сделала презаметную рольку и на четырех или пяти всего речах заставляла не раз себе аплодировать. У г-жи Стрельской положительно большое умение играть роль субреток, и, вероятно, она могла бы хорошо играть и другие роли с лукавинкою. Мы говорили «вероятно», конечно, по предположениям, но ведь по одним предположениям же говорилось, что и у г-жи Лелевой есть дарования не водевильные лишь, как это издавна утверждалось за эту артистку во вред развитию ее способностей и таланта, завоевывающих себе все более и более видное место. Пожелаем и г-же Стрельской... терпения и терпения, без которого ничего не возьмешь у нас, при наших театральных порядках. Замеченною и почтенною общественным вниманием легче уж даже сидеть у моря и ждать погоды, а впроголодь русским дарованиям и талантам жить, верно, на роду написано... Слухи носят, что театральная диета, на ко-

торой держит Александринский театр г-жу Лелеву, столько одолела эту почтенную артистку, что и она, будучи окончательно не в силах более существовать на семьсот рублей производимого ей годового жалования, колеблется между любовью к здешней сцене и предложением ей жалования в несколько тысяч от одного провинциального антрепренера. Можно, конечно, пожалеть, если почтенная артистка не вытерпит и оставит столичную сцену по недостатку средств к существованию, но упрекать ее будет непозволительно. Нельзя же в самом деле жить, когда не на что жить! В старой немецкой хрестоматии для детей выражена одна роковая истина: «Man muss essen und trinken, um das Leben zu erhalten», [29] а актеров, как и соловьев, басни не питают... Интересно бы знать: кто из французских актеров Михайловского театра получает по семисот рублей в год и что те люди делают для пользы сцены, сравнительно с г-жою Лелевою или с г-жою Струйскою, которой едва дали 5 р. разовых, или с г. Петровским, в котором, пока он сидит на экваторе полной безнадежности, уснули и замерли си-

лы, подававшие добрые надежды?

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В АМЕРИКЕ

Тайная полиция Нью-Йорка. — Частные общества сыщиков. — Удивительные открытия преступлений. — Женщины-сыщики. — Patent office. — Число патентов, раздаваемых в Америке. — Добывание петролеума. — Американские «искатели масла» и спирт. — Статистические данные о его вывозе — Удобство жизни в Сан-Франциско, неизвестное в Европе. — Петербургские гамены.

С тех пор, как Нью-Йорк стал одним из величайших городов и число совершающихся в нем преступлений начало достигать очень большой цифры, здесь явилась надобность в тайной полиции. Открытая полиция была бессильна, чтобы следить за людьми, за которыми не следить невозможно. Тогда частью из любви к искусству, а частью в видах заработка начали образовываться целые частные

общества сыщиков. Люди, группировавшиеся в эти общества, делали себе специальностью открытие преступлений какого-нибудь одного рода. Все члены подобных обществ очень хорошо знакомы со всеми ворами и сыщиками в городе; они знают все воровские притоны, знают, куда воры сбывают вещи, и всегда очень успешно могут уследить за подозрительным человеком. Наблюдателям этим удаются нередко открытия довольно трудные, но если принять в расчет все их средства и их связи с миром мошенников, то можно сказать, что они все-таки еще слишком мало открывают. Дело в том, что их собственная честность также подлежит некоторому сомнению. Здешние сыщики, если служат казне, получают по 3 доллара в день, а если находятся в найме у частных обществ, то получают по 6 долларов. Вознаграждение, конечно, не Бог весть какое, а между тем все эти господа живут необыкновенно роскошно и в скором времени составляют себе даже и довольно значительные состояния. Обыкновенно, если совершено какое-нибудь крупное мошенничество, они находят украденные деньги или

вещи и возвращают их собственнику; но требуют с него весьма значительный процент в свою пользу. Если же украдено немного или владелец скупится на процент за отыскание, то его вещи так и пропадают. Между здешними сыщиками есть большие доки. Иному из них достаточно указания самого мелкого, ничтожного обстоятельства, чтобы напасть на след преступления и идти к открытию виновных, как по-писаному. Однажды из кладовой одного торговца шелком было украдено значительное количество его товара. Воры проделали отверстие в стене старого заброшенного дома, граничившего со складочным местом, где лежал шелк, и преблагополучно перетаскали весь этот товар. Следов, куда делся шелк, не было никаких. Дело было ведено так ловко, что не осталось ни малейшего подозрения, по которому можно было бы открыть преступников. Сыщик, взявшийся за это дело, нашел около пробуравленной стены пуговку необыкновенной формы; он поднял ее и через несколько дней отыскал человека, на куртке которого были именно такие пуговицы и одной недоставало.[30] Человека без пу-

говицы арестовали, он сознался в воровстве и указал, где был спрятан шелк. В другой раз сыщик еще неожиданнее открыл одно убийство. В парке Бруклина был убит какой-то иностранец; убийца оставался совершенно неизвестным, но около места, где был найден труп, нашли также разрезанную перчатку, и она-то послужила поводом к открытию виновного. Сыщик поднял ее и потом пошел на пристань, от которой в то время отходил пароход в Италию. Из числа лиц, провожавших отъезжающих, он обратил особенное внимание на одного человека с лицом, выражавшим сдерживаемое страдание и с необыкновенно большими перчатками на руках. Сыщику показались подозрительны эти не в меру большие перчатки: верно, руки у этого господина поранены, и... может быть, что он принимал участие в недавнем убийстве, при котором у кого-то была разрезана перчатка. Сыщик его арестовал, снял с него перчатки и увидел на руке его рану, приходившуюся вровень с разрезом на найденной у трупа перчатке. Арестованный действительно оказался убийцею. Успех сыщиков в открытии пре-

ступников заставляет многих частных лиц обращаться к их услугам. Их же очень часто здешние ревнивые дамы нанимают для наблюдения за своими склонными к измене супругами и через них открывают и предмет преступной страсти своих спутников жизни, и все тайны их любовной интриги. В других случаях к ним же обращаются и мужья, желающие развестись со своими женами и усиленно выискивающие удовлетворительный в глазах закона предлог к начатию дела о разводе. Наемный сыщик следит за дамою неутомимо и зорко, и наконец-таки, подкараулит ее на чем-нибудь таком, что в глазах фарисейского пуризма может казаться... странным, неловким, предосудительным... Супругу только и нужно. Нужен пустой повод, за который бы пиявка-адвокат мог зацепить свой подъяческий крючок, а там и пошла писать! Благородный гражданин свободнейшей страны в мире поведет тяжбу и, не останавливаясь ни перед чем, доведет дело до разрыва, при помощи скандала, того самого союза, которым он добровольно связал себя. Сыщики всех больших городов находятся между собою в

постоянных сношениях. Если, например, какой-нибудь известный мошенник уезжает куда-нибудь из Нью-Йорка, телеграф тотчас же сообщает о его выезде агентам того города, куда плут намерен был выехать, и не успеет тот выйти в новом месте из вагона, как за ним уже опять следят по пятам и знают каждый шаг, каждое его движение.

* * *

Часто для трудных, запутанных и искусно маскированных дел, вместо сыщиков, употребляются сыщицы. Существует убеждение, что будто бы эти милые дамы часто действуют гораздо хитрее и тоньше мужчин; но главное преимущество их положения, кажется, заключается в том, что они гораздо менее мужчин внушают подозрения лицам, за которыми следят и которым ставят силки и сети. Иногда, чтобы поймать хитрого и ловкого, а подчас и многоопытного и опасного мошенника, сыщица разыгрывает с ним целый роман и ведет его, соображаясь с обстоятельствами и натурою ловимого плута, то в иступленно страстном роде, то *in hoch romantische stile*. [31] Она пишет порученному

ее таланту бездельнику то нежные послания, то бурные, назначает ему свидания; объясняется в страстной или в «святой и нежной» любви и, одним словом, всеми средствами своего пола увлекает человека так, что он уже, как говорится, «души не слышит» в своем земном ангеле и — все равно: в томлении ли страсти не получающий удовлетворения, или «в блаженстве объятий» или, наконец, просто в одном из нежных признаний выдает себя, ища у женщины участия и опоры.

Эти господа попадают, точно соловьи, летящие в западню на нежные пiski искусственной самки. И смешно, и даже жалко!

Чуть только «земной ангел» острижет своего Самсона, и его сила, — тайна его, — очутится в ее руках, нежный друг этот тотчас же отходит за кулисы и тихо скрывается совсем на задний план, предоставляя доканчивать обнаруженное дело мужчинам. Обманутого плута арестуют и судят, а иногда идут с ним на мировую сделку, и дело кончается миром, более, чем суд, выгодным для обеих заинтересованных сторон и, конечно, и для той Далилы, которая под песни любви своей выдала

обессиленного богатыря преступления.

* * *

Янки — народ, как известно, промышленный; они это сознают и гордятся этим не меньше, чем французы своею военною славою, а немцы своею ученостию. Прогуливаясь по Вашингтону, вы невольно обратите внимание на огромное белое мраморное здание в дорическом стиле. На него нельзя не обратить внимания, потому что это чудо совершенства в архитектурном и скульптурном отношении. Если вы еще не вполне отделались от своих европейских привычек, то у вас при взгляде на это величественное здание непременно зашевелится вопрос:

— Какому это принадлежит принцу?

— Чей это дворец? — спросите вы первого встречного.

Американец, всегда торопливо спешащий куда-нибудь по какому-нибудь весьма важному для него делу, не удостоит вас даже презрительной улыбки, которой вы, по его мнению, конечно, вполне заслуживаете, — он только процедит вам на ходу сквозь зубы: «t'is the Patent office» (Департамент патентов). Вы

входите в это странное здание.

В нижнем этаже, в rez-de-chaussée,[32] помещается бюро (чиновники) и большие модели изобретений, удостоившихся патентов. Великолепная мраморная лестница ведет в первый этаж, где помещается второе бюро — это экзаменаторы, оценивающие: заслуживает ли представленное изобретение патента или не заслуживает? Весь второй этаж опять занят моделями патентованных изобретений. Число их здесь доходит до 70 000. По этим моделям можно проследить всю историю какого-нибудь изобретения, начиная от самой грубой формы, в которой оно явилось в первый раз на свет, и до последних тончайших усовершенствований его. Кроме того, здесь помещено собрание редкостей и национальных драгоценностей американцев, типографский станок Франклина, одежда Вашингтона и разные безделки, принадлежавшие этому великому человеку. Здесь же хранятся разные медали и документы договоров Соединенных Штатов с иностранными державами. Остальная часть здания занята библиотекою и отделениями министерства внутренних дел. На-

сколько возрастает число лиц, желающих получить патент, видно из того, что в 1850 году поступило всего 2200 просьб о патентах, а в 1866 — 14 000. Чтобы получить патент, надобно представить проект своего изобретения вместе с моделью самого изобретения. Модели эти поступают на рассмотрение одного из 20 главных оценщиков, к специальности которого изобретение относится. Оценщик самым тщательным образом рассматривает проект и сверяет его со всем уже известным по этой части, чтобы убедиться в его оригинальности. Если изобретение действительно оказывается вполне оригинальным, делающим новый шаг к усовершенствованию и потому достойным патента, то изобретателю выдается патент, а изобретение его записывается в особый список, постоянно открытый для публики. Если проект оказывается недостойным патента, изобретателя извещают об этом, разъясняют ему несостоятельность его проекта и предоставляют ему право апеллировать в совет оценщиков (Board of Examinators). Решения этого совета уже считаются окончательными. Комиссионер патен-

тов (Comissioner of Patents) должен ежегодно представлять в палату представителей отчет о выданных патентах и при том прилагать рисунки моделей изобретений, удостоенных патента. В последнем представленном отчете за 1867 год показано, что в этот год число поданных проектов было 21 276, из которых 13 015 получили патенты, и из них 12 651 достались гражданам Соединенных Штатов. С 1835—45 года число розданных патентов возросло на 15 %, с 1845—55 на 400 %, с 1855—65 на 300 %, с 1865—66 и с 1866—67 более чем на 50 %. Патент стоит в Америке гораздо дешевле, чем в других странах, и потому там часто получают патенты на разные ничтожные вещицы, которые не удостоились бы этой чести в Европе, но зато множество и величайших изобретений, составляющих, можно сказать, эпоху в истории человечества, явились в свет, снабженные тем же американским патентом! Получив патент, американец еще сделал далеко не все для своего любимого детища: ему обыкновенно приходится бороться с множеством затруднений, победить холодность публики, с которою обыкновенно труд-

нее справиться, чем с суровостию самых строгих судей-оценщиков. Элиас Гове, знаменитый изобретатель швейной машины, получив патент на свое изобретение, еще три года хлопотал в Нью-Йорке достать денег на устройство модели своей машины. Потом он отправился в Англию, работал там 8 лет как простой работник, и, наконец, только возвратясь в Америку, нашел нужный ему капитал. Теперь его ежегодный доход доходит до 200 000 долларов, так как все фабриканты швейных машин обязаны платить ему известную сумму с каждой выделанной машины за право пользоваться его изобретением. Эта плата, которую все изобретатели получают от фабрикантов, составляет для них огромный барыш, и часто в этом отношении самые мелкие, по-видимому, незначительные изобретения доставляют наиболее выгод своему изобретателю. Одна английская фирма получила недавно патент на новый способ выделки концов свечей, так чтобы они удобно вставлялись в подсвечники без подскабливания и обертывания их бумагою; изобретатель потребовал весьма незначительную пошлину с

фабрикантов, пользующихся этим способом, но и эта незначительная пошлина, взимаемая с каждого фунта выделываемых свечей, сделала его в скором времени большим богачом.[33]

* * *

Едва ли найдется в истории промышленности хотя бы один предмет, потребление которого развилось бы так быстро, как развилось потребление петролеума. И это понятно: в этом продукте природа подарила нам осветительный материал, не уступающий газу каменного угля и не требующий больших расходов на его добывание. В Европе петролеум вошел в употребление лишь в недавнее время, но здесь есть основание предполагать, что он был известен еще древним: напр<имер>, в Бирманской империи в одной горе проделано 500 шахт для добывания петролеума, и он уже несколько сот лет тому назад служил для жителей осветительным материалом. В Северной части Пенсильвании дельта реки Oilcreek также пробуравлена многими шахтами, и есть основание думать, что и эти шахты проделаны индейцами, жившими в тех странах

гораздо прежде появления европейцев. Источники петролеума в этой местности давно были известны североамериканцам, но они не умели добывать его из земли, не понимали его пригодности и потому оставляли его без внимания. Наконец в 1857 г. в Титусвилль, город, расположенный в нескольких милях от источников петролеума, приехал один предприимчивый Yankee, некто полковник Драке. Он исследовал источники петролеума, нашел, что его можно добывать гораздо больше, пробуравив скалу, составил компанию на акциях для этого нового предприятия и прилежно принялся за работу. 29 августа 1859 г. он уже прорыл скалу на 70 футов и нашел жилу петролеума, из которой мог добывать от 35 до 40 бочек этого масла в день. Тогда вокруг Титусвилля закипела деятельность, превосходящая всякое описание. Все дела были брошены, всякий спешил купить или арендовать клочок земли, на котором бы мог добывать драгоценный продукт. Вокруг источников петролеума быстро создались пять или шесть городов с несколькими десятками тысяч жителей. Скороспелые города эти, разумеется, были не

Бог весть как изящны и красивы, но тут дело было не до изящества: о нем никто не думал, — у всех была только одна забота, как бы добыть побольше масла, да поскорее отправить его в большие города. Спрос на петролеум в больших населенных центрах стал увеличиваться с каждым днем. Железные дороги пришли на помощь промышленникам, в устройстве фабрик и машин произведены были значительные улучшения, и в настоящее время от источников или колодцев петролеума проложены длинные трубы, по которым с помощью паровых машин петролеум проведен прямо к дебаркадерам железных дорог, по которым производится его рассылка во все концы Нового и Старого Света. Кроме Пенсильвании петролеум добывается еще в огромном количестве в штатах Огейо, Кентукки, Виргинии и в Канаде, а в Южной Америке главным образом в Перу.

* * *

Прежде думали, что петролеум может находиться только в долинах, но теперь, когда на низменных местностях источники его начали иссякать, пробуют проделывать шахты

В холмах и в некоторых местностях дошли уже до 900 фут глубины. Наука еще не дает никаких пособий к вернейшему указанию средств открывать месторождения петролеума, и американские «искатели масла», бродя из одного места в другое, указывают за известное вознаграждение места, где, по заверениям этих аферистов, непременно должны быть источники петролеума, которые они будто бы узнают «по запаху». Случается, что легковверные люди попадаются этим пройдохам в обман и платят им большие деньги, тратят все свое состояние на раскопки и, конечно, ничего не находят. Замечательно, что летом 1868 г. один спирит указал одно место в окрестностях Плезанвиля и сказал, что здесь находятся источники масла, что ему это за верное открыли благонадежные духи. Указание вышло верно: на месте, на которое указал, по поручению духов, спирит, оказались прекрасные источники масла. Публика не стала разбирать, насколько в это дело замешаны духи, но воспользовалась полезным открытием, и вскоре и в этом месте возник целый город. Так как петролеум считается во

всем цивилизованном мире одним из полезнейших предметов потребления и так как он добывается главным образом в Соединенных Штатах, то продукт этот составляет для них один из важнейших предметов торговли. Развитие торговли петролеумом ясно видно из следующей таблички:

В 1861 г. вывезено за границу 27 812 бочек по 40 галлонов

' 1862 ' ' 168 000

' 1863 ' ' 706 265

' 1864 ' ' 776 205

' 1865 ' ' 583 019

' 1866 ' ' 1 100 661

' 1867 ' ' 1 111 662

' 1868 ' ' 2 109 718

Цена за бочку на самом месте производства колеблется, смотря по времени года, но по большей части доходит до 5 долл. за бочку, из которых 3 долл. остаются чистым барышом производителя. Прежде цены на петролеум сильно колебались и спекуляция им доходила до чудовищных размеров. В настоящее время чрезатлантический телеграф несколько уменьшил возможность таких спе-

куляций, постоянно давая знать о количестве запроса и о ценах этого продукта, стоящих на европейских рынках. Вследствие этого колебание на цены стало гораздо менее заметно, хотя все-таки еще и теперь достаточно велико, так что спекуляция петролеумом может и весьма быстро обогатить и столь же быстро разорить человека.

* * *

«Что город, то норов», говорит пословица, применимая одинаково во всех частях света. Прогуливаясь по пыльным или грязным улицам Петербурга, многие франты с грустию поглядывают на свои недавно вычищенные сапоги, покрывающиеся через полчаса ходьбы слоем пыли или грязи. Пешеходы Парижа, Лондона, Нью-Йорка и других больших городов подвергаются едва ли не большей неприятности: их подстерегает на каждом перекрестке чистильщик сапогов, который даже, пожалуй, нарочно пачкает обувь проходящих, чтобы получить вознаграждение за ее чистку. В Сан-Франциско, в золотом городе на берегу Тихого океана, статья эта выходит совсем иначе. Там на всех больших улицах чи-

стильщики сапогов открыли свои мастерские, куда прохожие заходят по собственному желанию без крикливых зазываний. Здесь у чистильщика, к которому зайдете, вы находите комнату, удобно, а иногда даже роскошно меблированную, украшенную разными гравюрами, по большей части мифологическими; черный артист (действительно артист своего дела) любезно приглашает вас сесть на бархатный стул, ставит ваши ноги на скамейку и принимается усердно тереть сапоги двумя щетками зараз. Через несколько минут сапоги приобретают необыкновенный блеск и лоск, артист приглашает вас встать, смахивает пыль с вашего платья и протягивает руку за вознаграждением, состоящим из мелкой монеты копеек в 6–7. Вы с удовольствием вручаете ее ему и отправляетесь в чистой обуви прогуливаться по улицам Монгомери и Кентукки в полном спокойствии, что, куда бы вам ни пришлось зайти, вы никуда не затащите на своих ногах ни пыли, ни грязи и не будете ни сами стесняться, ни других стеснять своею неопрятною обувью.

* * *

Закончив про людей, скажем словечко и про себя. У нас в Петербурге есть огромная масса побирающихся детей, которых ловят, сажают, но которые снова выскакивают оттуда, куда их посадят, и так идет бесконечная игра, пока эти ребята возрастут и совершат нечто такое, за что правосудная Фемида уберет их и из Петербурга, и из Европы на «страну далече». Отчего бы предприимчивым и мало-мальски добрым людям с небольшими средствами не набрать из этих нищенствующих воришек фалангу чистильщиков? Что нужно для этого? Во-первых, разрешение начальства, в котором, всеконечно, отказа ждать невозможно; потом каждому мальчугану пестрядинную блузку на плечи да ящик с щетками и нумерованною жестянкою в руки, — вот он и снаряжен, а между тем он и питается, да еще и заработок домой приносит. В Париже у театра Одеон был чистильщик старик, который дал за своею дочерью сто тысяч фр<анков> приданого. Диккенс то же рассказывает о биржевом чистильщике, который жил барски и женился на девушке хорошего круга (на чем и завязан рассказ). Наш Петер-

бург справедливо считается в числе опрятных и очень любящих опрятность городов. Питер-щик самого невысокого слоя знаком с употреблением мыла, помады и ваксы. Почему бы не дать возможности чиститься еще чаще и в то же время не открыть этим бедным людям, ребятам и старикам, новой статьи дохода? Можно с уверенностью сказать, что если бы (уже хотя не по примеру Сан-Франциско, а просто по-парижски) расставить чистильщиков по многолюдным улицам, при входах в сады и скверы и у подъездов клубов, танцевальных заведений и у биржи, то они не стояли бы здесь без дела. Может быть, скажут, что «у нас это не примется», но почему же? Напротив, больше оснований думать что это очень примется. Говорили же, что и железно-конная дорога «провалится» и что и омнибусы не примутся, а все что с толком начато, принялось и в самое короткое время сделалось потребностью, без удовлетворения которой теперь, кажется, нельзя уже и обходиться.

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ

Весна и свойственные ей стремления. — Избирательная горячка. — Парижский petit bourgeois. — Нечто о предчувствии политических гроз. — Праздник в Орлеане в честь Орлеанской девы. — Скандал с девою, изображавшею девственницу. — Дитя рулетки.

Весеннее солнце все вызвало к деятельности как в природе, так и в социальной жизни и в политике. Приемные залы еще открыты, балы продолжаются, но большинство столичного населения уже охотнее спешит на открытый воздух. Зимние одежды сняты, и парижане встречают лето на Елисейских полях. Сад Mabil также открыт вместе с прочими танцевальными садами, в которых забавляется полу-свет и четверть-свет Парижа. Здесь собираются обыкновенно толпы как иностранцев, так и французов; первых привлекает сюда любопытство, но, что привлекает вторых, — это действительно непостижимо. Вечно одно, одно и одно и то же: подержанные женщины, изношенные мужчины, канканчики и пунши да пиво... Господи, сколько бы на-

до удивляться, как есть постоянные аматеры [34] подобных увеселений! Можно бы даже по этому поводу сказать ядовитое словцо насчет французской легкости и всего прочего, если бы... если бы сами мы далеко от этого уехали и не всемерно к тому стремились. Парижанин, впрочем, и вообще невзыскателен и неразборчив на забавы и удовольствия: он идет всюду, где можно что-нибудь посмотреть: большого ли быка, иностранного ли государя, или какую-нибудь выставку редкостей; а главное, где есть женщины, там и француз. Известно же, что у нас в оные времена, когда их брата много рассеяно было в качестве гувернеров по русским селениям, они певали с нашими санными девушками подблюдные песни, водили с крестьянками в рощах танки, качались на качелях и пивали «петит рюмки русски добро», и все это с чистосердечным весельем, и часто ни слова не понимая из того, с чем к ним относятся.

Счастье и рай земной внутри нас самих, и француз, умеющий всегда и везде творить свое веселье, блестящее этому доказательство.

Окрестности Парижа тоже усеяны гуляющими, но здешние гости ищут надышаться весенним воздухом, насмотреться на молодую зелень, вообще, что называется, вздохнуть и освежиться. В троицын день все пароходы, сновавшие взад и вперед по Сене, были битком набиты пассажирами, на всех омнибусах красовались голубые значки с надписью «Complet»;^[35] высшее общество даже вообще не решалось отправиться в «Vois»,^[36] такая сильная там была толкотня и давка.

* * *

На избирательных собраниях тоже было непросторно: около каждого из более или менее красноречивых и талантливых кандидатов толпились тысячи слушателей. Всякий, кто прожил бы последние недели перед выборами в Париже, вообразил бы, что его внезапно перебросило, по крайней мере, хоть на ту сторону канала в либеральную Англию, а спросонья могло бы пригрезиться, что он и в Америке. Великая нация была смела, как немецкий школьник, которому в рекреационный день позволяется даже прыгать на директорскую спину. Возбуждение в самом деле

было всеобщее: высшие классы вдруг почувствовали тягостную и неприятную неловкость, рабочие заволновались, правительственные лица задумались. Перед тревожными очами стали подниматься тени из растревоженных гробов; в великолепно освещенных залах раздалось эхо марсельезы; за веселую танцевальную музыку слышались крики: «Да здравствует республика!», в памяти всех восстал 1789 г., за ним 1793, 1830 и 1848. Крутые годы, тяжкие годы, и годы великие и поучительные для имеющих уши, чтобы ими слушать, а не хлопать, лепеча: «Слушаю-с». Общество тоже хлебнуло кипятка избирательных собраний, оно оживилось и стряхнуло с себя на эту пору безучастие, усвоенное им за последнее время его бездеятельной и опустившейся жизни. Парижане было заходили гоголями и заговорили совсем свободными «*enfants de la patrie*».[37] Смотреть на это было очень интересно. Не без того, разумеется, чтобы тут не выкидывалось и эквивок, и глупостей, и безрассудств, и даже, если хотите, довольно возмутительных вещей. «Из потем света, говорят, не скоро рассмотришь».

Всего обиднее и досаднее из всех общественных неловкостей было видеть неумение или радикальнейшую отвычку французов понимать свое значение как народа, как государственной силы, без которой ничто же бысть, еже бысть. Повсеместно опять главнейшие задачи и цели упускались или забывались; громкая фраза пустозвонного крикуна без всякого труда зачеркивала резонного человека и отрывала общественное внимание от насущных вопросов к вопросам малозначительным и подчас даже вовсе ничтожным. Опять раздавались почести некоторым личностям, весьма мало их заслужившим и, может быть, если бы взять их под мелок, едва ли даже принесшим хотя когда-либо какую-либо пользу делу свободы. Все это возмутительно, но всего возмутительнее все-таки было забвение, постигшее некоторых лиц, вовсе не заслуживших забвения французов. Это, конечно, и наша родная черта, жить философиею желудка, который «старого добра не помнит»; но тем не менее, надо сказать матку-правду, — черта это довольно не высокая и во всяком случае не рекомендуемая особенно на-

цию ни со стороны ее общечеловеческих чувств, ни со стороны ее политической дальнорзоркости. В духе почтения к прямым и истым героям страны воспитываются новые герои, а в шуме, поднимаемом в честь эфемерных блягеров, множатся только блягеры, в которых и без того нет недостатка во Франции (а к нам это и вовсе не относится, потому что мы — особая статья: чужие земли стоят похвальбою, а наша хайкою крепка).

* * *

Что могло выясниться среди всей этой суеты, среди всего этого крика и шума, это одно, что французы, как их ни дрессируют, все-таки настолько не забыли еще своего прошедшего, что человеку, который там, в этих кружевных Тюльери, сидит и, перебирая из руки в руку возжи, поверяет: крепки ли они и как бы какая не лопнула, до гроба своего не видеть вождя деленного покоя. Шапка святых и грешных Людовиков (Лудовиков) должна подчас давить на мозг сильнее, чем шапка Мономаха, давившая череп хитрого Бориса. Потомство! Потомство!.. все надежды, все упования, как и все оправдания нынешнего императора фран-

дузов, если он может где искать их, то это в потомстве, но, кто бы что ни говорил и как бы улегшиеся со временем страсти ни открыли доступа к правильному обсуждению всей деятельности Наполеона III, его цезаристские идеалы и стремления, конечно, не выдержат и самой бесстрастной критики и никогда не укрепят любви за его ближайшим потомком.

Да, бедный этот юноша; да, бедный этот принц, — любопытен и страшен его гороскоп! Вот тот, кто один из всех, чающих венца, может, вероятно, ничего не преувеличив, сказать: «От юности моя мнози борят мя страсти!»

* * *

Из лиц, принимавших участие в избирательных волнениях, самым типичным и потому самым интересным для постороннего наблюдателя является парижский *petit bourgeois*, этот мелкий собственник, постоянно трусящий революции и между тем постоянно готовый принять в ней участие. У мелкого парижского буржуа свое собственное мирозерцание, центром которого, конечно, он считает Париж. Как могут люди жить не в Па-

риже или, по крайней мере, не во Франции, этого petit bourgeois не может понять. Определенных политических убеждений у него тоже почти нет; он думает то, что думает его журнал, а его журнал — это тот листок, который он прочитает последним. Во время избирательных собраний petit bourgeois, — этот маленький скаредник, маленький фанфарон, маленький повеса и непременно трусишка за свою propriété[38] и азартный забияка за свою gloire de belle France,[39] — от всей души аплодировал самым либеральным ораторам, не разбирая их оттенков и закала. Как в былое, но совсем еще недавнее время, наш крепостник-боярин восхищался журналами, где пробирали экономистов за их laisser faire, laisser passer[40] и бредили аграрными законами Лициния, так и этот bourgeois. Ему нравится, что ругают, по-нашему пробирают, тех, кого он задним числом не сумел понять, а что там, к чему тут «аграрные законы Лициния» привешены?.. Это так, должно быть... для разговора... какой-то вздор и глупость, а проборка, мол, вот это не вздор и не глупость, да и потом проборка задается уже очень смачная,

очень хорошая.

Эти «вселенские смази», как называл их один гневливый русский журнал, в таких странах, как Франция или Россия, очень хорошо служат. Ничего не делай, а суетись, — прослывешь здесь деятелем; не признавай ни в ком ни ума, ни дарований, — прослывешь сам умником; напирай, что любовь к идее есть своего рода эгоизм, и оправдишься во всем, что бы ни совершил ты против всякой идеи. В странах, где общественное мнение не сидит на своем месте, а слоняется, где ему быть не надо, ругань и нападки, — все равно, основательны они или неосновательны, — долетают до цели, и заставить парижского bourgeois поверить, что Жюль Фавр не отвечает либеральному воззрению на порядки, стоит очень небольших усилий. Bourgeois льстило, что фразистые ораторы нынешних собраний были люди знаменитые. Это тоже ему приятно... вот почему, что ораторы эти, несмотря на свою знатность, обращались с милым bourgeois запанибрата. Он, этот либеральный милашка, даже иногда вотировал за них. Черт возьми — это, конечно, правда, что

он, бедняк, в ту же пору всем сердцем и помышлениями разделял страх правительственных органов перед spectre rouge,[41] ну, да уж как-то оно, Бог дал, сошло пока... Зато сколько было утешений! С какою комическою серьезностью немецкого профессора археологии примыкал сей добродушный и легкомысленный трусишка, буржуа, стеклышко к своему глазу; с какою важностью, энергиею и даже азартом он копался и рылся в избирательных циркулярах; вообще, как он копошился, как он шумел и сам собою упивался!

* * *

Газеты имели во все это время большое значение. В кофейнях, в библиотеках надобно было целые часы выжидать какого-нибудь журнала, чтобы поймать его в руки; все omnibusы и кареты превратились в читальные комнаты, никто не усаживался в экипаж без листка газеты. На каждом углу стояли толпы, читавшие афиши, в которых один кандидат называл себя либералом, другой демократом, третий радикалом, четвертый сторонником свободы и порядка. Одним только правительственным кандидатом себя никто назвать не

смеет, или не смеет, по крайней мере, в Париже. Не видно ли и в этом знамение времени? Французы в самом деле похожи на ружейные капсюли: их можно тискать и держать сколько угодно времени взаперти, но вдруг удар, и взрыв готов снова. Целых двести лет у них не было права сходак: они это терпеливо переносили, потому что все были сравнены в этом праве бесправия. Но как только одним дозволено присутствовать при собрании в театре Шателе, а другим отказано в этом, — мина показала дым и чуть-чуть не дала огня. Если бы не надоело давно повторять, что дела в Париже того и гляди разыграются нехорошо, то можно бы и опять повторить заезженную газетную фразу, что «все недавние сцены, происходившие и на улицах, и в собраниях, ясно показали, как парижский воздух переполнен электричеством, и что гроза висит над головами».

* * *

Среди всех этих волнений французы просмотрели одно значительное приобретение, сделанное во время их выборов добрыми соседями их, пруссаками. Французы не замети-

ли, что в Пруссии успели изобрести еще одно новое удивительное ружье, делающее уже по 25 выстрелов в минуту, и, наконец, так увлеклись, что даже позабыли про свое народное торжество — про праздник в честь Орлеанской девы. Это торжество, справляемое обыкновенно в Орлеане, достойно того, чтобы на нем отдохнуть от рассказов о политических вихрях и бурях и подышать веяниями исторического романтизма. Празднество в честь Орлеанской девы происходит обыкновенно таким образом. К этому дню в Орлеан собирается множество духовенства, и торжественная процессия, в которой принимают участие войско и все граждане города, несет историческое знамя Иоанны. Роль Орлеанской девы исполняет обыкновенно какая-нибудь девушка, отличающаяся непорочною нравственностью и хорошим поведением. На нее надевают все вооружение Иоанны, и она предшествует процессии. Накануне дня этого торжества обычай требует, чтобы эта же самая девушка провела всю ночь на молитве в башне, подобно Иоанне. Несколько лет тому назад по этому поводу в Орлеане произошел необык-

новенный скандал. Проходившие рано утром в день праздника мимо башни вдруг услышали, что непорочная дева, запертая ими для молитвы, молится так усердно, что звуки ее голоса долетают даже до улицы. Вошли в башню, и о ужас! невинная дева оказалась не одна: ночью у нее родился ребенок! Нельзя сказать, чтобы в самом деле этот молодой жилец мира выбрал очень удачную минуту для своего появления на свет, но что вы с этим поделаете?

* * *

Нечто подобное случилось недавно на одной рулетке. В числе посетителей этой рулетки всеобщее внимание заслуживала своею страстною любовью к игре одна девица. Игровая страсть в ней, казалось, была до того сильна, что не оставляла места ни для каких других чувств, а между тем на деле вышло немножко не так. Сначала некоторое время особа эта казалась не совсем здоровою, но на такую безделку никто, разумеется, не обращал внимания. У зеленого стола смотрят более на состояние кошелька, чем на состояние здоровья играющих, но однажды вечером за

игрою девица, о которой идет речь, поставив какую-то небольшую ставку, вдруг резко вскрикнула и упала. Окружающие бросились поднимать ее, и что же? Они были очень приятно удивлены: их милая партнерка произвела на свет прехорошенькую девочку, которая, может быть, в свою пору будет еще страстнее заигрываться в рулетку, чем заигралась ее maman.[42]

Но этим еще казус не кончен: явление нового жильца на свет налагает на общество свои обязательства, и то почтенное общество, среди которого «прехорошенькая девочка» увидела этот хорошенький свет, поняло и исполнило свои обязательства с редкою в наш век добросовестностью. Когда смятение, произведенное необыкновенным рождением «прехорошенькой девочки» успокоилось, croquier[43] снова затянул было свое обычное: «le jeu est fait, rien ne vas plus», [44] один из игроков поднялся и сказал прочим: «Господа! случаю угодно было, чтобы именно здесь родился ребенок; представим же случаю и обеспечить состояние новорожденной. Пусть весь выигрыш этой ставки принадлежит новому

жильцу нашего мира». С этими словами великодушный игрок поставил 1000 фр<анков>; другие последовали его примеру, а случай по-благоприятствовал, и новорожденной через несколько минут выпало двадцать тысяч франков, которые и вручены ее матери. Но на этом скандальная хроника останавливается и, к сожалению, ничего не повествует: решилась ли девица, родившая дочь за рулеткою, спрятать двадцать тысяч и употребить их по назначению или снесла их опять в рулетку и проиграла на девятый день после своего разрешения? Надо полагать, что последний исход вероятнее. Да и к чему стесняться и рассчитывать? «Девочку, рожденную за рулеткою», в Париже можно с немалым успехом за деньги указывать, а за такую особу, как сама мать ее, иной англичанин, любящий редкости, и Бог весть чего не пожалеет.

РУССКИЙ ТЕАТР

Театральные новости и театральные силы в столицах и провинциях

Слухи о новых мероприятиях театрального ведомства. — Театр летом в Петербурге. — Пьеса г. Жандра «Нерон» и кому ее играть. — Петербургские дублеры: Петровский и Федоров. — Прибавки г-жам Лелевой и Стрельской. — Отъезд режиссера Яблочкина на летние месяцы. — Прегрешения, которых не прощают этому артисту. — Бродников и Калугин. — Московский театр и его подставные деятели. — Провинциальные артистки: Шмитгоф (Пивунова), Борисова, Фабианская, Стрелкова, Степанова, Гринева (Крестовская); актеры: Никитин, Виноградов, Милославский и Шмитгоф — Киевская меломания. — Чрезвычайное скоп-

ление оперных дирижеров на киевском горизонте: гг. Кологривов, Вильбоа и Бергер и при них одинокий певец г. Кравцов — Наилучшие ожидания в драматическом составе Казань, Харьков и Саратов. — Кто из провинциальных известностей ищет тропы на александринскую сцену?

По театральному ведомству ожидают некоторых мероприятий. Во-первых, радуется, что один театр в Петербурге в течение всего предстоящего лета не будет закрыт. Будет ли это театр Александринский или Михайловский — это все равно; но если на одном из них действительно не будут прекращены русские спектакли, то нельзя достойно нарадоваться за публику, которая не покидает города летом и, оставаясь без театра, волею или неволею влечется, бывало, в балаган душе-спасительных песнопений Излера. Равномерно нельзя не порадоваться в этом случае и за многопечальных дублеров нашей русской труппы. Если русские спектакли не будут прекращаться во все лето, тогда есть надежда,

что в каникулярное отсутствие первых сюжетов дублерам доведется, наконец, поиграть поболее. Радуемся также и за театральную кассу, которая не даром будет платить жалованье в течение всех месяцев летнего сезона. Дублерам практика, не оставляющим города людям развлечение, а кассе деньги... Деньги не щепки, и не худо брать их, когда можно взять.

* * *

По репертуарной части слухи обнадеживают, что осенью или зимою будет поставлена возбуждающая толки пьеса г. Жандра «Нерон». В пьесе этой есть две очень замечательные женские роли: Агриппины и Поппеи. Кто-то их сыграет? Одну, положим, может играть по своим средствам г-жа Читау, а к другой соответственной актрисы не знаем. Самого Нерона тоже неведомо кому исполнять. Г. Васильев для этой роли не годится, да, вероятно, и сам не возьмется за нее после своих неудач в роли Грозного, а г. Самойлов, как давно замечено, неохотно удостоивает принимать роли, где нет в конце раскаяний, слез, прощения и мольбы ко Всевышнему,

Чтоб райский зритель задрожал
И сердцем умилился.

* * *

В-третьих, многопечальные дублеры и иные стоящие «у воды» ожили надеждами и думают, что в полку их будет произведена некоторая давно потребная переформировка. Говорят, что дирекция, наконец-то, соберется посчитать силы, которыми призвана распоряжаться, и произведет им расценку, более сообразную достоинствам артистов и более рекомендующую как внимательность, так и справедливость судей. Публика, конечно, с большим удовольствием узнает, если негодных для сцены людей выбросят, а полезных поддержат и доведут их жалованье до цифры, способной избавлять человека от нищенства. Говорят, что артист Петровский получит прибавку жалованья и возможность сыграть несколько васильевских ролей, в которых Пав. Вас. Васильев уже не пожинает прежних лавров; пророчат то же самое молодому и несомненно даровитому артисту Федорову. Денег ему будто прибавят к 500 рублям еще 300 (что составит 800 р. в год), да дадут сыг-

рать Чацкого, Шейлока и Гамлета, — роли, которые изучены Федоровым с замечательною основательностью и в чтении производили повсеместно очень большой эффект. Г-же Левой сулят надбавку в 300 рублей (с прежними 1000 рублей), впрочем, без копейки разовых и без бенефиса. Артистка эта, однако, должно быть, не останется в Петербурге и едва ли не покинет уже слишком немилостивую к ней александринскую сцену. Предсказывают надбавку жалования и внимание начальства г-же Стрельской. Все это очень радостно, если все это правда; но кто же рискнет поручиться за несомненность сведений, разносимых молвою? Надо бы, конечно, хоть исподволь переставать изумлять публику невниманием к ее вкусам, ее просьбам, ее желаниям, ее любимцам и ее антипатиям. Это было бы гораздо тоньше и политичнее, чем когда-нибудь сразу лечь в дрейф или повернуть на другой галс; но у всякого барона своя фантазия. Приобретают известность не те только, кто собирает, а и те, кто бестрепетно расточает собранное. Человек, сжегший александринскую библиотеку, не умрет в исто-

рии.

* * *

На летние месяцы из наших артистов откочевывают, говорят, гг. Самойлов, Нильский, Васильев и режиссер Яблочкин. Отсутствие последнего даст тому из его помощников, которому будет поручено режиссерство, возможность показать и свое мастерство, и свою правду, в прегрешениях против которой г. Яблочкина много укоряют. Бог весть, как судить об этих укоризнах. На укоризны у нас, как известно, так все тароваты, что долгом и обязанностью следует ставить себе верить всем рассказам про человека с большим разбором. Утверждают, что г. Яблочкин теснит тех артисток, роли которых, по его соображениям, могли бы занимать его супруга, или его дочь. Говорят и пишут об этом очень много и не щадят имени г. Яблочкина. Конечно, г. Яблочкин муж и отец, и нет ему оснований быть лиходеем таких близких ему лиц, как жена его и дочь; но не при том же ли Яблочкине взошли на сцену г-жи Читау и Лядова, и не он ли же поставил бок о бок с первоклассным артистом С. В. Шумским Марию Павлов-

ну Лелеву, открыв тем этой даровитой артистке совершенно новое положение на сцене? Повторяем: печати трудно с основательностью судить о тех делах, за которые многие газеты так бесцеремонно тормозят совесть александринского режиссера, а передавать за достоверное то, что только кажется, и неудобно, да и недостойно. Оклеветанных общественных деятелей у нас такая длинная плеяда, что, с одной стороны, ее нет никакой нужды увеличивать, а, с другой, брань и нападки такого характера, как те, которые сыпятся из рога изобилия нашей прессы на г. Яблочкина, едва ли и достигают своих целей. Одна, две неосновательные выходки отнимают всякое значение у всех других обвинений, хотя бы эти последние были уже и основательнее, а некоторые газетные ворчуны наши очень часто увлекаются и очень часто страдают замечательною неразборчивостью.

Впрочем, опять повторяем: летнее время театра, при отсутствии поносимого г. Яблочкина и при благодарном праве дирижировать силами дублеров, из которых многие и очень даровиты, и отмечены вниманием публики,

покажет и талант, и справедливость того, кто будет исправлять должность г. Яблочкина, режиссера, во всяком случае, умного и рачительного, но, по установившемуся мнению, несвободного от больших пристрастий в пользу своего семейства.

* * *

Желаем от души посмотреть хоть летом во всю силу свою действующих гг. Петровского, Федорова, Бродникова, Калугина и др. Пора в самом деле всем этим молодым, давно тяготящимся своим малодействием артистам свести счет своим силам и для собственного ведома, и для сведения публики, которая все ждет от них чего-то и соболезнует им, видя их зачастую в выходных ролях, в которых в самом деле заявить себя невозможно. Если они таланты, так пусть не заслонена будет им дорога к совершенствованию, а если они посредственность, годная лишь на одну, две роли, — так пусть же даровано будет или средство убедиться в этом и — или смириться, или поискать себе другого призвания. Испробованные и убежденные в своей несостоятельности, они сядут спокойнее, а публика

вдвое более оценит тогда своих давно заслуженных любимцев.

* * *

Театралы московские поговаривают о том же, о чем недавно хлопотали мы: поговаривают о необходимости отремонтировать их московскую драматическую труппу. Этим отнюдь нимало не оказывается ни охлаждения, ни неуважения к достославным слугам московского театра. Совсем нет! И г. Самарин, и Пров Михайлович Садовский, и Сергей Васильич Шумский, и Василий Игнатьевич Живокини, все и чтимы Москвою, и уважаемы, но в полных силах служить некоторые из них уже не могут, а на смену им равных ровнехонько никого не видно. Дублерами московский театр положительно беднее нашего. За С. В. Шумского никто не сыграет роли так, как Федоров сыграет «Гувернера» или «Купленный выстрел» за Самойлова; за П. М. Садовского никто не отслужит так, как служит за П. В. Васильева Петровский в «Доходном месте»; молодого актера, равного нашему Монахову, там тоже нет; нет и исполнителей таких ролей, в которых у нас обращали на себя внима-

ние Бродников и Калугин, и московский Музиль далеко не то, что наш Горбунов. Кто там станет приготавливаться в помощь, а со временем и на смену поистине великим актерам настоящей поры, — неизвестно, а помощью и смену исподоволь заговлять пора, и для некоторых даже уже давно пора. Замечают, что некоторые из светил московской драматической труппы видимо устают, а Вас. Игн. Живокини исполняет роли почти с таким же трудом, как почтенный ветеран Иван Иванович Сосницкий.

* * *

На провинциальных театрах в прошлый сезон ничего нового не блеснуло, и на будущий сезон припасаются опять все лица известные: Катерина Борисовна Шмитгоф (Пивунова), г-жа Борисова, Александра Ивановна Стрелкова, Степанова, Фабианская и Варвара Дмитриевна Гринева (Крестовская). Мужчины: Никитин, Виноградов, Милославский и Шмитгоф, и затем далее опять блаженная безвестность. Даже Отиль исчез неведомо доколе со сцены. Ангажементы к будущему сезону для провинций уже почти повсюду произведены или в

значительной мере подготовлены, причем опять оказалось, что некоторые из наших губернских городов, всегда имевшие до последнего времени хорошие драматические труппы, вовсе не запасают себе русского театра. Города наши шалят и притворяются меломанами, и во главе этого обезьянничества идет Киев. Город этот, имевший некогда весьма хорошую русскую труппу, которая состояла из Милославского, Степановой, Виноградова, Стрелковой, Протасова, Молотковской, Фабанской и Никитина, свел все эти силы на «нет». Возомнив себя знатоками музыки и любителями ее, киевляне относятся с пренебрежением к русской драме и комедии. Они выморозили свою даровитую драматическую труппу, как тараканов, и слушают оперы, которые распевают им певцы, не находящие средств пристроиться в столицах... Долго ли процарствует в Киеве эта убившая драму меломания — определить трудно, но теперь зато драматические спектакли в Киеве невозможны. Теперь там, говорят, собрались три устроителя оперных трупп: гг. Кологривов, Вильбоа и Бергер. Певец же пока при всех при

них один, это г. Кравцов, но и тот пока содержит себя уроками пения. К зиме, однако, ожидают, что явится большой и уже, конечно, замечательный ансамбль (иных в провинциальных операх не бывает; так это бывало в Одессе, так теперь и в Киеве). Надеются, что город или высшее начальство края даст опере киевской более или менее значительную субсидию, и при этом предрешают, что распоряжение оперою, вероятно, достанется не г. Вильбоа и не г. Бергеру, а г. Кологривову, с которым более или менее в Петербурге все знакомы, хотя по его монстрам-концертам в Михайловском манеже. Пусть с Богом поют киевские соловьи! Впрочем, здесь уже образовались и хоры, и опера, пожалуй, может привиться к этому городу; но замечательно, что здесь все-таки еще певцов смотрят, а не только слушают, и г. Кравцов, певец с талантом и с голосовыми средствами, кое-кому не угождает зраком... Это же было здесь и с даровитою актрисою Стрелковою... Но еще с актрисою-то считаться этим и туда, и сюда, а с певцом-то уже про это и говорить бы, кажется, некстати.

Драматические труппы серьезно составляются для театров в Казани, Харькове и в Саратове. В Казань из актрис оттягивают у нас г-жу Лелеву с долгосрочным контрактом и с очень выгодными для артистки условиями, там же будет виленская г-жа Борисова, и туда же приглашена В. Д. Гринева (Крестовская), так давно и так не вовремя для своих сил и дарований покинувшая сцену. Если все эти три артистки будут вместе в Казани, то Казань, разумеется, можно поздравить с завидным и едва ли не самым лучшим женским персоналом. Не говоря о г-же Борисовой, В. Д. Гринева для *grandes dames*[45] актриса, каких на это амплуа найдешь не много, а о г-же Лелевой, конечно, нечего и говорить. Такая многосторонняя актриса, как г-жа Лелева, — актриса, играющая роли драматические и комические, поющая и танцующая, — клад для провинциального антрепренера, у которого не может быть средств держать специалисток по каждому жанру. Там же, в Казани, теперь г. Милославский, о котором, что бы кто ни говорил, но он все еще, как старый боевой конь,

знает все сигналы и, заслышав трубу, несется и скачет на них, хотя и тыча немножко ногами, но еще бодрым аллюром. Со многими пришлось бы спорить, молвя слово в защиту этого театрального барона, но несомненно, что Милославский все еще делает свое дело, и такого Ляпунова, как он, найдешь не скоро; такого Мерича, как он, пожалуй, не найдешь и вовсе, да и Гамлет он все-таки далеко, далеко не из последних.

В Саратове новый антрепренер. Г. Медведев будет в Казани и туда припас себе столь хорошо собранный женский персонал. В Саратове же будет играть и управлять театром любимец Харькова, Киева и Одессы Павел Никитин. Из пользующихся известностью провинциальных артистов у него будут г-жа Фабианская и, может быть, г. Максимилиан Шмитгоф. Катерина же Борисовна Шмитгоф, пользовавшаяся прошедшую зиму общею внимательностью и любовью саратовцев, на следующую зиму в Саратов не едет. Эта прекрасная актриса, равная по силам своим киевской Степановой, но без сравнения превосходящая г-жу Степанову по разносторонности

своих сценических средств, постоянно развиваясь и совершенствуясь, идет быстрыми шагами к стяжанию себе большого имени. Ее уже давно начали считать наилучшею из провинциальных актрис, и ей, вероятно, скоро суждено опровергнуть старое мнение, что в провинции слава часто достается «ради прекрасных глаз». Г-жа Шмитгоф (рожденная Пивунова) дочь суфлера провинциального театра; она выросла на провинциальной сцене, сжилась с нею и плотию и духом, провинциальная актриса, не только не тяготящаяся провинциею, но привязанная к ней всеми симпатиями своей артистической свободной натуры. Ее не точил долговременно червяк самолюбия, в силу доуки которого провинциальные артисты стремятся и рвутся поголодать на Александринке. Г-жа Шмитгоф не спешила и не рвалась променять провинциальную независимость артистки на чиновопклонную роль актерствующим чиновниц столичного театра, и провинция всегда ценила это в своей любимице и никогда не допускала ее жаловаться на недостаток всяческого к ней внимания. — Но нынче, после добросовест-

нейшей работы по своему сценическому развитию, решила искать у с. — петербургской театральной дирекции дозволения предъявить себя петербургской публике и будет просить дебютов. Получит она их или нет, и когда получит? это еще неизвестно, но предвидеть отказ, кажется, нет никаких оснований. Правда, что благодаря доли внимания, подаренной нынешним директором театров нашей русской сцене, мы уже отнюдь не можем жаловаться, что мы по-прежнему без актрис. Перед нами теперь не только не повертывают беспрестанно одну г-жу Струйскую, подпевая ей: «Во всех ты, душенька, нарядах хороша», но мы даже актрисами, как и суфлерами, положительно далеко богаче московского театра. При таком составе, как г-жи Линская, Лядова, Читау, Лелева, Александрова, Струйская, Жулева, Левкеева, Стрельская, обе Яблочкины, Громова и Владимирова, театр не может жаловаться на недостаток женских лиц. С этим женским персоналом, распоряжаясь им беспристрастно и толковито, можно обставлять без затруднений какие угодно пьесы. Но, как хотите, в ряду всех этих

только что перечисленных нами женских лиц (в числе которых нет ни одной совершенной бесталантности, а некоторые и очень даровиты) нет все-таки актрисы, способной играть роли вроде Катерины в «Грозе» или Лизаветы в «Горькой судьбине». Ни г-жа Читау, ни Лелева, ни Струйская не могут играть драматических ролей молодых русских женщин так называемого народного типа. Это не в их средствах. Первая когда-то играла подобные роли, но то время уже ушло; и опыт показывает, что она гораздо сильнее в ролях светских женщин сильного характера, а Лелевой и Струйской подобные роли уже не подходят вовсе. А между тем роли того жанра, о котором мы говорим, пишутся, должны писаться и не могут не писаться потому, что, как говорит одно лицо в одной повести, «русские нравы покуда еще решительно отрицать невозможно». И вот эти-то именно роли г-жа Шмитгоф изучила в тонкости и играет их с мастерством, достойным внимания всякого любителя и знатока искусства.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ

Англии, которая в государственном своем благоустройстве удовлетворяет более, чем другие страны Европы, требованиям современной цивилизации и современным понятиям о государственном благоустройстве, предстоит настоящая нужда подумать о том, о чем другие государства еще не принуждены столь настойчиво думать. Благоустроенную в государственном отношении Англию бременит и точит великое экономическое зло — ее многочисленный пролетариат.

Этим наполняются все лондонские хроники и корреспонденции, и много говорить об этом, по меньшей мере, скучно и бесплодно. Разбои и мошенничества Лондона обратились в пословицу, полиция знает мошенников, знает их притоны, знает, куда они прячут и сбывают уворованное, знает, где они пропивают добытые воровством, а иногда и убийством, деньги, а между тем ничего не может сделать. Администрация довольствуется только паллиативами, радикальных же мер не принимает, потому что или считает их

невозможными, или боится их. Зло пустило уже слишком глубокие корни и держится в самом строе общественного порядка.

Во Франции, после революции, считается 9 000 000 собственников; в Англии их всего 40 000. Поземельная собственность половины Шотландии сосредоточена в руках 12 семейств! При таких обстоятельствах удивляться возрастающему развитию пролетариата, а с ним и всех преступлений, невозможно. Нет ничего естественнее, что в сердцах этих бездомных, голодных пасынков цивилизации веками накапливается чувство злобы и зависти, которое разражается самыми преступными действиями, распространяющими панику среди собственников. Здесь, в Гайд-Парке, был «Митинг бедняков Лондона». На этом митинге оборванные, испытые люди в бессвязных речах, исполненных самого злобного негодования, проклинали все достаточные классы общества, называли палату депутатов «сбродом мошенников», выражали желание войны с Североамериканскими Штатами как средства для освобождения фениев, требовали, чтобы правительство отдало им 30 мил.

акров необработанной земли, находящейся в государстве. Полиция не разогнала этого митинга. Правительство смотрело на него как на нелепость и рассчитывало, что смешная сторона этого собрания отнимет у него всякое серьезное значение. Так, конечно, и случилось, но всегда ли это так будет? Все эти вещи, как капли, долбящие камень, бьют в одно и то же место, — в несостоятельность экономического устройства Англии, и не дивно будет, если когда-нибудь они и пробьют его.

От голода и недостатков в Англии эмиграция все усиливается и усиливается. В Лондоне открыто общество «вспомоществования эмигрантам», и мысль о переселении в другую лучшую, обетованную страну волнует умы всех бедняков; они спешат в Америку, в Австралию, на Кап. Эмиграция теперь пока является, конечно, даже весьма удобным паллиативом для освобождения страны от пролетариата — но вопрос: не заключается ли большего зла в самом этом паллиативе? Чехи признавали эти выселения очень неудобными, потому что страна через них постоянно теряет тысячи сильных и приспособленных к тру-

ду рук. Кроме того, так как эмигрируют больше мужчины, то в настоящее время женское население Англии уже на целый миллион превосходит мужское. Такое ненормальное численное отношение между полами неминуемо влечет за собою очень дурные последствия, между которыми имеет место проституция, детоубийство и всяческая гадость. Число детей, уничтожаемых или в утробном зародыше, или в первые месяцы после его рождения, постоянно возрастает. Суды, которым приходится произносить приговоры над виновницами этих преступлений, не всегда могут карать их со всею строгостию закона. Обыкновенно и общественные условия, и положение подсудимой представляют столько смягчающих обстоятельств в ее пользу, что самый строгий и беспристрастный моралист чувствует невозможность строгого приговора.

* * *

В число кандидатов на последних выборах попало несколько женщин, добивавшихся объяснить в свою пользу неточность выражений в английской конституции и распростра-

нить слово «man»[46] на оба пола. Этим женщины-кандидаты старались добыть себе право входа в парламент, но попытка их не удалась. В ряду женщин, являющихся на женских митингах, заняла видную позицию некто Стилия Файчфуль (Faithfull). Эта умная женщина не заносится в своих требованиях и постоянно старается перенести вопрос на чисто практическую почву. Она убеждает женщин, что надо прежде всего добиться права заниматься некоторыми закрытыми для них до сих пор отраслями производств, а потом права располагать своею собственностью. Может быть, в России не всем интересующимся правами женщины известно, что в Англии замужняя женщина и теперь еще не вправе располагать, по своему усмотрению, собственным своим имуществом. В этом отношении английские законы стоят не только сзади наших законов, либеральнейших по отношению к праву женщины, но и позади многих других европейских законодательств. В то время, как наша русская женщина-собственница имеет право сословного выбора и не теряет его, выходя замуж, так что муж ее

может давать одному лицу избирательный шар, а она тому же самому лицу может давать шар не избирательный, в Англии замужняя женщина не только не имеет права располагать состоянием, которое она принесет в приданое мужу, но даже не вправе распорядиться, если хочет, даже тем, что она заработала своим трудом. Единственное средство женщин обойти этот варварский закон цивилизованнейшего государства — это, тотчас же при вступлении в брак, поручить свое имение сторонним опекунам, что обыкновенно и делается. Но, как это обыкновенно бывает сопряжено с большими издержками, то мера эта доступна лишь только одним людям богатым. Да, и кроме того, и при этом юридическом фокусе женщина все-таки опять сама становится в денежном отношении в такую полную зависимость от мужчины, как у нас, в России, подчиняются только дети и безумные, и то, впрочем, без различия пола. Джон Стюард Милль не может в нынешнюю сессию парламента поднимать своего голоса в пользу женских прав, потому что он за свое негодование против жестокостей англичан в

Ямайке не избран в парламент. Председательница общества женщин в Эдинбурге, г-жа Мат Ларен, сестра Джона Брайта, выразила Миллю, от имени всех членов своего общества, сожаление, что народ лишается в нем одного из лучших своих представителей, а женщины одного из лучших своих защитников. На этот адрес женщин Милль отвечал довольно сухим письмом, в котором он укорял женщин, что они, на мягкосердечие и чувствительность которых рассчитывают даже те, которые отказывают им в умственных качествах, вели себя не похвально в деле о Ямайке и стояли на стороне жестокостей бесчеловечного губернатора. Упрек этот отчасти заслужен женщинами и справедлив: действительно, женщины составляли подписки и митинги в пользу Эйра; но все-таки, несмотря на это, их еще нельзя обвинять в жестокости: они, как и большинство англичан, были введены в заблуждение слухами о жестокости черных, избивавших будто бы все белое население острова. Собирая митинги в пользу губернатора Эйра, и женщины считали его только спасителем своих братьев, а не па-

лачом людей черного племени. Вообще, прежде чем женщины успели вступить на арену политической деятельности, на их счет уже распущены некоторые нелестные слухи. Партия умеренных уверяет, что со вступлением женщин в парламент радикалам ничего не будет стоить проводить самые безумные свои планы; люди прогрессивные, напротив, убеждены, что женщина самое консервативное существо в мире. На последних выборах, когда известный реакционер Риплей, благодаря подкупам, одержал в Брадфорде верх, все кричали, что ему помогали женщины. Чтобы оправдать себя в этой клевете, брадфордские женщины устроили митинг, на котором участвовали 4000 женщин в честь избрания на вторичных выборах либерального соперника Риплея Миаля. Это фактическое доказательство сочувствия женщин либеральным идеям должно бы, кажется, убедить их противников, что женщины неповинны в том, что взводят на них. Не нам, русским, не знать того, как глухи и слепы ко всяким доказательствам те, которые, во что бы то ни стало, хотят представлять дело по-своему. Клевета и

предрассудок могучи везде, а особенно в Англии, где до сих пор боятся, как серьезной опасности, тринадцати человек за столом. — При этом, как говорят, *à propos de bottes*, [47] или «кстати о выстреле», — в Лондоне недавно умер один человек, оставивший после себя состояние в 20 000 ф<унтов> стерл<ингов>. Он заработал этот капитал следующим оригинальным способом. Человек этот, постоянно одетый солидным джентльменом, являлся во все дома, где был званый завтрак, обед или ужин и скромно осведомлялся у швейцара: не нужно ли к столу четырнадцатого? Если ему отвечали, что не нужно, он с достоинством удалялся; а когда говорили да, он входил в комнату, любезно раскланивался с хозяевами и скромно, но с достоинством же занимал за столом четырнадцатое место. После обеда этот незваный гость тотчас уходил, получив за свой труд один или два шиллинга награждения. Он занимался своею профессиею двадцать пять лет и умер 54 лет от роду.

В НОВОМ СВЕТЕ

(Из американской жизни)

Очерк развития железнодорожного дела в Америке. — Телеграфы. — Чудовищная машина. — Пресса. — Нью-Йоркская газета «Herald» и средства, которыми располагает редакция этого органа. — Ее редакторы, ее совет, ее дом, ее пароходы и прочее. — Вечный и неизменный женский вопрос в Америке. — Господство русских женщин и рабство американок. — Женщина-пастор. — Брак и сожителство. — Неудача г-жи Уокэр. — Процесс г-жи Кернс. — Трактирщики и негры. — Новые американские почтовые марки. — Нью-Йоркские богачи: их имена и доходы. — Оригинальный способ дезертировать.

Первое большое железнодорожное североамериканское общество составилось в Балтиморе в 1827 году под именем общества

Балтиморо-Огейской железной дороги. Получив от правительства концессию на сооружение названной дороги, общество это приступило к работам 4 июня 1828 года, а в 1830 начатые работы уже так подвинулись, что по первому участку, доходившему до границ Мериленда, было открыто правильное сообщение. Сначала общество не употребляло силы пара, и вагоны передвигались конскою силою. Только в двух местах, на очень значительных подъемах, пользовались приспособлением паровых машин. В настоящее время общество имеет в своем распоряжении три линии, из которых главная идет из Балтимора в Грилинг в Восточной Виргинии, а другие две ветви идут от главной в Вашингтон и Паркерсбург. Протяжение этих трех линий равняется 513 английским милям; на них имеется до 243 локомотивов и 3 613 вагонов.

Локомотивы введены в употребление только при постройке второй железной дороги, от Мосовна до берегов Гудсона, именно в 1830 году. С того времени число линий железных дорог так увеличивалось, что через пять лет правильное сообщение установлено было

на протяжении 1 098 английских миль. Скоро замечено было, что новое предприятие вознаграждается хорошо, и, вследствие этого, к устройству железных дорог устремились громадные капиталы.

В 1836 г. было построено 175, в 1837 — 224, в 1838 — 416 английских миль железных дорог. Движение по линии между Нью-Йорком и Филадельфиею открыто в 1837 году, между Бостоном и Альбани в 1841; между Альбани и озером Эрио в 1842 году. В этом же году, кроме того, открыта была линия, по которой доставлялся каменный уголь из внутренних провинций Филадельфии. Несмотря на такую оживленную деятельность в деле сооружения железных дорог, сумма всех американских линий равнялась в 1848 году только 6 196 английским милям. Открытие золотых россыпей в Калифорнии дало новую жизнь железнодорожному делу в Америке. Ежегодная добыча в Калифорнии 50 миллионов долларов имела, конечно, непосредственное влияние на все стороны американской жизни, и количество миль железных дорог увеличивалось ежегодно. В 1849 г. построено 1 369 англий-

ских миль, в 1867 году число их достигло 39 444 английских миль.

Средним числом в Америке ежегодно прибавляется 2 227 миль железных дорог.

Стоимость железных дорог в Североамериканских Штатах можно считать по 41 000 долларов за милю. В южных штатах миля обходится в 30 000 долларов, в северо-восточных 40 000 долларов, а в средних штатах, где отроги Аллеганских гор представляют значительные препятствия для сооружения дорог, стоимость английской мили доходит до 53 000 долларов, в западных — до 30 000 долларов. Постройка всех 39 444 миль американских железных дорог должна была обойтись Новому Свету в один миллиард 617 миллионов долларов, но по отчетам железнодорожных обществ эта сумма равняется только 75 процентам употребленного ими капитала.

Еще труднее выразить в точных числах ежегодный чистый доход здешнего железнодорожного дела. Самые лучшие статистические данные этого дела в Америке не идут дальше общих определений, которых нельзя с точностью ни опровергнуть, ни доказать, но

которые, тем не менее, в большей части случаев далеки от истины. Судя по этим данным, в 1867 году чистый доход с линий Массачусетса и других северных штатов доходил средним числом до 12 927 дол.; в штате Нью-Йорке до 15 000, а в Пенсильвании до 12 600 доллар<ов> с мили. На западе главные дороги дают от 10 000 до 16 000 дол. за милю, дороги Питсбурга, Форт-Уайна и Чикаго 15 644; Чикаго, Бурлингтона и Квинци 15 218, Клевеланда, Пенвилля и Астабулы 19 247, а центральная мичиганская дорога 15 000 доллар. с мили. Чистый доход с восточных, средних, западных дорог и дороги к Тихому океану определяется в 1 000 долл. с мили. Итак, чистый доход с 29 146 миль этой части штатов составляет 291 460 000 доллар. Южные штаты, имеющие 10 000 английских миль дороги, считая по 5 000 долл. с мили, имеют чистого дохода 50 миллионов долларов.

По этим же данным на каждую милю приходится по 2 000 тонн груза, а, следовательно, в целом 78 880 000 тонн, включая сюда и 15 милл. тонн угля, привозимого из Пенсильвании. Принимая плату за провоз 48 000 000 по

150 долл., мы получим сумму в 7 333 миллиона, превышающую в семь раз основной капитал американских железных дорог.

* * *

Не менее громадные цифры поражают нас относительно развития телеграфных сообщений в Америке. Двадцать лет назад, в 1848 году, телеграфная проволока протянута была на расстоянии 12 000 английских миль; в 1858 г. число миль возросло до 40 000, а в течение прошлого года в Северной Америке телеграфная проволока действовала на протяжении 120 000 английских миль. Если предположить, что телеграфные линии будут возрастать в такой же пропорции и в текущем году, то к 1870 г. американцы будут иметь в своем распоряжении 250 000 миль телеграфной проволоки. И теперь уже каждый большой тракт и каждая линия железной дороги уставлены целым лесом телеграфных столбов. Но дальнейшему развитию этого средства к умственному сообщению представляется важное препятствие: опыт показал, что увеличение числа проволок на одних и тех же столбах ослабляет действие электрического тока, и, кроме

того, покрытые многочисленными проволоками столбы представляют больше поверхности для порывов ветра и потому чаще опрокидываются бурями, особенно, когда проволока покрыта снегом или льдом. Следовательно, увеличивая число проволок до бесконечности, нельзя не увеличивать в то же время массы указанных неудобств. Впрочем, это неудобство можно устранить другим способом. Правда, что скорость нынешних сообщений не может быть увеличена при нынешней системе передачи депеш, потому что лучший телеграфист передает в час не больше 2 000 английских слов, другие передают еще меньше. Скорость сообщения много могла бы выиграть посредством сокращения слов. В Англии уже сделано несколько попыток заменить некоторые часто употребительные слова известными знаками и сокращать повторяющиеся выражения. Но в Америке, где телеграф передает целые журнальные статьи, это едва ли будет возможно. Вообще американская пресса пользуется услугами многих изобретений новейшего времени, так что уже одна механическая сторона прессы представ-

ляет много любопытного и диковинного.

* * *

В Нью-Йорке между Nassau-street и Williams-street в Spruce-street помещается скоропечатная паровая машина, которая занимает весь подвальный этаж огромного здания. Машина эта в 150 сил и работает целый день; ночью ее заменяет другая машина в 75 сил. Из этого центра посредством передаточных канатов, проведенных по трубам, движение сообщается по многоразличным направлениям. Одна из труб идет в типографию газеты «Mail» и других газет через Frankfurt-street; другая труба проведена через Williams-street, где канат приводит в движение шестицилиндровый станок, на котором печатается «New-York Ledger», любимейший американский беллетристический журнал. Еще одна трубка через Beckman-street идет в Ann-street, где приводит в движение несколько печатных станков. Таким образом эта паровая машина одна движет в нескольких типографских заведениях ни более, ни менее как 125 печатных станков. Длина главной трубы, по которой идет передаточный канат, равняется $\frac{3}{4}$

английской мили, а от нее идут несколько боковых труб, составляющих в общей сложности гораздо больше английской мили. Один из проходящих по этим трубам передаточных канатов, каучуковый, имеет 120 футов длины: он приводит в движение в Nassau-street станок, помещающийся в пятом этаже, и соединяет его с главным зданием в Spruce-street. Другой ременный канат в Beckman-street, длиною в 140 футов, действует совершенно перпендикулярно: он соединяет станок подвального этажа с станком верхнего этажа.

* * *

Американская пресса, пользуясь такими удобствами, как телеграф и подобные чудовищные машины, выпускает в свет невероятное множество печатной бумаги. В Северо-Американском Союзе число периодических изданий доходит до 5 102. Ежедневные политические газеты составляют три четверти этого количества изданий, и из них 299 издаются в одном Нью-Йорке. Затем самое большое число выпадает на долю Филадельфии, а именно 122, потом в Бостоне 93, в Сан-Франциско 88, в Цинцинате 44, в Сен-Луи 35, в Но-

вом Орлеане 21 и т. д. Из этого числа газет и журналов 190 выходят на немецком языке, 42 на французском, 11 на шведском, 6 на испанском, 5 на голландском, 3 на итальянском и, наконец, в Сен-Луи издается 1 богемская газета «Národní noviny». Теперь в проданных Россией бывших русских американских владениях есть уже и русская газета, знакомая, конечно, с такою свободою, о какой ни одно издание, выходящее на русском языке в России, не смеет еще и пылкою мечтою уноситься. К сожалению, эта русская газета ничтожна по очевидной бездарности и бессилию ее редакции, но при свободе, конечно, иногда почти что из ничего возрастает и сила, и смысл, и разумение, тогда как у нас на днях наша бедная карикатурная «Искра» так и загасла, думая все, что весь ее долг и призвание заключались в том, чтобы дергать перед публикою, как марионеток, десяток полуголодных людей, обрекших себя на неблагоприятнейшую в России литературную карьеру. Вообще русская газета в Америке еще в зародыше, и мы можем только интересоваться, разовьется ли этот зародыш на американской свободе, как

газета чешская и итальянские, или наших соотечественников, перешедших в собственность Америки, совсем привьют и приколируют к своему корню наши американские братья? *Tous est possible dans la nature!*[48]

Самая значительная из американских газет, без сомнения, «New-York Herald». По тщательности, с какою эта газета издается, и по влиянию, какое она имеет на все оттенки американских партий, равно как и по необыкновенному распространению ее, она может справедливо называться первою газетою в мире. Нынешним своим положением «Herald», помимо многих условий, обязан баснословным издержкам, которых он не жалеет для того, чтобы всякая даже маловажная новость появилась на его столбцах прежде, чем в какой бы то ни было другой газете. Но зато и цены за объявления в этой газете необыкновенно высоки; за обыкновенную строчку берут 1 доллар и 20 центов, и ежедневный доход газеты с объявлений средним числом полагают от 3000 до 5000 долларов и более.

Дворец газеты «Herald», где помещаются редакция и конторы газеты, находятся в са-

мой оживленной части Бродвея, на углу площади City-Hall и Ann-street. Весь нижний этаж этого громадного здания состоит из одного огромного зала, который занимает администрация газеты. Деревянная в восемь футов вышиною перегородка разделяет эту исполинскую комнату на две части, из которых передняя установлена изящною мебелью и принадлежностями для письма, предназначенными для публики, имеющей надобность до редакции. Лица из публики сносятся с редакциею через посредство шестнадцати особых людей, сидящих в этой же зале по той стороне перегородки у шести окошек. Через три из этих окон передаются объявления для напечатания; у четвертого идет подписка («subscribing») на газету, у пятого продаются готовые нумера, и, наконец, у шестого передаются разного рода письма. Из этой административной залы широкая лестница ведет во второй этаж, в котором помещается редакция.

Весь второй этаж разделен стеклянными стенами на небольшие комнаты, различные департаменты редакции. На стороне здания,

обращенной на Бродвей, находятся три большие рабочие кабинета господ Бенне (отца и сына), главного редактора, мистера Путмона, и конференц-зала, где обсуждаются вопросы, требующие общих соображений всех членов редакции. Каждый день, в час пополудни, в конференц-зале собирается редакционный совет, состоящий из главного редактора Путмона и двенадцати других редакторов, под председательством одного из них, г. Бенни.[49] На редакционном совете обсуждаются различные события дня, присутствующие обмениваются взглядами на обсуждаемые предметы, и затем, после долгих переговоров, председательствующий, резюмируя выяснившиеся в заседании взгляды, определяет отношение журнала к каждому данному событию или вопросу. Оттого здесь и есть то единство духа и направления, какого тщетно добиваются многие русские газеты, одержимые пляскою св. Витта.

Кроме того, в доме газеты есть, разумеется, библиотека, состоящая из 10 000 до 12 000 томов (большею частью историческая, статистическая и вообще научно-справочная).

Книжные шкафы этой библиотеки имеют 18 фут<ов> в высоту, и для того, чтобы достать до верхних полок, вокруг шкапов сделана легкая железная галерея, на которую ведет витая лестница, устроенная посреди залы.

Каждый отдел газеты имеет по несколько отдельных редакторов и каждый редактор свою особую контору. Так, отдел иностранной политики распадается на 4 отделения с различными редакторами в каждом. За политическим департаментом газеты следует ее морской департамент, потом телеграфный, на котором работают 6 редакторов. Дальше идут департаменты изящных искусств, музыки и наук, из которых последний также распадается на три отделения. Департамент городских новостей имеет в своем распоряжении 32 корреспондента, из которых 14 живут в различных частях Нью-Йорка, а остальные в предместиях до Коннектикута и Трентона в Нью-Джерсее. «Herald» имеет почти в каждой городке собственного корреспондента, из которых каждый всякий вечер присылает в газету по телеграфу известия, что есть нового в его городе. Все это стоит огромных денег. В 1868 г.

издержки газеты «Herald» на одни специальные депеши простирались до 76 000 долларов, но все это нимало не страшит и не затрудняет могучую редакцию так мастерски поставившей себя газеты.

Кроме того, редакция «Herald» имеет два собственные легкие парохода, которых все единственное назначение и занятие состоит в собирании известий о пришедших в гавань судах и скорейшем доставлении писем и газет с судов, еще не вошедших в гавань.

Взявши в соображение все нужные для такого издания издержки, никто не удивится, если мы скажем, что, несмотря на 65 000 ежедневно продающихся экземпляров и столько же недельных выпусков, несмотря на колоссальный сбор с объявлений, «Herald» до сих пор еще получает чистого дохода меньше всех других газет, выходящих в десять раз меньшем количестве экземпляров.

Какая жалкая мизерия, сравнительно со всем этим, дела и средства больших европейских газет и особенно наших многострадальных русских газет?! В Петербурге еще в самое недавнее время, а у других и до сей поры

только четыре тысячи подписчиков считалось вождеденным числом, при котором, конечно, хотя нельзя содержать пароходов, но можно, по крайней мере, нанимать рассыльных по-русски, потихоньку спешащих ежедневно обтаскать с корректурами цензорские жилища. Какую грустную и терзающую картину выдвигают эти сравнения!..

* * *

Говоря об Америке вообще, нельзя обойти молчанием и женского вопроса, который совсем уже получил право гражданства и в американском обществе, и в здешней прессе. Да и следует, чтобы здесь этими вопросами в самом деле занялись, потому что иначе срам знать и рассказывать, что за жалкие права дарит свободная республика своим свободным дочерям. Нашим русским соотечественницам, среди которых, конечно, немало лиц, восхваляющих свободу американской женщины, разумеется, едва ли известно, что каждая русская женщина не только без сравнения полноправнее всех других европейских женщин, но точно так же и гораздо полноправнее гражданок величайшей республики

Нового Света. Между тем это совершенно верно. Американские женщины лишены многих существенных прав, об оспаривании которых у женщины никто и не думал: так, напр<имер>, женщины в Америке не могут иметь независимой собственности, не могут распоряжаться недвижимым имуществом без согласия мужа, расписка женщины в получении денег не имеет никакого значения, если ее не признает муж, тогда как муж, наоборот, может получать за жену деньги, ею самою заработанные. Муж наследует после жены все ее имущество, наоборот жена наследует из имущества мужа только половину. Духовное завещание, сделанное мужчиною, всегда имеет силу, между тем как духовное завещание женщины действительно только тогда, когда сделано с согласия мужа. Даже посмертная воля женщины не уважается, и она лишена этого утешения! Даже по отношению к женщине закон принимает как бы обратную силу, что, как известно, противно духу законодательства. Хотя бы духовное завещание женщины было ею сделано до замужества, оно все-таки недействительно, если она вышла

замуж; для действительности его в последнем случае тоже необходимо согласие мужа. В Калифорнии, правда, женщинам предоставлены некоторые несколько большие права; но что это за права? Это срам, позор и бесчестье!.. После Бог весть каких хлопот американские женщины добились, что они, наконец, в Калифорнии могут самостоятельно работать и иметь независимое состояние, которое, впрочем (новый позор), не должно превышать 5000 долларов и может только заключаться в домашних принадлежностях. Понятно, что при существовании таких варварски-стеснительных законов для женщин несчастные гражданки Соединенных Штатов постоянно стремятся создать себе новое положение, и вот обиженные правом в браке женщины Соединенных Штатов издавна уже выглядывают жизненного пути, не подводящего под брачные арки, где налагаются цепи тягостной и унижительной неволи. Отсюда великое число женщин, усвоивших себе медицину и другие различные практические знания. — Тягости брачных законов в этом случае сыграли очень много и, вероятно, доигра-

ют остальное.

* * *

Недавно г-жа Фебе А. Ганнафорд в Массачусетсе избрана даже пастором, после чего она посвятила в сан пастора одного мужчину, причем девица Браун исполняла должность ризничего; все это делалось на том основании, что в «религии Христа» нет ни цехов, ни каст, ни полов. Девица Беккер, знаменитая защитница женских прав в Англии, недавно заявила в публичном собрании, что «половые различия не распространяются на мозг и что способность к мышлению развита одинаково у обоих полов».

* * *

В Калифорнии более всего внимательны к тому, чего добиваются женщины, или, лучше сказать, к тому, чего они вынуждены добиваться. Так, здесь, наконец, уже признано, что простое, но прочное и верное сожителство мужчины с женщиною следует считать законным браком и что в случае, если такая пара разрывается, то женщина имеет право на обеспечение, а дети от такого союза считаются законными, как и от брака церковного.

Здесь легко расторгимые браки в одно и то же время так тягостны и так непрочны; что кредит церковного брака тут стоит чрезвычайно низко и едва ли даже не совсем уже подорван. Неразрешимость, несносная в браке, как только отменяется, так брак становится фикцией, к которой серьезный мужчина, как и серьезная женщина уже не хотят и обращаться. В Америке разведенных супружеств нет числа и меры. Это какая-то сеть перекрестного супружества. Если обратить внимание на цифру процессов по бракоразводным делам, можно подумать, что в Америке даже вовсе нет и тени семейного счастья. Но дело вовсе не так дурно, как может казаться; там, где число мужчин далеко превышает число женщин и где развод так легок, подобное явление в значительной мере объясняется иными условиями. Конечно, суд и здесь все-таки не разрешит развода без всяких оснований, по одному лишь заявлению о желании разойтись, и здесь скажут, что это не резон, что вы друг другу разнравились: сочетались, так и живите. Но если бы одна из состоящих в браке сторон стала неотступно доби-

ваться развода, то ей будет не особенно трудно найти и адвокатов, и свидетелей засвидетельствовать поступок, дающий право на развод, и все это будет стоить не больше шестисот, семисот долларов. Женщины нередко предпочитают и такой развод подвенечной кабале с немилым мужем, а мужчины, как один раз уже рассказывалось в «Биржевых ведомостях», не пренебрегают даже наемными шпионами и клеветниками, которые соглашаются обнести женщину клеветою и лжесвидетельствовать на нее, дабы муж мог через то освободиться от брака с оклеветанною, повенчаться с другою, а там в свою очередь освободиться и от этой! Ко всему этому разве остается присовокупить, что «защитницы женских прав» к декабрю месяцу нынешнего года приготавливают большую национальную «женскую конвенцию», местом для которой избран вашингтонский Капитолий. Прокламация, взывающая к женщинам по этому поводу, гласит следующее:

«Встаньте, американские женщины! Пробудитесь от сна. Вооружитесь и требуйте вольностей, на которые вы имеете право! На-

стойте, чтобы вам дали право голоса! Завоюйте себе уважение политиков! Реформируйте законы! Матери, жены, сестры и дочери, не упустите случая собраться в декабре к Капитолию, в Вашингтон».

Но в это же самое время, к которому созываются женщины, в главном союзном городе соберется конгресс, который едва ли уступит женщинам место, несмотря на все внешнее уважение к женщинам, которым американцы славятся между мужчинами всего Старого Света. Очень будет интересно, уступят ли вежливые янки пороги крыльца женщинам, когда уступка эта нужна будет в случае, превосходящем обыденную вежливость.

* * *

Известная американская эмансипированная женщина Уокер, которая хлопочет о том, чтобы женщинам предоставлено было право занимать всякие должности, недавно явилась к министру иностранных дел Союза и просила у него свободное в настоящее время место секретаря при американском посольстве в Мадриде; но получила от министра отказ. Впрочем, министр соглашался внести в мини-

стерство просьбу г-жи Уокер, если бы она представила при ней согласие американского посла в Мадриде. А вот и еще факт сочувственного отношения общественного мнения к женщинам в Америке. В Сарфорде Мирет Кернс обвинена была в том, что убила своего любовника, который обещал на ней жениться и потом, как водится, обманул ее и бросил. После продолжительного судебного заседания по делу об этом убийстве присяжные объявили Кернс не виновною и освободили от суда. Кроме того, до суда против Кернс не было принято никакой меры, она не была арестована и свободно жила в одном из городских отелей. К заседанию суда Кернс была приглашена одним из галантных и отличающихся любезностью шерифов, который сопровождал ее в тот же отель и после суда. В залу заседания она являлась обыкновенно в белом платье в сопровождении того же шерифа, который любезно подвел ее к скамье обвиняемых и оставил ее здесь с почтительным поклоном. На прогулке, в отеле и везде, где эта женщина ни появлялась, она составляла предмет величайшего внимания и симпатии, а после

оправдания ее присяжными почетнейшие лица города сделали г-же Кернс визит, а вечером ей и защитившему ее адвокату дана была серенада. Так умеют в американском обществе не отделять факт преступления от мотивов, которые вели человека к преступному действию, и в совокупности их видеть, сколь мелок факт караемого законом преступления с фактом злодейства, защищаемого лицемерною фарисейскою моралью: «Мужчина жил с женщиною, бросил ее, встретя другую, более интересную». — Это не преступление, за это не судят, этого не поставят даже наравне с пощечиною, данною в азарте или в запальчивости, и только в одной лишь Америке серьезно поймут и (что гораздо важнее) серьезно почувствуют, что быть брошенною человеком, которому женщина отдала свое доброе имя и на которого возлагала свои драгоценнейшие надежды, — что это для нее во множестве случаев хуже, чем быть им зарезанною тупою бритвою. — «Быть брошенною мужем — горе, быть брошенною любовником — отчаяние», говорит американская поговорка, и общество американское чувствует всю роковую спра-

ведливость этих роковых для женщины слов и заступает за нее, если ее бросят.

* * *

Не так счастливы американские негры. Хозяева некоторых гостиниц объявили, напр<имер>, что не желают видеть негров за своими столами, иначе как в роли кельнера и вообще прислуги. Конечно, негрофилы вознегодовали на это, но в утешение негров не нашли ничего другого, как напечатать в «Journal of Commerce» следующую тираду, направленную против трактирщиков: «Эти господа (то есть трактирщики) и их прислуга не только не лучше обходятся и с белыми; тому, кто только на несчастье не понравится им, они без церемонии отказывают в гостеприимстве, и если бы таким образом обиженные господа захотели поднимать из-за этого шум, то Нью-Йорк был бы свидетелем многих жарких дел».

* * *

В заключение — небольшой, но любопытный образчик американского патриотизма. Североамериканское правительство выпустило новые почтовые марки десяти различных

цен, в 1, 2, 3, 6, 10, 12, 15, 24, 30 и 90 центов. На первых трех изображены головы Франклина, Вашингтона, Линкольна, на двух других американский щит и орел, потом на одной верховой почталион, на другой локомотив и на третьей пароход в открытом море; на остальных двух высадка Колумба и состав комитета, подписавшего объявление о независимости Союза.

* * *

Понятие о благосостоянии американских городов дает нам недавно опубликованное расписание налогов города Нью-Йорка. Между лицами, которых доход превышает 100 000 долларов, фигурируют имена А. И. Стюарта, который получает дохода 3 015 000 долларов, Елиаса С. Гиджинса — 431 000 долларов, И. А. Бенедикта — 311 000 дол., Гарвеа Фисна — 280 000 дол., Мозес Тэйлор — 279 000 дол., А. С. Гитча — 278 000 дол., В. Е. Додяна — 221 000 дол., И. Г. Бенета (собственник газеты «Herald») 186 500 дол., редактор Баннер (собственник газеты «Ledger») 184 000 дол., Л. Д. Монико, знаменитый ресторатор — 126 000 дол., Б. Шлезингера — 119 000 дол. и многих

других.

* * *

И, наконец, еще одно слово про курьезный случай, характеризующий американские изобретательность и нравы. В Канаде перед полицейским кингстонским судом недавно один американец был обвинен в том, что содействовал бегству артиллериста. Изобретательный пособник дезертира запаковал в большой ящик и отправил на корабле его на мыс С<ент> Винцента. На ящике было написано «стекло», но когда груз прибыл по адресу, таможенный чиновник вскрыл его — и сами можете себе представить его удивление, когда перед ним из ящика встал живой, немножко помятый от дороги, но все-таки здоровый солдат в артиллерийском мундире!

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ

Парламентское здание и его лабиринт. — Механизм парламентских прений. — Как здесь дают голоса ораторам, и как одному оратору содействуют, а другого топят. — Спикеры и уипсы. — Могучие средства и влияния последних на ход заседаний и судьбы парламентских битв. — Всякий ли из желающих говорить в парламенте получает слово, и столько ли он говорит, сколько желает? — Меры привлечения на министерскую сторону нерешительных, индифферентных, шатких и упрямых. — Электричество, красноречие, вино и сигары уипсов. — Их жалование и таинственные суммы бюджета. — Как задерживают заседание и как его прекращают? — Лондонские развлечения. — Скачки Дерби. — Умереннее ли английская чернь нашего рабочего народа? — Член библейского общества среди оргий. — Новое изобретение, после которого нечего бояться утонуть.

С тех пор, как некрасивые и непрезентабельные дома, окружавшие Вэстминстер-Голль снесены и заменены красивой по-

золоченною решеткою, площадь перед зданиями парламента превратилась в обширнейшую и роскошнейшую из площадей, которая служит достойным преддверием английского парламента. Парламентское здание — это колосс между зданиями: лабиринт его так велик и труден, что даже ни один из местных парламентских членов не вступал в него без ариадниной нити в лице проводника. Есть легенда, что будто один из рабочих, работавший там целые годы, однажды заблудился в этом лабиринте, и его нашли через несколько суток изнемогающим от голода. Еще сложнее и запутаннее умственная жизнь, средоточием которой служат эти стены. Не многие мудрецы в Англии в состоянии объяснить самим себе все тайны парламентской жизни. Главный ключ к этим тайнам носят в себе whips. Об них почти никогда не упоминают в наших газетах, и весьма многим на Руси, вероятно, вовсе не известно о существовании этого парламентского уряда, а между тем эти уипсы играют в английском парламенте очень важные роли. От них часто зависит вся судьба министров и самых важных мероприятий.

Без их совета и содействия никто ничего в парламенте не обделает: вся тактика министерства и партий им известна, ораторы от них не независимы, речи их и их длина — все это находится в неотразимой зависимости от этих предводителей парламентской борьбы. Но об этом знают далеко не все, кому даже близко знакомы сокровеннейшие истории борьбы известнейших парламентских борцов и их партий. Дело в том, что уипсы эти в некотором смысле циклопы, — властная деятельность их производится вне всякой доступности очам стороннего наблюдателя: они работают втихомолку, и все, что они делают и что сделают, всегда покрыто тайною. Только одни лишь вожди партий посвящены в эти тайны и то лишь отчасти: они знают пружины, но законы их действия и для них часто остаются секретом. Мероприятия и средства уипсов так же многочисленны, загадочны, спутаны и перепутаны, как сбивающий с толку лабиринт парламентского здания, а может быть, и гораздо более. При видимом сходстве и однообразии — бесконечная разница значений в самых неуловимейших нюансах. Этих

великих магов и волшебников при парламенте немного: в сущности, здесь всего только четыре уипса, два, состоящие на жаловании у правительства, и два, состоящие на службе у оппозиции. Иногда, глядя по работе, они берут себе помощников, но им нелегко находить себе помощников, потому что качества, которыми должен обладать человек, идущий править дело уипсов, редко соединяются в одном лице. От такого человека требуется утонченнейший такт, сдержанность, знание света и людей, уверенность в собственных силах и неусыпная бдительность. Кроме того, не у всех, обладающих приведенными качествами, есть столько самоотвержения, чтобы работать весь век втихомолку, безмолвно и тайно, рабски повиноваться старшему и ниоткуда не ждать никакой похвалы своим трудам и талантам. Потому-то уипсов и дорого ценят и берегут. Во время парламентской борьбы уипсы берут на себя роль адъютантов партийных вождей, которые без них никогда не в состоянии были бы определить себе вполне всего поля сражения и сообразить свои силы с силами противников. Они явля-

ются в одно и то же время посланниками и дипломатами, герольдами и уполномоченными парламентских партий. Они решают не только вопрос о том, кто будет говорить, но и о том, кому из ораторов сколько времени позволять говорить? У консервативного уипса записано, может быть, до 30 ораторов, у либерального мистера Глина не менее, если не более. Неужели всем им дать говорить и говорить вволю, кто сколько хочет? Но это невозможно! Этак ничто никогда не выяснится, и заседание никогда не окончится. Говоруны народ ужасный — и кто имел неленостный досуг терять когда-либо свои часы в беседах русского Вольного экономического общества или еще лучше в Политико-экономическом комитете нашего Географического общества, где говорит академик Безобразов, или в Художественном клубе, где читали старые вещи артистка Читау и новую дребедень писатель Соловьев, тот может понимать, что такое иногда значит слушать.

*Я бы их охотно слушал,
Если б мне чужие уши!*

Одним словом — могут убить человека, или, по крайней мере, значительно отравить его жизнь, а дела никакого не скажут, и вот, чтобы этого не было или чтобы это, по крайней мере, случилось как можно реже, есть уипсы. Уипсы обеих партий перед открытием заседаний вступают друг с другом в переговоры и решают, сколько времени прения должны продолжаться, например, не более трех или четырех ночей. Затем уипсы приступают к выбору ораторов: второстепенные и третьестепенные ораторы ими без всякой церемонии обрекаются на молчание. Тщетно перед закрытием прений за несколько минут до полуночи двадцать или тридцать таких обреченных на молчание несчастливцев, всегда одерживаемых маниею говорить, подскакивают, приподнимаются, встают и жаждут слова, чтобы пустить потоки давно сдерживаемого ими и томящего их красноречия... Крики: «На голоса! на голоса!» заставляют этих членов парламента снова спокойно сесть на свое место и шептать свою речь самому себе мысленным шепотом. Благодаря стараниям уипсов, голоса в пользу немедленной воти-

ровки беспощадно одерживают верх — и прение кончено.

Но уипсы решают не только, кто будет говорить, но и в каком порядке должны следовать один за другим друзья и недруги. Какой-нибудь опасный противник министерства заявляет, что он намерен произвести на него нападение в такой-то вечер. Кого выставить против него? Конечно, надо поставить против него борца, равного ему по силам. Уипсы решают, кто ему должен возражать, и тогда, хотя бы целые десятки консервативных посредственностей домогались поломать копыя за министерство, ретивость их не получит приложения, и будет говорить только способный, выбранный уипсами оратор. Так уипсы распоряжаются членами парламента с некоторым обидным самовластием, и члену парламента, не известному своими ораторскими способностями, редко, редко уже при особой с его стороны настойчивости и домогательстве удастся захватить себе слово, да и то дадут ему говорить в обеденное время или же по вопросу, не возбуждающему общего внимания, — что все равно, что говорить пе-

ред пустыми скамьями.

Как ни щекотливы и трудны перечисленные нами обязанности уипсов, они далеко еще не исчерпывают всей их деятельности; у них остаются задачи еще потруднее. Они служат посредниками между министром-президентом и оппозицией. Министру-президенту нередко приходится опасаться, чтобы красноречие ораторов оппозиции не перетянуло на свою сторону большинства. В таком критическом положении и сам министр-президент обращается к уипсу. Уипс знает всех парламентских друзей и недругов и ведет интригу. Он отыскивает среди последних наиболее податливых и вместе с тем наиболее влиятельных и предупреждает их, что первый министр намерен внести предложение в таком-то духе, благоприятном целям оппозиции, и что потому в интересах самой оппозиции не надобно ослаблять министерство слишком рьяными нападками на это предложение, так как оно вслед за тем намерено внести такие-то предложения (которые оппозиции на руку). Относительно людей шатких, как и нейтральных, голос которых имеет зна-

чение только во время голосования, употребляется иная тактика. Тут уипс только просит первого министра публично раскланяться в коридоре с каким-нибудь нейтральным Брауном, колеблющимся Джонсом или честолюбивым Робинзоном, осведомиться об их здоровье, об урожае на хлеб или картофель. Молодой и стремящийся составить себе карьеру Робинзон вдруг слышит у себя за спиной толки о том, как лестно отозвался о нем первый министр, и у него ушки на макушке, и он весь раб и покорный слуга министра. На иных же, матерых Булей, которых ничто такое не берет, действуют через их жен. До супруги которого-нибудь из этих непокладливых господ вдруг доходят таинственные слухи, что министр намерен пригласить ее вместе с ее поблекшими дочерьми на первый бал, который даст, а к этому какая же леди равнодушна? Она употребит все силы оберегать мужа от всех увлечений, которыми тот мог бы прогнать премьера. Так дела и делаются различными скромными, дипломатическими путями. Но есть у уипсов еще труднейшие задачи — это, например, содержание живых сил

боевого строя своей партии наготове и в порядке. Выполнение этой задачи гораздо труднее, чем кто-нибудь может подумать. Большинство членов отличается таким убийственным равнодушием, что предпочитает постоянно блеснуть своим отсутствием, ссылаясь в крайних случаях для обезоружения своего уипса на какие-нибудь страшные болезни. Когда в парламенте ничто не нарушает мирного течения дел, уипсы машут на них рукою, но, когда от исхода прений зависит судьба министерства, уипсы все поднимают на ноги. На мнимо больных они действуют через посредство влиятельных соседей, честолюбивых соблазняют надеждою на получение места, охотников до развлечений — каким-нибудь неслыханным празднеством. Деятельность их не ограничивается, однако, этими мнимо-больными. На решительных голосованиях должны присутствовать и действительно больные, если только они не умирают. Им предоставляются все удобства сообщения, купе первого класса, мягкие кресла на колесах и проч. При внесении билля о реформе министерства Росселя—Гладстона три года

тому назад либеральный уипс Бранд превзошел самого себя в этом искусстве собирать свою партию. В палате появились члены, которых никто не видал в течение целого десятка лет, престарелые старцы, подагрики, паралитики в креслах, больные, обложенные подушками, калеки на костылях наполнили ряды либеральной партии. Консерваторы, с своей стороны, не ударили лицом в грязь, так что почти все 650 членов подали свой голос. Никогда еще палата не бывала в таком полном составе, как в эти достопамятные дни.

Немалых хлопот тоже стоит уипсам и собрать заседание, и продлить его до известного часа и минуты.

Заседание может состояться только при 40 членах; если к 4 часам их не оказывается, заседание на этот вечер откладывается. Конечно, подобные случаи редки, но все-таки они бывают, а как раз оппозиции или министерству в этот вечер надо чего-нибудь добиться.

Стоит тому или другому уипсу пожелать, чтобы заседание состоялось, и он уже устроит его.

Из парламента идут телеграфные проволо-

ки во все клубы и части города. Помощию этих проволок уипс сзывает необходимых ему членов, привычки и образ жизни которых ему как нельзя лучше известны. Часто случается, что в пустую залу нижней палаты, по которой печально расхаживают какие-нибудь 15–16 человек, вдруг с первым ударом четырех часов появляются со всех концов до 30 и до 40 членов «спасителей», и заседание составляется. Нередко, однако, для сбора манкирующих членов красноречие и электричество оказываются недостаточными, и более решительное действие оказывают доброе старое вино и превосходные сигары, на которые уипс пригласит, да кстати усадит и поприсутствовать в заседании. Уипсы получают за свою шестимесячную службу тысячу двести фунтов жалованья. Это, конечно, не Бог весть как много, но и не мало. А скупиться уипсу нечего, потому что ему предоставлено право черпать, сколько угодно, из фигурирующих в бюджете таинственных «сумм на необходимые издержки».

Таким образом уипсы устраивают заседания. Посмотрим теперь, как им удастся дер-

жать заседание до нужного по их расчетам срока. Положим, что какие-нибудь важные для партии уипса прения грозят окончиться тремя часами ранее, чем ожидали, так что отсутствующим главным ораторам, которые рассчитывали говорить еще не ближе, как часа через три, не придется и вовсе ударить на врагов своей партии. Палата почти пуста, маленькие огоньки красноречия догорают, на министерской лавке какой-нибудь одинокий член министерства тщетно борется с одолевающим его сном. Уипсы с беспокойством замечают, что плохенькие ораторы кончили ранее, чем на них рассчитывали, и прения грозят умереть от истощения сил. Почти все члены палаты разбрелись по ближним и дальним ресторанам и клубам, а до их возвращения невозможно допустить вотировки. Судьба вопроса висит на волоске, и в самом деле есть отчего прийти и в страх, и в отчаяние. Но находчивость уипсов неистощима. У них есть всегда про запас двое или трое депутатов, обладающих силою красноречия сорока пасторов и способностью неистощимого словоизвержения, перед которыми мог бы спасо-

вать и г. Безобразов. Уипсы немедленно отправляются за этими речистыми подставами, взводят их на ораторскую трибуну и заставляют оттуда фактически доказывать миру, что за отсутствием идей можно очень долго пробавляться, одними словами. Часа два или три продолжается это переливание из пустого в порожнее, а тем временем гонцы летят, телеграммы рассылаются по всевозможным клубам и другим увеселительным местам, где предполагаются в это время нужные члены палаты. У какой-нибудь герцогини бал, — член на бале и располагает веселиться, но уипс без жалости тащит его оттуда, и член покоряется. Чарующие звуки в опере тоже теряют свою чарующую силу, как только посланник уипса является на пороге ложи. Всеведующие уипсы знают, где найти каждого члена в любой час ночи. И вот нужные члены отысканы, и, как бы по мановению волшебного жезла, замиравшие прения вдруг оживляются. Денди являются толпами в черных фраках и белых перчатках, вздыхая о покинутой бальной зале. На министерской скамье все места заняты. Запасные ораторы напрасно си-

лятся продолжать свое переливание из пустого в порожнее, — целый взрыв свистков их прогоняет немедленно. Первый министр и вождь оппозиции готовы сразиться. Палата в волнении, и напряженное ожидание придает оживленное выражение даже лицам самым тупым и неподвижным. Понятно, что такое кипение деловой жизни сообщает и людям, и нравам их тот деловой характер, которому у нас многие так искренно завидуют, глядя на родное беспрестанное слонянье из угла в угол, благодаря которому развиваются характеры рыхлые, сантиментальные и слабые, и в жизни господствуют и царят пересуды и сплетни, заменяющие собою серьезные заботы, достойные мужчины.

Величайшим из событий английской палаты общин за последнее время были прения об уничтожении государственной церкви в Ирландии. Только проникнув в тайны уипсов можно понять, каким образом этот самый жгучий из всех современных вопросов Англии мог быть решен в четыре ночи, и каким чудом в палате, где часто бывает трудно собрать 40 членов, по этому вопросу 618 народ-

ных представителей подали голос за Гладстона. Не менее оживленное зрелище представляли заседания во время прений по этому вопросу и в палате лордов. Обыкновенно зала палаты лордов с своими почти пустыми красными бархатными скамьями, несмотря на все свое великолепие, наводит какую-то тоску и уныние. Как мумии в обширной гробнице, восседают там и сям лорды, величаво-спокойные и томительно-монотонные в своих речах. Скукою веет от пустых скамеек членов, публики и стенографов, которым праздное слушание здесь кажется во сто раз утомительнее безустанной работы в нижней палате. Но 2(14) июня все как бы каким волшебством изменилось. На скамьях не оставалось пустого местечка; всякий садился, куда попало; дамы, которым удалось добыть себе билет, не заботились уже о том, что изомнут платья. Все пространство залы перед тронем до верхней ступени занимали члены тайного совета и те, кто имел право входа туда; на передней лавке сидели принц вэльский, герцог кембриджский, лорд Россель, герцог Арджиль; епископов было множество; члены нижней палаты,

между прочим Гладстон и Дизраэли, входили, выходили и толпились в зале до полуночи; но самый лучший фон картины составляли дамы в изящных вечерних нарядах, в которых преобладающим цветом был голубой всевозможных оттенков, — словом, зала представляла зрелище, не уступавшее зрелищу самой роскошной бальной залы; не доставало только музыки. Но лорды все-таки сдержали свой характер и оставались в своем «строгом чине». Хотя вопрос затрагивал самые жгучие интересы их, они сумели сохранить свое всегдашнее наружное спокойствие и флегму. Обыкновенный порядок заседания не был нарушен ни на иоту, и никто не говорил оживленнее обыкновенного.

* * *

Несмотря на важные политические вопросы, занимающие в настоящее время Лондон, лондонское население не забывает и своих обычных забав и развлечений. На скачки Дерби собралась и в этом году такая масса народа, как и в предыдущие. Пеструю картину представляет Ипсомское поле во время этих скачек. За местами, предназначенными для

аристократии, за первую цепью экипажей тянется ярмарочная площадь, на которой шумно толпятся мужчины и женщины, уже изрядно подгулявшие и под хмельком выкидывающие такие штуки, что, взгляни на все это консервативные корреспонденты нашей «Вести», они напророчили бы Англии большие беды, несмотря на то, что английский народ безземелен, как шиш на пустом блюде. Одни здесь валяются в блаженстве усения по земле; другие, кого еще носят ноги, собираются в кучки около паяцев и вымазанных сажею цыган, пилящих самым раздирающим уши образом на своих скрипках и сопровождающих свою музыку разными кривляньями и нескромными фарсами. Триста или четыреста тысяч публики яростно рукоплещут этим выходкам, не уступая в азарте нашей jeunesse dorée,[50] собирающейся у Излера. Экипажная публика, разъезжая, закусывает в своих колясках припасами, привезенными из дома, причем откупориваемые бутылки с шампанским так и хлопают, а вокруг этих экипажей бегут и толпятся голодные бедняки и ждут себе, как Лазарь, «крупиц падающих», точно

как у нас в былые времена тульские нищие вокруг въезжающего в город почтового экипажа. Отвратительное и оскорбляющее зрелище!.. И то люди, и это люди, а кто из них человеки? Женщины в лохмотьях протягивают грязные передники, а женщины в кружевах великодушно бросают им из колясок свои объедки, словно псам или прокаженным. И едва какая-нибудь бродяжка успевает подхватить объедок и сделать с ним шаг, как толпы других кидаются на нее и отнимают... Происходит отвратительнейшая, совершенно собачья сцена... Полиция, деликатность и вежливость которой воспета нашими англоманами, здесь не чинится и щедро раздает тумачи направо и налево. Как в самом деле не безнравственны те, кто не хочет поддерживать благородную партию «Вести», которой хотелось бы низвести нечто подобное и на русскую землю! Ужасные в самом деле люди эти социалисты, стоящие за обземеленных крестьян!

Интересное в своем роде зрелище представляет возвращение масс с ипсомских скачек. Тысячи экипажей, перепутавшиеся между собою, стараются выбраться на простор, ло-

шадь падает, кучера ругаются, собравшийся народ хохочет и бросает комами грязи в джентельменов — и, среди всего этого гама, шума, криков, на перекрестке вдруг является человек, одетый с головы до ног в черное со значком в руке. На этом значке написаны огромными буквами слова: «Думай о смерти! думай о Боге, перед лицо которого ты скоро предстанешь!» Это агент библейских обществ. Появление его здесь с такими изречениями среди шумной толпы составляет чисто английскую черту. — Впрочем, увы! — все подобные напоминания не достигают тех целей, из-за которых бьется и хлопчет почтенное библейское общество.

— Хороша надпись, да не ко времени, — дерзко кричат ему уста, запекшиеся от голода и жажды.

— Это верно! Поставь лучше: «алчущего накормите и жаждущего напоите во имя Мое», — указывает другой голос.

— Поставь, поставь эту надпись, да ткни ею хорошенько гг. — м в морды! — орет третий, и кусок грязи взвивается и попадает в проезжающую коляску.

Библейский представитель невозмутим, и невозмутимости его можно подивиться. Великое дело привычка: с нею даже умирающего от земного голода можно утешить надеждою на небесные блага. — Претрудная эта проповедь, — и слава Богу, что наша русская церковь, благодаря порядку вещей, оскорбляющих наших консерваторов, не осуждена проповедывать слово Божие голодным и холодным!

* * *

В то время, как одни тешились скачками, берега Темзы были усеяны народом, привлеченным зрелищем более интересным и обещающим неизмеримо более плодотворных результатов для человечества. Два американца, мужчина и дама, пробовали здесь изобретенный американским капитаном Стонаром аппарат для спасения жизни от утопления. Они надели на себя пробочные куртки и завернулись в широкие гуттаперчевые плащи, покрывавшие все их тело за исключением рук и лица; к ногам они прикрепили гуттаперчевые гири, чтобы с помощью их держаться в отвесном положении и сохранять

равновесие. Затем они надели на себя по оловянному ящичку и прыгнули в воду. В ящичках в верхней части находятся съестные припасы на неделю, револьвер, бенгальский огонь, свечи, и даже на случай, если бы потерпевший крушение пожелал развлечься, сигары и газеты. В нижней части налита пресная вода, которую пьют посредством особой гуттаперчевой трубочки. Изобретение это патентовано в Америке, и общество, образовавшееся там с капиталом в 300 000 дол<ларов>, продает эти аппараты по 7 ф<унтов> ст<ерлингов> за штуку.

Говорят, что прусское правительство намерено ввести у себя это изобретение, а в Америке, Франции и других странах уже изготовляется до 50 000 таких аппаратов. Американцы, делавшие пробу на Темзе, оставались в воде с полчаса, подвигаясь помощью маленьких гуттаперчевых весел, которые составляют часть аппарата. Они открывали надетый на себя ящичек, ели и пили, стреляли из пистолета, пускали бенгальский огонь и, наконец, выкинули красный флаг с надписью «Eureka». Для того, чтобы надеть на себя этот

костюм, нужно не более 31/2 минут. Капитан Стонар, изобретатель этого аппарата, надеется со временем снабдить им все пассажирские суда и отдавать их напрокат по 1 ф. ст. за поездку. Кроме того, он будет отправлять с каждым судном человека сведущего, который мог бы теоретически и практически объяснить пассажирам всю пользу нового аппарата.

НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАПАДЕ

Заседания конгресса. — Пятнадцатая поправка закона о неграх. — Влияние закона на нравы. — Неизбежный вопрос о женских правах. — Женщины, не желающие эмансипации. — Скачок в сторону в Россию, и опять назад, к заатлантическим братьям. — Подкупность членов законодательного собрания. — Мелкие газетки американских мелких городишек. — Как ругаются газетные редакторы в Америке. — Несколько образцов этого искусства. — Наши отстали или не отстали? — Женщины-редакторы. — Объявления и рекламы. — За что наичаще бьют и тузят американских редакторов. — Редакторские увечья — Разбои и управа с ними. — Торговля церквями. — Нерешенный вопрос о русских плетях и клеймах. — «Укрощение строптивой» не по Шекспиру.

Все американские общества, начиная с железнодорожных, промышленных, пивоваренных и друг<их> и кончая политическими и

религиозными, имеют обыкновение устраивать свои годовые собрания весной. Собрания эти в Америке бывают очень шумны, и в этом году они одни только и нарушали тишину, наступившую в политике с окончанием заседаний конгресса.

Заседания конгресса шли в этом году по обыкновению очень вяло; депутаты и сенаторы, казалось, мнили, что перед ними времени целая вечность, и не спешили с делами, за что к концу сессии они принуждены были работать и день, и ночь, и, несмотря на всю эту усиленную работу, одни важнейшие дела все-таки были отложены до будущего времени, а другие взвалены на президента. К последним принадлежат дела, касающиеся реорганизации южных штатов. На конгрессе, впрочем, утверждено несколько законов о реорганизации штатов Виргинии, Миссисипи и Техаса, но утверждены в такой неясной редакции, что снова дают полный простор произволу и прихотям исполнительной власти. К следующей сессии, которая откроется в декабре, в первый раз соберутся представители всех штатов Северной Америки.

К тому времени, можно надеяться, уже будет формально утверждена политическая равноправность рас и отменены всякие исключения и ограничения избирательного права, обуславливаемые до сих пор цветом кожи и недавним рабством, вследствие утверждения 15 поправки узаконенным числом отдельных штатов (три четверти всего числа штатов). Некоторые штаты посмотрели на ратификацию 15 поправки как на покушение на их самостоятельность. Так, недавно случилось в заседаниях конгресса Индианы, что демократическая партия в целом составе оставила сенат и законодательное собрание и таким образом сделала невозможным обсуждение вопроса. Несмотря на это, в течение настоящего лета поправка все-таки будет принята узаконенным числом штатов, и союз вступит в новый фазис своей политической жизни. Конечно, масса не отделяется так скоро <от> предрассудков, но утвержденная законом равноправность, хотя сначала и навязанная, тем не менее, примется и возьмет свое. Необходимость принимать в вашингтонском обществе цветных сенаторов и депутатов, на-

значение негров на высшие государственные должности непременно изменяют взгляды теперешнего общества. До сих пор ни один негр, будь он обладателем миллионов, не мог найти приема ни в одном фешенебельном отеле Нью-Йорка; а недавно один из лучших отелей Нью-Йорка так радушно принимал у себя негра, как будто в жилах этого цветного гостя не было ни одной капли «черной крови». Дело в том, что этот негр был вице-губернатор величайшего и богатейшего из южных штатов — Луизианы. Приходится верить по ложению, что законы изменяют нравы, и можно надеяться, что через десять-двадцать лет не останется даже в южных штатах и следа сословных и племенных предрассудков. Наши белые заатлантические братья идут рядом с нашими черными заатлантическими братьями так же точно, как начинают усаживаться наши столбовые, начинающие призывать и перехватывать у своей прежней крещеной собственности.

* * *

Другая реформа, также упорно занимающая умы в Америке, касается вопроса о рав-

ноправности женщин. Общественное мнение разделено относительно этого предмета. Женщины, руководительницы этого движения, из которых иные обладают замечательными ораторским и публицистическим талантом (у них два главных органа: «Revolution» в Нью-Йорке и «Agitator» в Чикаго), обнаруживают неутомимую деятельность. Но большая часть здешних органов печати, находящихся в руках мужчин, и даже само общественное мнение все-таки необыкновенно враждебно относятся к требованиям женщин и среди самих женщин множество недругов этого вопроса: требование равноправности и в женской половине имеет на своей стороне лишь очень незначительное меньшинство. Да это и весьма понятно, если равноправность представлять себе в той ясной и обдуманной форме, в какой она излагалась лет пять тому назад некоторыми известными и неизвестными женскими эмансипаторами у нас, в Петербурге. Понятно, что женщине, готовящейся сделаться матерью или уже сделавшейся, вовсе невыгодно и нежеланно признать того, кто устроил ее в эту должность эмансипирован-

ным от всяких забот и о ней, и о том третьем существе, которыми ее снабдили на всю ее жизнь (да и черт с нею, с такою эмансипациею). Это эмансипация мужчин, а не женская эмансипация. У нас в следующей книжке «Записок для чтения», которые издаются при «Биржевых ведомостях», будет напечатана большая статья о незаконнорожденных, составленная женщиною независимого и либерального образа мыслей, — но тем не менее требующую ответственности мужчины в судьбе ребенка, которым он снабдил отвечающую его страсти женщину. Около трех месяцев тому назад, одно из наших судилищ, разбирая одного мужчину, эмансипировавшего себя от всякого участия с женщиною в заботах о ребенке, обязало этого самца отложить в сторону его эмансипацию, и вот с той поры, в течение ста дней, в суд вдруг одна за одною поступило двадцать три жалобы на таких же эмансипаторов, и все это жалобы от женщин того круга, где эмансипационные идеи имели наибольшее распространение... Будем ли осуждать этих женщин за то, что они зовут к себе власть в защиту? Но что же им делать,

если тот, кто, добывая в десять раз более, чем может добыть женщина, подло и нагло прикидывает на ее часть все заботы и сам не хочет ничем помочь ей? Не топить же ей этих детей и не идти за то в каторгу, или не сдавать в воспитательный дом, если это возмущает ее материнское чувство? Доля женщины и без этого тяжка: начиная девятимесячным тасканьем «шарманки» и продолжая болезнями и муками рождения она только разыгрывает прелюдию к многолетним фугам: надо вскормить, воспитать, выучить и вывести в люди ребенка... и все это одной!!!.. Это невозможная жестокость, и если человек, который бросает женщину одну разделяться со всем этим, не хочет стать выше табунного непарного животного, то суровая необходимость не оставляет ничего иного, как обращаться с ним, как с животным. Коня и вола, спяженных в одно ярмо с другим конем, если он не везет, — ровно стегают и гнут за крутую морду. «Не будьте как дикие кони и меск, да не уздою и ремнем придется тянуть ваши челюсти».

* * *

Вообще Америка в настоящее время переживает очень горячий период, полный вопросов, тревожного ожидания их разрешения, — а как в такое время всегда и везде находятся люди, желающие «ловить рыбу в мутной воде», то и в Америке, несмотря на все громче раздающиеся со всех сторон жалобы на демократизацию и испорченность, несмотря на громовые речи сенатора Спрагера из Род-Эйланда, в последнее время стали обнаруживаться весьма позорные общественные язвы. Главным поводом к этим жалобам служит подкупность членов законодательного собрания, дошедших до забвения настоящей цели законодательства и нередко жертвующих интересами и благом народа для обогащения частных лиц и отдельных корпораций. В этом отношении особенно отличаются законодательные собрания Нью-Йорка и Пенсильвании, где это зло распространилось в такой степени, что в устах народа название *assembly man*'а (члена собрания) сделалось ругательством.

* * *

После окончания железной дороги к Тихо-

му океану, через весь материк (о чем в «Биржевых ведомостях» была напечатана обстоятельная статья) «пустыня далекого запада» уже как бы не существует. Но вот что особенно замечательно, что теперь здесь уже нет ни одного самого незначительного городка, который, имея пару лавчонок, харчевню, школу и часовню, не имел бы своих газет, и непременно двух газет, двух органов различных партий. Мелкотравчатая пресса эта необыкновенно оригинальна, и еще оригинальнее ее представители — редакторы и издатели этих западных газет.

Пусть читатель представит себе в своем воображении картину тихого городка, стоящего, как небольшая копенка, среди обширных полей. Вечереет; солнце готово садиться, с полей заносит легкою прохладою, и обыватели городка, собравшись у дверей московской лавки на тенистой стороне улицы, лениво покачиваются на своих креслах, жуют табак и плюют взапуски, как плевывали блаженной памяти блаженнейших времен наши семинаристы, если их позовут в барский дом, где они всегда хотели показать свою развяз-

ность и свободомыслие. К этой лавке, носящей здесь тоже громкое название «отеля», подходит изысканно и даже по отношению к прочим франтовато одетый господин и немедленно же, с свойственной одним американцам смесью осторожности с самоуверенностью, начинает осыпать собеседников градом вопросов. Удивленно осматривает вы эту фигуру с лукавыми глазами, а он, засыпая вас вопросами, сам не перестает плевать во все стороны табачным соком. Это западно-американский редактор-издатель, — американский Альфред фон Юнк перекрашенного из дикого цвета в сумасшедший города Киева. Поток вопросов и новостей неудержимо льется из уст этого публициста: он жив, вертляв и восторжен, но вдруг... вдруг он вздрагивает, меняется в лице, он точно как бы заметил где-то приближающегося к нему аллигатора. Быстро, одним щелчком языка, он перекладывает табачный сверток из-за одной скулы за другую, пускает второпях еще один энергичский плевков и с выражением полнейшего презрения на лице удаляется прочь. На сцену выдвигается аллигатор. Это страшилище по-

казывается с противоположной стороны кучой улички: зверь этот есть не что иное, как длиннополый собственник и редактор местного органа противной партии, к которой принадлежит и хозяин лавки. Нового гостя, испугавшего прежнего редактора, представляют вам под именем «доктора» или «судьи», или «капитана» такого-то редактора «Знамени свободы». Нашим добрым соотечественникам и русским ситуайенам республиканского образа мыслей, может быть, неизвестно, что в республиканской Америке титулов больше, нежели у нас, в монархической Европе; полковникам, капитанам и генералам в Америке нет числа.

При ближайшем знакомстве вашем с вновь подошедшим редактором, необузданный, кровожадный и жестокий республиканец, каким этот публицист является в своих передовых статьях, оказывается очень мирным и добродушным человеком; он радушно приглашает вас в свою контору, которая служит ему в то же время типографией, жилищем, приемною и проч. Здесь вы находите, кроме печи, густо заплеванный табачными

выплевокми топорной работы стол и старое качающееся кресло, многообразные другие принадлежности хозяйства. Комната эта служит главным сборным пунктом всех местных политиков, группирующихся вокруг «Знамени свободы».

Во время составляющихся здесь собраний редактор, — если только он не занят обсуждением какого-нибудь важного вопроса, — иногда исчезает из своего храма, чтобы распытать у проходящего знакомого — «нет ли у него материала для новенькой заметочки», или, завидев на улице проезжающего золотопромышленника, приехавшего, чтобы обменять свой золотой песок на недельный запас бобов и свинины, редактор спешит узнать у него все новости, касающиеся его промышленности, которая на западе возбуждает самый живейший интерес. Редактор зазывает золотопромышленника в свою контору и, осыпая его любезностями, выманивает у него все его новости. Любезность здешних редакторов проистекает, разумеется, не столько из их благовоспитанности и благодушия, сколько из необходимости обязать человека чем-

нибудь проговориться. У нас ни о чем подобном не имеют понятия более, чем о грандиозности издания «New-York Herald'a» и «Times'a».

Американские редакторы, а в особенности на западе, обыкновенно начинают свою карьеру типографским наборщиком и, пройдя все ступени типографского поприща, делаются потом как-нибудь обладателями небольшой типографии, потом, чтобы не хлопотать о работе, становятся и собственниками газет, совмещая в своей особе должность редактора, главного сотрудника, наборщика и нередко даже печатника. Все это просто без всяких «леве» и «онеров». Есть здесь редакторы, которые начинали свои карьеры с должности кучеров или привратников, пока спекулятивное направление их ума не натолкнуло их на литературную дорогу, и это здесь никого не удивляет, как удивляло у нас редакторство гг. Артоболевского, и особенно редакторство Юркевича-Литвинова, — мещанина, акробата, а впоследствии редактора и непосредственного корреспондента. (Где-то он нынче мычет свою буйную и разудалую головушку?) У на-

ших «заатлантических братьев» подобные вещи в порядке вещей и никому не в диковину. Большею частью здешний редактор в одно и то же время и поверенный по делам, и адвокат. Он сам ведет дело в суде и сам поддерживает права своего доверителя и в печати. О «литературной честности» и прочих возвышенных вещах, о которых и у нас, и во всей Европе много распространяются нередко весьма низкие люди, здесь нет и помина. Нет; здесь все гораздо проще, здесь, как в «Войне и мире» гр. Толстого, «все совершается органически». Выгодно издавать такую-то газету, такого-то цвета и направления, ее и издают, — нет — сейчас же ее побоку и берутся за другое. Здесь живут по пословице: «наш Антон не тужит о том: впору кафтан, — носит, нет, — и с плеч его сбросит». Одно, до чего еще заатлантические братья наши не достигли, — это то, что здесь до сих пор считается непозволительным одному и тому же редактору подписывать два органа, идущих по разным направлениям, и хотя наш Петербург мог бы дать в этом урок заатлантическим братьям — но увы, урок этот у заатлантиче-

ских братьев неприложим, потому что у них там за иные вещи просто прибегают к демократической силе кулака и палки.

* * *

Отличительный характер всех газет американского запада, резко бросающийся в глаза всякому иностранцу, есть их чисто личный характер; здесь все — и полемика, и красноречие, и остроты — все направлено против личностей. Хотя и наши русские газеты тоже не лишены склонности заниматься цензурованием поступков и совести своих ближних, но заатлантические братья, кажется, все-таки немножко опередили нас в свободе выражений. У нас еще подчас встречаешь «намекы тонкие на то, чего не ведает никто», и «жизнь обнажающим до дна взором» созерцают события литературные сплетники и фельетонисты; но на западе Америки все à la прекрасный «Незнакомец». Ругательный лексикон американских редакторов неистошим, а когда весь английский язык, с прибавкою янского красноречия, оказывается недостаточным для выражения политической вражды и ненависти, то американцы обогащают его

непереводимыми ни на какой язык новыми существительными, прилагательными вроде введенных у нас благодушных слов: «ерунда», «ерундистый», «мерзопакостный» и сим подобных многих других слов новейшей литературной школы. Когда американские писатели начинают ругаться, то вся брань их направляется, по-нашенски, не столько против неприятельских тезисов и положений, сколько против личности редактора противомыслящей газеты. Припоминая, как недавно перекинулись приветствиями гг. Катков и Стасюлевич, мы должны сказать, что их турнир был невинною игрушкой против того, что бывает у наших заатлантических братьев. Там прямо оппонент пишет против «паршивой собаки Е. Тайлора, который на той стороне улицы издает свою паскудную двухгрошовую газету». Да не подумает читатель, что выписка эта поэтическая вольность: это верный, подстрочный перевод того, что нам попало в американской газетке. Приведем и еще один отрывок американского полемического красноречия: один издатель газеты в Калифорнии поссорился с редактором другой газеты; и вот

как он описывает его своим читателям: «Мошенник этот — не что иное, как праздношатающийся; его иначе нельзя видеть, как в кабаке, не только во время выборов, но всегда, из года в год. Он играет политикою, как картами, и не задумается перерезать горло обывавшему его в monte (азартная американская игра). Он стрижет коротко волосы из опасения, чтобы его не оттаскали за чуб. Его мозг помещается у него за ушами, а лицо представляет выжатый кусок мяса, на котором до сих пор еще видны траурные пятны, следы недавней потасовки. Деньги свои он тратит на распутных женщин и кичится тем, что не платит долгов; общественные места занимает только для того, чтобы обкрадывать государство и публику и т. д.» все в этом роде. Иногда, впрочем, американские полемизаторы употребляют и некоторые язвительные тонкости; так, например, один редактор самым вежливым образом просил у другого редактора извинения за вкравшуюся в его газете опечатку, вследствие которой переменился смысл его слов. Извиняющийся писал: «Прошу снисхождения, я ручаюсь вам, что я хотел

назвать вас ослом, а не обезьяной» (monkey — обезьяна, donkey — осел).

* * *

Значительное число газет на западе издается под редакциею женщин, и опять нельзя сказать, чтобы прекрасный пол отличался от грубого большею воздержанностью и изяществом выражений. Недавно, в горячий период выборов, одна издательница вылила свой гнев на своего противника следующими словами: «Я женщина и не могу оттузить эту гнусную собаку, но у меня есть сын, который заставит его понять мою точку зрения!» Какой оригинальный способ вбивать точку!

Подобного рода любезности в Америке очень часто ведут к очень чувствительным рукоприкладствам. Газеты запада большею частью наполняются различными объявлениями о новых торговых предприятиях, открывающихся отелях вроде следующих:

«Конкуренция есть душа торговли, — объявляет новый трактир, — но если ты, старый нищий, прощальга, попадешься мне под руку, то я снесу с плеч твою глупую голову», — обращается он к конкурирующему с ним со-

держателю другого отеля. «Наступила новая эра, — продолжает гласить объявление. — Приходите в отель такой-то».

«Если вы голодны, мы накормим вас».

«Если вы изнемогаете от жажды, мы напоим вас».

«Устали вы, засните у нас. Скучны вы, мы утешим вас. Веселы вы, мы повеселимся с вами. Помешаны вы, мы найдем вам безопасный приют».

«Идите, идите скорее к нам!..» Словом, точно спиритская духовная телеграмма из «иной обители». Объявления печатаются в даром раздаваемых молитвенниках, наклеиваются на проповеднических кафедрах и на спинах полицейских городовых; повсюду о чем-нибудь объявляется. Каждый, объявляющий о чем-нибудь в газете, непременно требует от репортера хвалебного гимна своему предприятию и унижительных отзывов о его противнике, и так как при таких условиях невозможно сделать удовольствие обеим сторонам, то редакторам часто доводится попадать в весьма опасное положение, и их тузит если не одна сторона, то другая. До дуэлей и судов

В этих случаях дело обыкновенно не доходит, а ограничивается просто одною потасовкою. Кто кого осилит, тот того и оттаскает или «оттузит» (что ближе к здешнему техническому на сей предмет слову). Знатоки дела уверяют, что на западе Америки нет ни одного редактора газеты, которого когда-нибудь не «тузили». Иногда, не часто, конечно, редакторов и на порядках увечат; так, например, полгода тому назад, редактор «Техасского листка» два раза был ранен пулями, столько же раз его пыряли ножом и один раз кинули за ноги в пруд. Но судьбам все-таки угодно хранить литературного борца, и он по необыкновенным счастливым случайностям благополучно вынес все свои бедствия. Другой, издатель «Sanct-Francisco Herald'a» не был так счастлив. Его умертвила шайка негодяев, на которых он нападал в своей газете.

* * *

В южной части Индианы, у разветвления Огейо-Миссисипской и Джефферсонвиль-Индианопольской железных дорог стоит маленький, но деятельный городок Сеймур, имеющий всего около 4 000 жителей, которые

преимущественно занимаются торговлею и промышленностью. Благосостоянием своим Сеймур обязан своему положению у железной дороги, способствующей деятельным сношениям города с большими центрами. В таких городках, как Сеймур, о полиции нет и помина: жители Сеймура предоставлены собственной защите. Шайка воров избрала этот город средоточием своих операций. Отсюда каждый час отходят поезда во все концы Америки, и поэтому скрыться отсюда ничего нет легче. Число преступлений росло ежеминутно, и вскоре заметили, что одно семейство, по имени Рено, владеющее великолепною фермою около Сеймура, держало в своих руках все нити этой воровской операции. Узнали также, что разбойники поклялись друг другу, что «если с головы одного из них упадет волос, превратить в пепел весь Сеймур». Один из членов семейства Рено ограбил денежный ящик. Мулату, который должен был быть свидетелем против Рено, предлагали тысячу долларов, чтобы он оставил страну, а когда он не согласился на подкуп, то его нашли мертвым на дороге из его дома в Сеймур. За недостат-

ком свидетелей Рено был освобожден. В одном отеле Сеймура исчез путешественник, имеющий при себе большие деньги, через восемь месяцев водою соседней реки вымыло на берег его труп. Никакие судебные преследования не помогали; процессы были уголовные и подлежали решению присяжных, которые были частью подкуплены, что, как известно, к сожалению, далеко не невозможно, а частью застращены угрозами смерти. Утверждают даже, что разбойники, располагающие несметными суммами, сумели устроить так, что многие из них сами были выбраны в присяжные, и обвиненный, благодаря всем этим комбинациям, был оправдан.

Наконец, шайка стала так смела, что уже не отступала даже перед самыми дерзкими предприятиями. Она нападала на поезда железных дорог, проникала в экспрессные вагоны, в которых в Америке перевозят огромные суммы дня, убивала агентов, везущих деньги, и скрывалась. Так, однажды вечером, один поезд, состоящий из локомотива, тендера, экспрессного вагона и двух пассажирских вагонов, остановился у станции, чтобы набрать

воды; не успел кондуктор сойти с вагона, как четыре разбойника повалили его, вскочили на поезд, отцепили пассажирские вагоны и умчались с локомотивом и экспрессным вагоном. За полмили от Сеймура они остановились, взяли находящиеся в вагоне 96 тысяч долларов и, убив везшего эти деньги агента, ушли. Через несколько времени произошло новое, еще более открытое нападение на поезд железной дороги, во время которого несколько главных разбойников и между ними два брата Рено были арестованы. Все эти происшествия навели ужас на жителей Сеймура и его окрестностей; никто не мог считать безопасным не только свое имущество, но и самую жизнь свою. Тогда ввиду черепашого хода судебных следствий и образовалось в тишине «Vigilance Comittee» — общество с целью взять суд в свои собственные руки и самим у себя водворить порядок и безопасность, и начались новые сцены, одна мрачнее другой. В продолжение нескольких месяцев «Vigilance Comittee» предало казни десять человек; члены этого общества, замаскированные, кидались даже на правитель-

ственных агентов, перевозящих пойманных разбойников из одной тюрьмы в другую, отнимали злодеев и сами чинили над ними свой немедленный и безотлагательный суд и расправу, то есть вешали на первом попавшемся дереве. От мщения этого тайного общества, каравшего разбой, никто не мог скрыться; оно настигало заподозренного, где бы он ни находился, и спасения ему не было. В настоящее время в Сеймуре так спокойно и честно, что можно положить на ночь на пороге дома целый капитал и быть уверенным, что найдешь его на другой день нетронутым.

* * *

В Америке происходит много таких вещей, которые даже вовсе непонятны европейцам. Так, например, здесь в ходу торговля церквями. Постройка церкви в Америке такое же честное или чисто коммерческое предприятие, как и всякое другое, и так же точно может повести к обогащению или к банкротству, после которого пастор церкви берет свой посох и идет искать нового счастья в другом месте. Случается иногда, что община, которой принадлежит церковь, мало-помалу

выселяется в другую часть города, и тогда ее церковь, сделавшись для нее слишком отдаленною и потому неудобною, продается. Нередко после такой продажи церковное здание получает и совершенно иное назначение. Например, церковь Chamber Street в Нью-Йорке после продажи ее была обращена в магазин, а подвал ее в водочный склад. Другая, в Таможенной улице, проданная сначала за 27 000 долларов и потом перепроданная за 45 000, теперь служит аукционной залой. Бродвейская Tabernacle Church была продана за 100 000 и превращена в театр, а церковь Мессии в Бродвее теперь конюшня одного миллионера. В Америке существует поверье, что начать коммерческую карьеру торговлею церквями значит заручиться на всю жизнь непобедимым счастьем, и, конечно, есть несколько случаев, где это поверье оправдалось. Церковь в Дейстрите была куплена торговцем масла, который, устроивши в ней склад товаров, имел огромные барыши. Две церкви в Мурраистрите принесли также огромные доходы своим покупателям. Один бедный кузнечный подмастерье, теперь владетель луч-

шего цветочного заведения в Нью-Йорке, говорит, что ему улыбнулось счастье с тех пор, как он купил и перепродал старую церковь в Liberty Street. Вот вам практичность наших заатлантических братьев; а у нас некий ради- вый об интересах казны градоправитель рас- порядился было произвести торги на продажу с аукциона плетей, которыми, до отмены те- лесного наказания, секли людей палачи, и клейма, которыми они клеймили. В литерату- ре по этому поводу раздался такой свист и шиканье, что с тех пор так даже и не знаем, что его превосходительство изволили сделать с этими инструментами? Немалая в самом де- ле задача: куда же, однако, деть эти «казен- ные вещи»? Если торги на продажу их невоз- можны, то не благоразумно ли и не выгодно ли будет отправить их к нашим заатлантиче- ским братьям, где все продается и где, быть может, упомянутые «казенные вещи» теперь и пригодятся для убеждения новых русских подданных республики, недовольных, что американские братья отнимают у них их соб- ственность.

* * *

«Еще одно последнее сказанье».

В Коннектикуте один очень набожный и смиренномудрый джентльмен женился на девушке, известной во всем околке своим невыносимо дурным характером. Все удивились его выбору и бесцеремонно спрашивали: что могло заставить его сделать этот, а не другой выбор. На это антик отвечал, что он не имел никогда никаких неприятностей и боится привязаться к этому миру. Поэтому, надеясь, что тяжесть жизни с женщиною дурного характера может его гораздо более усовершенствовать и внушить ему равнодушие к жизни, — он решил этим способом выдвигаться на истинный путь к спасению... Какое прекрасное доказательство, что римское католичество очень грубо ошибается, полагая, что женитьба удаляет человека от совершенства, и как отрадно знать, что все наши бедные соотечественники, поносимые и даже нередко биемые своими женами, для которых они ищут эмансипации, — за все это получают когда-нибудь мзду, которая будет в состоянии утешить и успокоить их за весь путь земного усовершенствования, под надзором и под дла-

нями «угнетенной русской женщины»! Но только тот, над кем жена вередует и отравляет его жизнь, должен держать это, по мере возможности, в секрете, ибо иначе совершенствование может не удался. Так, например, жена того американского антика, о котором мы рассказываем, услышав, что муж взял ее как бремя для души своей, очень этим обиделась и, чтобы отомстить мужу, сделалась самою милою и предупредительною супругою. Ядовитая женщина эта объявила, что она во все не так глупа, чтобы служить своему мужу только «мостом в царствие небесное». Счастливый и тысячекратно блаженный заатлантический брат наш! Ты снова будешь жить без горя на земле, стремясь вечно к нему, тогда как множество таких русских братьев, не помышляющих ни о какой иной жизни, кроме земной, будут влачить плачевное существование с подругами, которые не верят, что

Супруги здесь друг для друга созданы

Нет, муж устроен для жены!?

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ

Мошенничество как организованное ремесло — Счетные книги мошенников — Школы для оборвышей — Бригады чистильщиков и тряпичников — Лондонские клубы.

Едва ли где-нибудь в свете мошенничество доходит до таких размеров, как в Лондоне, и главное, едва ли где-нибудь, как здесь, оно представляется таким вполне организованным промыслом. В Англии мошенники имеют свои школы, в которых они обучают детей обману и воровству; как добрые мастера, они составляют целые корпорации и ассоциации, они ведут счетные книги, в которых с отменной аккуратностью отмечают все свои приобретения. При обыске воров полиции не раз приходилось нападать на подобные книги, в которых с удивительной точностью было записано: место, где сделано воровство, и какую прибыль принесло оно. Прибыль эта у некоторых ловких мошенников бывает весьма значительна. Попадались счетные книги воров, в которых сумма годового заработка до-

стигала до 1 000 ф<унтов> ст<ерлингов>. Комитет ливерпульских жителей сосчитал, что в одном Ливерпуле производится ежегодно воровства на 700 000 ф. ст. В 1867 г. в Лондоне считалось 8 964 преступника, живших на свободе. В 1868 г. их было уже 10 342. По последним официальным полицейским отчетам, в Англии и в Вэльсе было всего 141 000 преступников, которые пользуются полной свободой. Что могут против такого количества мошенников сделать 24 000 полицейских слуг Англии, стесненных в своих распоряжениях различными законными ограничениями? Ежегодно в числе обвиненных перед судом является от 15 до 16 000 детей. В прежние времена расправа с этими малолетними преступниками, как и со всеми ворами вообще, совершалась необыкновенно быстро. Даже еще в правление Георга II 12-летний мальчик и 11-летняя девочка, обвиненные в воровстве, были приговорены к виселице и повешены; но это была старая система. Новая же держится другого правила; она говорит: «Prevention is better than cure» — предупредить зло, чем искоренять его — и для предупреждения пре-

ступления устраивает во всей стране школы для оборвышей, «Ragged schools». Честь основания этих приютов для нищеты принадлежит единбургцу, доктору Гутри. Его святое дело нашло себе достойного подражателя в Лондоне в лице графа Шефтсбюри. В воспитанники этих школ принимаются все бесприютные, бездомные, уличные дети; они собираются в училище летом в 7, зимою в 8 часов утра. Тотчас по приходе сюда их заставляют чистенько вымыться, снимают с них их лохмотья и одевают в весьма порядочное школьное платье, в котором они остаются до конца занятий. После этого они работают, а потом завтракают. Перед уходом детей им опять дают закусывать, а в промежутке между занятиями кормят их обедом, состоящим из одного, по большей части мясного, блюда. Пища эта составляет для несчастных малюток едва ли не самую полезную сторону дарового воспитания. Многие распорядители школ откровенно признавались, что, отними у них возможность кормить учеников, и им придется закрывать училища. В школе преподают чтение, письмо, счет и, кроме того, различные ремесла: де-

вочки вяжут, шьют, стряпают, моют; мальчишки стругают, пилят, точат, шьют сапоги и т. п. Первая по времени из лондонских школ замечательна по тому дому, в котором она открыта. Под тою же крышею, под которою процветает теперь эта школа, в прежнее время был один из знаменитейших притонов мошенников. При нем также существовала воровская воскресная школа... Диккенс мастерски описал ее в своем романе «Оливер Твист». Там опытные мошенники давали уроки воровства и обмана; ловких воришек здесь награждали гостинцами, а детей совестливых или робких безжалостно били. Там же происходили и репетиции судбищ, на которых учителя брали роли судей и полицейских и учили менее опытных собратий своих всем уверткам, какие могут затруднить открытие преступления. Трогательно было видеть, как однажды один из известнейших воров квартала привел в эту здешнюю новую школу мальчика и со слезами на глазах просил принять его в число учеников. Когда просьба его была исполнена, он тяжело вздохнул и сказал: «Ах, если бы во время моей молодости была у нас

такая школа, я наверное не сделался бы вором». Первое место среди школ для оборвышей занимает в Лондоне так называемая «Refuge for homeless and destitute children».[51] Основание этой школы положено было в 1843 г. в бедной комнатке на чердачке, куда собиралось три раза в неделю несколько оборванных детей учиться грамоте. Теперь это заведение занимает огромное помещение, ученики его получают весьма основательное элементарное образование, научаются какому-нибудь ремеслу. Кроме того, некоторые из них поступают на учебный корабль, принадлежащий школе, так что могут сделаться опытными хорошими моряками, а другие изучают сельское хозяйство в загородном отделении приюта, так называемом «Country home». В 1868 году в этом заведении было всего 1 439 мальчиков и 763 девочки, которые все содержатся на счет заведения. Учебные корабли, подобные тому, на котором обучают воспитанников «Refuge», устроены в Ливерпуле, в Кардифе и во многих других городах. Кроме того, общество школ для оборвышей для множества детей, которых оно не в состо-

янии содержать на свой счет, находит полезные и нетрудные занятия. Так, напр<имер>, оно основало несколько бригад чистильщиков сапогов, — статью, которая вовсе не эксплуатирована у нас в Петербурге и на которую мы уже не раз указывали, возбудив тем лишь одно ядовитое и умное замечание одной петербургской газеты, которая сказала, что дети-чистильщики у нас будут «очищать не сапоги, а карманы». Добрые предсказания и добрые чувства!.. Каждая из детских бригад состоит из нескольких десятков мальчиков, одетых в особенную форму. Форменная одежда и необходимые для ремесла инструменты хранятся в центральных бюро, куда всякий день в 7 часов утра собираются все бригады. Там они молятся все вместе Богу и потом отправляются каждый к своему посту. Вечером они снова собираются в бюро и приносят туда весь свой заработок. Из этого заработка 6 пенсов выдается мальчику на его содержание, а остальное делится на 3 части: одну получает мальчик в прибавку к своим 6 пенсам, другая идет в кассу общества, а третья хранится в сберегательном банке для мальчика.

Вечером мальчики возвращаются или домой, или в особенный для них устроенный приют, где прежде, чем отпустят их спать, им еще дают урок грамоты. Кроме этих бригад чистильщиков, общество организовало еще бригаду тряпичников, которые собирают или покупают тряпки. Члены этой бригады носят голубые блузы с красною обшивкою и разделяются на три разряда: на собиральщиков, помощников и сортировщиков. Собиральщики получают деньги на покупку тряпок и отдают в них строгий отчет; они должны уметь читать, писать и считать. Помощники возят тележки с тряпками, а сортировщики разбирают тряпки в особых для того устроенных помещениях. Чтобы из сортировщика возвыситься до звания помощника, нужно иметь в бригадном банке не менее 5 шил<лингов>; собиральщик, кроме необходимых сведений, должен еще иметь 1 ф. ст. в банке. Эти деньги они могут скопить из своих заработков: собиральщики получают в день 9 пенсов, помощники 6 п<енсов> и, кроме того, $\frac{1}{5}$ из общего заработка; сортировщикам дают $1\frac{1}{2}$ пенса за час. Нельзя не согласиться, что «общество

школ для оборвышей» одно из благотворнейших учреждений. Никто, конечно, не думает и не надеется, что помощью подобных обществ можно совершенно уничтожить пауперизм и устранить преступления. Но если радикальное лечение зла еще несовместно с уровнем современного нам положения общества, то отчего же не взяться за этот паллиатив?

С тех пор, как Англия превратилась в страну непрерывного труда, ее старое веселье, кажется, совсем исчезло, и прозвание «Old merry England»[52] ныне навряд ли к ней применимо. Особенного процветания из увеселительных мест здесь достигли клубы. Прежде они составлялись для самых разнообразных и весьма оригинальных целей. Так, напр<имер>, существовал клуб «чаепийц», члены которого выпивали неизмеримое количество чаю; клуб дуэлистов, в который не принимали никого, кто не убил, по крайней мере, одного человека. И в настоящее время клубы составляют любимое местопребывание англичан, — не только бессемейных холостяков, но и добрых *patres familiae*. [53] Тут англи-

чане любят пообедать в компании людей одинаковых с ними убеждений, тут обсуждают они всевозможные общественные и политические вопросы, тут они дремлют после обеда или после утомительного заседания в парламенте. Многие из клубов уже пережили несколько поколений и, служив когда-то к политическому развитию деда, теперь доставляют приятные вечера старичку-внуку. Из древних клубов Лондона все еще продолжает существовать и процветать так называемое «общество когеров» от латинского глагола «cogitare» — думать, собственно говоря: «общество думающих людей». Клуб этот помещается в пивной и основан был, как значится в его статутах, «с целью поощрения свободного обсуждения всевозможных вопросов, защиты личной и политической свободы, а равно свободы печати, поддержания повиновения королю, послушания законам и уважения к правам и требованиям гуманности и, наконец, с целью развития государственной и социальной добродетели». В числе правил этого клуба, не исполняемых, впрочем, в настоящее время, существуют некоторые весьма стран-

ные: так, напр<имер>, каждый член клуба непременно должен иметь при себе длинную голландскую глиняную трубку, и разбивший свою трубку платит в клуб известный денежный штраф. Цель этого предписания заключается в том, чтобы заставить членов клуба умерять свою горячность в спорах и не разбить своей хрупкой трубки. Денежный штраф налагается также на тех, кто вздумает угощать друг друга. Это общество, в которое за последние 25 лет поступило более 6 000 членов, имеет правление, состоящее из председателя «гранда», вице-гранда и секретаря. Кроме того, хозяин пивной, в которой происходят заседания клуба, играет в нем весьма важную роль, особенно в тех случаях, когда приходится напомнить членам, что «спокойствие есть первый долг гражданина». Нет ни одного сколько-нибудь важного вопроса внешней или внутренней политики, который не подвергся бы здесь самому всестороннему обсуждению, не подал бы повода к самым разнообразным толкам и самым жарким прениям. Наговорившись и наспорившись досыта, члены клуба в 12 часов ночи расходятся по до-

мам, вполне уверенные, что ни одно из слов, сказанных ими, не может для них послужить причиною каких-нибудь неприятностей. Впрочем, в этом отношении англичане и не трусливы. Даже в то время, когда Великобритания еще далеко не пользовалась нынешнею своею свободою слова, число клубов в ней было ничуть не меньше, а едва ли не больше настоящего, и опасность придавала им только сугубое обаяние в глазах народа. Особенно якобиты бесстрашно высказывали в своих собраниях беспредельную преданность Стюартам и недовольство на существовавшие тогда порядки. В настоящее время в Англии мало клубов, которые служили бы выражением чувств какой-нибудь исключительной политической партии. К этому роду принадлежат лишь клубы фениев, но их можно назвать карикатурами их славных предшественников — политических клубов былой Англии.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В V отделении Окружного суда, как мы узнали, 12-го августа будет разбираться дело по жалобе г. Кашпирева, редактора журнала «Заря», на романиста Стебницкого (Н. С. Лескова). Дело это интересно тем, что оно, если мы не ошибаемся, в первый раз должно будет возбудить вопрос об отношениях авторов, помещающих свои сочинения в журналах, к их редакторам и издателям и о взаимной гарантии при исполнении условий, заключаемых во время переговоров о помещении сочинения в периодическом издании. Сколько известно, по этому предмету нередко возникали у нас недоразумения и споры, которые вели не только к неприятностям, но и к значительным потерям для той или другой стороны.

Случалось, что автор, предлагая редактору журнала свой труд, едва начатый или по крайней мере далеко не конченный, по каким-нибудь обстоятельствам не доводил его до конца и тем ставил журнал, где уже печаталось начало сочинения, в невыгодное и неблагоприятное положение перед читающей

публикой. Но, с другой стороны, бывало и так, что автор продавал издателю журнала значительное произведение вполне оконченное и стоившее долговременного труда на условиях полистной оплаты, а между тем издание прекращалось или даже редактор, по каким-нибудь личным соображениям, останавливал печатание сочинения, и автор вознаграждался при этом не за весь труд свой, а только за часть его, и иногда очень незначительную.

Спрашивается, что в таком случае остается делать автору, когда из сочинения его, положим, в пятьдесят листов, напечатано только десять, и только за эти десять листов он и получил условленный гонорарий. Начатый в одном журнале и не конченный печатанием труд едва ли найдет помещение в другом издании, как бы он ни был важен сам по себе в литературном отношении. Ясно, что в этом случае писатель терпит прямой убыток и лишается полного и законного вознаграждения за свой труд. Примеров этого у нас было немало.

Ввиду этих фактов дело г. Стебницкого с г. Кашпиревым представляет несомненный ин-

терес. Сущность его, как нам сообщили, состоит в следующем. Летом 1868 г. г. Стебницкий запродавал г. Кашпиреву большой роман свой «Божедомы» по сту рублей за лист, с условием, между прочим, чтобы автору выдано было по 6 декабря 2 000 руб. Между тем г. Стебницкий получил к условленному сроку разновременно и по частям только 1 300 р., а потому он взял обратно рукопись романа, не отказываясь, впрочем, от помещения его в «Заре», если г. Кашпирев выдаст ему ручательство, что во всяком случае деньги по условленной по листной цене будут заплачены за весь роман. Возникло разногласие, вследствие которого роман г. Стебницкого остался у него в портфеле в то время, когда обыкновенно заключаются условия издателей с авторами значительных сочинений.

Г. Кашпирев потребовал возвращения взятых г. Стебницким 1 300 р. и, не соглашаясь получить их, как тот предложил, с рассрочкою и обеспечением его книг, хранящихся у книгопродавца Базунова, подал прошение об арестовании имущества г. Стебницкого и наложении секвестра на гонорарий, следующий

ему из редакции «Русского вестника» за помещенный там отрывок из романа «Божедомы».

Вот, собственно, в чем все дело, — дело довольно простое, но интересное в смысле определения права на литературную собственность. При всякой запродаже покупатель и продавец взаимно обеспечивают друг друга, и книгопродавцы-издатели держатся того же правила, покупая литературный труд у литератора. Почему бы не держаться его и редактору журнала? Интересно, как суд посмотрит на это дело, не лишенное значения при наших литературных нравах и обычаях.

Примечания

Под именем австрийских или галицийских немцев в Западной Руси разумеют: садовников, винокуров, овчарей, акробатов, пивоваров и пр., хотя бы они были из Пруссии. К ним причисляют аптекарей и даже лекарей, прибывших к нам с громким титулом *doctores medicinae* (Докторов медицины — Лат.), но удостоенных нашими университетами звания: *medici tertiae sectionis* (Медиков третьего разряда — Лат.). С учреждением медицинского факультета в Киеве, с появлением отечественных прекрасных медиков, эти ученые *doctores medicinae*, или на русскую монету *medici tertiae sectionis*, составляют редкое явление, и говорят, что в Подольской и Волынской губерниях, дававших преимущественно приют и хороший кусок хлеба, едва можно насчитать их 5 или 6 человек. *Sic transit gloria mundi!* (Так проходит земная слава! — Лат.) — Прим. Лескова.

Мой слуга — Франц.

[^^^]

Объект — Франц.

[^^^]

4

Время — деньги — Англ. Правильно — time.

[^^^]

Своего рода — Лат.

[^^^]

Сев<ерная> пч<ела>. 1861. № 205. — Прим. Лескова.

[^^^]

Фактически, на деле — Лат.

[^^^]

Следовательно — Лат.

[^^^]

Мертвая точка

[^^^]

Жид Ротшильд с Бэрингом — собратом во Христе (перевод Георгия Шенгели) — Прим. Лескова.

[^^^]

Мнимо, якобыбы — Лат.

[^^^]

«Медвежья охота» Некрасова.

[^^^]

Так, так — Нем.

[^^^]

«Биржевые ведомости», № 123

[^^^]

Желательно бы знать число иностранных педагогов обоего пола во всей России, чего мы, к крайнему сожалению, не нашли в «статистических таблицах» С.-Петербургского центрального статистического комитета.

[^^^]

Впрочем, поправляемся: дальнейшая жизнь покажет этому ребенку, что родной язык его самого, его родителей и всего фешенебельного круга его и есть именно язык французский или английский, или немецкий, или даже все три вместе языки родные, а что коверкать русский мужицкий (ибо они, учась от челяди своей, другого не знают) язык прилично только с прислугою, с деревенщиною, с необразованным (то есть не знающим разговорного французского языка) учителяшкою, да с попом, как они иногда выражаются

[^^^]

Преступная пред Россию жизнь, если только она ведется не для действительного излечения, не для ученых, коммерческих и тому подобных целей! Тем более еще преступно воспитание детей за границу, обходящее мудрый закон, который воспрещает вывозить за границу детей от 10–18 лет. Было бы еще целесообразнее распространить это запрещение и на период детства от 1—10 лет, как период наибольшей впечатлительности

[^^^]

Великой нации — Франц.

[^^^]

Прекрасную Францию — Франц.

[^^^]

Но, черт побери, вы настоящий француз — Франц.

[^^^]

Псевдо — Лат.

[^^^]

Неизвестная земля; нечто совершенно неизвестное — Лат.

[^^^]

Науки — Франц.

[^^^]

«Руководство к воспитанию и обучению». Перев. с немецкого, стран. 112

[^^^]

Имена ненавистны, т. е. имена нежелательны — Лат.

[^^^]

«Девственница» — Франц.

[^^^]

«История падшей девушки» — Франц.

[^^^]

«Речи и беседы» — Франц.

[^^^]

«Человек должен есть и пить, чтобы поддерживать жизнь» — Нем.

[^^^]

Так точно в пятидесятых годах было открыто в Львовском уезде Курской губернии страшное убийство. Обличительницею тоже была оловянная пуговка. Но это едва ли можно отнести к искусству сыщика более, чем к счастливой случайности. — Ред.

[^^^]

В высоком романтическом стиле — Нем.

[^^^]

Уровень земли, нижний этаж — Франц.

[^^^]

Это, конечно, более всего зависит от степени соблюдения законов о привилегиях. У нас есть распространеннейшие и полезнейшие изобретения, которые можно встретить чуть не в каждом доме (напр<имер>, утермарковскую печь), но что в этом за выгода изобретателю, когда закон о привилегиях почти совсем не соблюдается и авторское право изобретателя сплошь и рядом не приносит ему ничего? Эта беззащитность наших привилегий была и есть причиною мертвенности и неподвижности в нашей русской изобретательности, ядовито сведенной в «Дыме» г. Тургенева к тому, что даже кнут, которым столь недавно была бита Россия, изобретен не ею, а пановавшею над нею татарвою. Эти беллетристические шутки можно бы очень подвинуть в сторону, если бы право изобретателей в России уважалось так, как оно уважается в республиканской Америке.

Любители — Франц. amateurs)

[^^^]

Нет свободных мест — Франц.

[^^^]

Лес — Франц.

[^^^]

«Сынами Отечества» — Франц.

[^^^]

Собственность — Франц.

[^^^]

Слава прекрасной Франции — Франц.

[^^^]

Не мешайте, дайте дорогу — Франц.

[^^^]

Красный призрак — Франц.

[^^^]

Мать — Франц.

[^^^]

Крупье — Франц.

[^^^]

«Ставки сделаны, ставок больше нет» —
Франц.

[^^^]

Светских львиц — Франц.

[^^^]

Мужчина — Англ.

[^^^]

Ни к селу, ни к городу — Франц.

[^^^]

Все возможно в природе! — Франц.

[^^^]

Помня, как в пегербургских кружках некогда интересовал всех молодой человек, носивший такую фамилию, какая принадлежит названному редактору газеты «N.-York Herald», считаем неизлишним заметить, что лицо это не имеет ничего общего с упомянутым несчастливцем, слывшим у нас то за английского эмиссара, то за полицейского шпиона. Прославившийся в Петербурге Бенни был русский подданный, сын евангелического пастора из Томашова-Равского, но его, по непостижимым недоразумениям, в Петербурге не только общество, но и все зауряд власти принимали за англичанина. Так, в этом сане великобританского подданного он и выслан из России, «как иностранец», по решению сената, за передержательство г. Кельсиева и впоследствии не особенно тяжело раненный французскими драгунами при Ментане (где он был с гарибальдийцами), умер от гангренного поражения правой руки

Золотой молодежи — Франц.

[^^^]

«Убежище для бездомных и нуждающихся детей» — Англ.

[^^^]

«Старая веселая Англия» — Англ.

[^^^]

Отцов семейства — Лат.

[^^^]